

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ»

На правах рукописи

АБРАМОВ СЕРГЕЙ ВАЛЕРИЕВИЧ

**КОНСТРУКТ БУДУЩЕГО КАК ОБЪЕКТ ЖИЗНЕННОГО МИРА И
РЕГУЛЯТИВ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЯН**

5.4.6 - социология культуры

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель:

доктор философских наук,
профессор Федоровский А.П.

Ставрополь - 2021

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Антиципативное измерение общественного сознания как теоретико-методологическая проблема социологии культуры.....	15
1.1. Антиципативное сознание в горизонте жизненного мира.....	15
1.2. Методологические основания социологического анализа антиципативной проблематики.....	36
1.3. Будущее в глубинных структурах сознания российского общества.....	55
Глава 2. Представления о будущем в регуляции социокультурных и поведенческих практик.....	76
2.1. Антиципативные aberrации и их деструктивное социокультурное воздействие.....	76
2.2. Эмпирические параметры коллективного образа будущего.....	96
2.3. Пути и перспективы антиципативной культуры в современном российском обществе.....	121
Заключение.....	139
Библиография.....	144

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертации выражается в недостаточной разработанности проблематики детерминации социальных практик и поведенческих моделей со стороны тех образов и конструктов будущего, которые присутствуют в жизненном мире россиян, а также локализованы на уровне индивидуального сознания. Мы можем лишь гипотетически предполагать наличие взаимосвязи между социокультурными ожиданиями и жизненными перспективами, с одной стороны, и обусловленными ими формами социального действия, с другой, не имея, при этом, исчерпывающих представлений ни о характере соответствующей детерминации, ни о задействованных в этом процессе механизмах, ни о степени интенсивности подобного воздействия.

Речь может идти одновременно как о теоретической востребованности такого рода исследований, так и об их прикладной значимости. С точки зрения теории современной социологии культуры, существующие в ней «лакуны» связаны с отсутствием релевантного понятийно-концептуального аппарата, эффективной методологической стратегии в отношении обозначенной проблематики, дефицитом апробированного социологического инструментария, позволяющего проводить глубинные исследования антиципативного сознания на различных его уровнях, равно как и со слабой эксплицированностью конститутивного момента в продуцировании конструктов будущего. Вместе с тем, их стихийное воспроизводство при одновременном игнорировании со стороны практик управления обществом, терпимость к очевидной иллюзорности социокультурных ожиданий ведут к фатальной дезориентации социального актора при формировании таковым своих жизненных стратегий, деформируют общую для всех россиян перспективу, поощряют патерналистские настроения в обществе, тем самым деморализуя последнее.

Наибольшие социальные потери при этом несут наименее защищенные слои отечественного социума, которые в силу естественных причин располагают низким образовательным уровнем, относятся к «неперспективным» возрастным группам или проживают в депрессивных регионах. Впрочем, общий низкий уровень развитости антиципативного сознания во всех без исключения социальных группах предельно обостряет и делает универсальной потребность в осознанном и ответственном отношении россиян к собственной будущности, опирающемся на креативное мышление и аналитическую рефлексию. Институциональные усилия, предпринимаемые в данной области, вне всякого сомнения, могли бы способствовать преодолению антиципативного антагонизма, заключающегося в противостоянии двух основных жизненных стратегий, одна из которых предполагает спонтанное, механистическое принятие предписанных внешними обстоятельствами перспектив, а другая строится на рациональном расчете и объективных оценках, включает в себя оправданный риск и ориентируется на личную ответственность за последствия принимаемых решений. Не будет преувеличением сказать, что одной из линий раскола современного российского общества является наличие у субъектов последнего диаметрально противоположных перспектив, что явно не способствует его консолидации.

На наш взгляд, речь должна идти, ни много, ни мало, как о появлении в России полноценной антиципативной культуры, носители которой будут в состоянии успешно решать личные и общественные задачи любой сложности, осознанно подходить к формулированию перспективного целеполагания, успешно осуществлять долгосрочные социальные инвестиции. Навыки социального поведения, полученные в рамках пространства антиципативной культуры, вне всякого сомнения, в состоянии воспрепятствовать присутствующему в настоящее время редуccionизму,

ограничивающему горизонт социальной активности границами сегодняшнего дня.

Степень разработанности проблемы. Основная масса научных работ, имеющих отношение к затронутой в настоящем исследовании проблематике, ориентирована на социальную прогностику, разработку методик и подходов к познанию будущего. И при этом мы можем констатировать почти полное отсутствие разработок, имеющих прямое отношение к вопросу воздействия социокультурных ожиданий на социальное поведение в настоящем. Речь, главным образом, может идти исключительно об обзоре литературы, лишь косвенно затрагивающей те или иные аспекты данной диссертации.

Репрезентация модели будущего в качестве объекта жизненного мира во многом состоялась благодаря обращению к классическим трудам Э. Гуссерля¹, А. Шюца², Ю. Хабермаса³. Специфика содержания и функционирования жизненного мира российского социума в контексте его эволюции рассматривалась в фундаментальной работе И.Б. Пржиленской⁴.

Особое внимание автор проявил к вопросу антиципативного мифотворчества. Образец последнего присутствует, в частности, в статье М.Ф. Черныша, анализирующей марксистскую модель конструирования будущего⁵. Социокультурная, историческая и религиозная детерминация антиципативных воззрений обнаруживается в работах А.П. Федоровского⁶,

¹ Гуссерль Э. Картезианские размышления. – СПб: Наука, Ювента, 1998; Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. – СПб: Владимир Даль, 2004.

² Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. – М.: РОСПЭН, 2004.

³ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000.

⁴ Пржиленская И.Б. Эволюция жизненного мира россиян: поиск современности. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2007.

⁵ Черныш М.Ф. Современный марксизм в мировом и российском контекстах // Социс. - № 5. – 2018.

⁶ Федоровский А.П. Десекуляризация общественного сознания как социокультурный тренд современности // Философия права. - № 6. – 2013; Федоровский А.П. Историческая память и диалог культур // Ставрополь – город межэтнического согласия и межконфессионального диалога. Материалы ежегодной городской научно-практической конференции. – Ставрополь: Изд-во СКСИ, 2015

И.М. Савельевой, А.В. Полетаева¹, Т.С. Прониной, Ю.С. Федотова, Е.Ю. Федотовой², Л.Н. Вдовиченко³.

Конкуренция образов будущего проблематизируется у Д. Моизи⁴. Нормативные антиципативные модели становятся предметом исследования П.М. Козырева, А.Э. Низамовой, А.И. Смирнова⁵, М.К. Горшкова, Н.Н. Седовой⁶, М.В. Сорокиной⁷, А.Ю. Мягкова⁸.

В методологическом плане значительный интерес представляют как инновационные концепции Н.И. Лапина⁹, И. Шубарта¹⁰, В.П. Бондарева, С.Л. Рулевой¹¹, так и соответствующие представления классиков социологической мысли Т. Парсонса¹², Р. Дарендорфа¹³, Ч. Кули¹⁴, Н. Лумана¹⁵, Д. Белла¹⁶. Весьма важные, с точки зрения социологической когнитивистики вопросы достижения адекватного представления о будущем, поднимались И.В.

¹ Савельева И.М., Полетаев А. В. В поисках утраченного. – М.: Языки русской культуры, 1997.

² Пронина Т.С., Федотов Ю.С., Федотова Е.Ю. Типологизация новых религиозных движений на основе ценностей и потребностей // Социс. - № 1. – 2018.

³ Вдовиченко Л.Н. Переформатирование Европы: социологический ракурс // Социс. - № 2. – 2018.

⁴ Моизи Д. Геополитика эмоций. Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир. – М.: Московская школа политических исследований, 2010.

⁵ Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Счастье и его детерминанты // Социс. - № 1. – 2016.

⁶ Горшков М.К., Седова Н.Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социс. - № 22. – 2015.

⁷ Сорокина М.В. Смена приоритетов? Трудовые ожидания работников ритейла в зеркале интернет-коммуникаций // Социс. - № 5. – 2018.

⁸ Мягков Ю. А Студенты технического вуза: профессиональные компетенции и ожидания на рынке труда // Социс. - № 6. – 2016.

⁹ Лапин Н.И. Антропосоциокультурный эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей // // Социс. - № 3. – 2018.

¹⁰ Шубрт И. Концепция социального времени в социологии – перспективный подход или теоретический тупик? // Социс. - № 4. – 2015.

¹¹ Бондарев В.П., Рулева С.Н. Структура и динамика надорганизационных научных сообществ // Социс. - № 5. – 2018.

¹² Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2002.

¹³ Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии. – М.: Праксис, 2002.

¹⁴ Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 200.

¹⁵ Луман Н. Эволюция. – М.: Логос, 2005.

¹⁶ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999.

Бестужевым-Ладой¹, А.И. Селивановым², Р. Ленуаром, Д. Мерлье, Д. Пэнто, П. Шампанем.³

Особенности содержания антиципативной интенциональности и ее локализации в глубинных структурах сознания современного российского социума посвящены работы В. Шубарта⁴, Ж.Т. Тощенко, ⁵В.В. Ильина⁶, Ю.Г. Волкова⁷, Г.С. Широкаловой⁸, Д.В. Трубицына⁹, Н.Н. Зарубиной¹⁰, А.В. Юревич¹¹, А.А. Гребенюк, Д.А., Полежаевой¹², О.А. Шибалиной¹³. Этнокультурный момент в формировании образа будущего артикулирован исследованиями Р. Д. Хунагова¹⁴, Р.А. Ханаху, О.М. Цветкова¹⁵, С.А. Ляушевой¹⁶, З.В. Анайбан, Г.Ф. Балакиной¹⁷, Р.К. Тангалычевой¹⁸ и ряда других исследователей.

Как уже отмечалось выше, все упомянутые авторы не ставили перед собой непосредственной задачи исследования характера влияния той или иной картины будущего на социальную жизнь в настоящем. Тем не менее, их

¹ Бестужев-Лада И.В. Что мы знаем о XXI веке? И каким образом? // Мир нашего завтра. Антология современной классической прогностики. – М.: Эксмо, 2003.

² Селиванов А.И. Познание будущего развивающихся социальных объектов // Социс. - № 4. – 2015.

³ Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Д., Шампань П. Начала практической социологии. – М.: Алетейя, 2001.

⁴ Шубарт В. Европа и душа Востока. – М.: Русская идея, 2000.

⁵ Тощенко Ж.Т. Жизненный мир и его смыслы // Социс. - №1. – 2016.

⁶ Ильин В.В. Мир глобо: вариант России. – Калуга: Полиграф-информ, 2007.

⁷ Волков Ю.Г. Социология будущего: социологическое знание и социальный проект. – М.: Кнорус, 2017.

⁸ Широкалова Г.С. Коммуникативная память: опыт изучения семейных историй (по материалам социологического практикума в вузе) // Социс. - № 5. – 2018.

⁹ Трубицын Д.В. Макроистория: критика социологии большой длительности // Социс. - № 2. – 2018.

¹⁰ Зарубина Н.Н. Доверие к науке в современной России в контекстах множественности форм знаний // Социс. - №5. – 2018.

¹¹ Юревич А.В. Экономика эзотерических знаний // В защиту науки. - №8. 2011.

¹² Гребенюк А.А., Полежаева Д.А. Мотивы возвратной миграции российских граждан, получивших высшее образование за рубежом // Социс. - №4. – 2016.

¹³ Шибалина О.А. Личные дневники «советского» человека: опыт качественного исследования // Социс. - №4. – 2016.

¹⁴ Хунагов Р.Д. Личность и цивилизация в мире аутентичности и идентичности. - М.: Антей, 2012.

¹⁵ Ханаху Р.А., Цветков О.М. Отношение к соотечественникам и проблемам толерантности в общественном сознании // Работы разных лет отдела философии и социологии (2014-2019. – Майкоп: Из-дво Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева), 2019.

¹⁶ Ляушева С.А. Влияние модернизации общества на институт семьи // Вестник АГУ. - № 2.- 2010.

¹⁷ Анайбан З.В., Балакина Г.Ф. Динамика межэтнических отношений и этнических стереотипов в Республике Тыва // Социс. - № 8. – 2015.

¹⁸ Тангалычева Р.К. Межкультурная коммуникация и аккультурация (опыт зарубежных исследований) // Социс. - № 7. – 2015.

труды позволили осуществить полномасштабное изучение данного вопроса во всей его многоаспектности и привязке к широкой культурной контекстуальности.

Объектом исследования выступают социокультурные ожидания современного российского общества.

Предметом исследования является влияние представлений о будущем на жизненные стратегии и поведенческие практики россиян.

Цель исследования состоит в определении роли и места нормативных и предписанных представлений о будущем в повседневном и стратегическом планировании россиян, а также в выявлении способов их отражения в эмпирической деятельности последних, обнаружении условий и перспектив развития антиципативной культуры. Для достижения поставленных целей, автором были решены следующие **задачи**:

- осуществлена дескрипция конструкта будущего в качестве объекта жизненного мира;
- обозначены методологические основания исследования широкого круга вопросов, относящихся к антиципативной культуре;
- определен статус будущего в глубинных структурах сознания российского общества;
- дано описание антиципативной аберрированности в качестве разновидности социокультурной дисфункции;
- выявлены эмпирические параметры коллективного образа будущего в массовом сознании россиян;
- обозначены пути развития антиципативного сознания отечественного социума в качестве условия повышения его общекультурного уровня.

Гипотеза исследования. В настоящее время усиливается раскорреляция нормативных социокультурных ожиданий и конкретно-

эмпирических трендов, что способно привести к росту социального пессимизма, ослабить созидательную энергию масс, серьезно дестабилизировать общественную обстановку. Преодоление обозначенной деструктивной тенденции лежит в плоскости развития креативного мышления, демифологизации видения социокультурных перспектив, приобретения навыков восприятия будущего через призму объективных оценок, опирающихся на диалектику прошлого, настоящего и будущего.

Теоретико-методологическую основу исследования составили отдельные социально-эволюционистские концепции, в числе которых концепция «социального времени (И. Шубрт)», теория «антропосоциокультурного эволюционизма» (Н.И. Лапин), «эволюционистская модель жизненного мира» (И.Б. Пржиленская). Различные измерения деятельностного начала антиципации нашли свое отражение в концепте «социального действия» (Т. Парсонс), а также в теории «локального изменения» (Р. Дарендорф). Значимым методологическим ориентиром при подготовке настоящего исследования стала критика фаталистических представлений в отношении будущего. Так, о «проектности» последнего было заявлено, в частности, Д. Беллом, Н. Луманом и Ю. Хабермасом. Синергетический подход (А.И. Селиванов.) к пониманию антиципативной проблематики позволил достичь понимания будущего как вариативной модели. При этом автор опирался на принцип междисциплинарности, позволивший дополнить собственно социологические данные необходимыми сведениями из иных областей социально-гуманитарного знания. Также широко использовался и достаточно апробированный общепhilosophический инструментарий.

Эмпирическая база. Сбор первичной социологической информации в виде анкетного опроса проводился в течение августа-сентября 2018 года в Ставропольском и Краснодарском краях, а также Ростовской области в соответствии с репрезентативной квотной выборкой (N=1621). В этот же

период был осуществлен сбор экспертной информации. Представителями экспертного сообщества выступили специалисты различных областей перспективного планирования, в число которых вошли сотрудники управленческих и аналитических структур, работники финансовой сферы, преподаватели учебных заведений разного уровня, а также журналисты региональных СМИ (31 эксперт). При этом выборочная совокупность коррелировала с генеральной совокупностью общероссийского уровня. Формализованные методы сбора первичной социологической информации были дополнены глубинным интервьюированием.

Научная новизна работы состоит в следующем:

- дано описание регуляции жизненного мира в качестве диалектически взаимодействующей системы эмпирических и внеэмпирических регулятивов;
- выявлены стереотипы восприятия будущего массовым сознанием, преодоление которых лежит в плоскости аналитического мышления и социальной пассионарности;
- проанализирован феномен «антиципативной сенситивности» российской культурной традиции, для которой «чувствительность к будущему» является одной из важнейших смыслодержущих модальностей.
- введено понятие антиципативной аберрации, под которым понимается такая деятельностная ориентация на будущее, которая влечет за собой деструктивные последствия.
- эмпирически зафиксировано антиципативное самочувствие современного российского общества;
- определены содержание и параметры нормативной модели будущего, содержащей в себе систему стимулов поступательного социокультурного развития общества.

Положения, выносимые на защиту:

1. Образ будущего является конкретной данностью, в полном объеме наделенной всеми теми характеристиками, которыми обладает любой

объект жизненного мира, включая такие параметры как определенность, очевидность, соотнесенность со всей совокупностью конкретно-эмпирических координат социальной действительности. Одним из важнейших атрибутов антиципации, осуществляемой на уровне жизненного мира, выступает ее нормативность, определяющая пути и средства достижения искомого перспективного целеполагания.

2. В условиях ускорения социокультурной динамики происходит мультипликация образов будущего в сознании общества, их дифференциация и усложнение. Данный процесс предполагает предельно широкое использование познавательных теоретических моделей, представляемых современными социологическими концепциями. Особое значение в этой ситуации приобретает обращение к принципу междисциплинарности, позволяющему описывать социум в новой информационной реальности, связанной с феноменом «Big Data».

3. Поиск широкого общественного консенсуса относительно общих цивилизационных перспектив должен лечь во главу угла деятельности, как органов власти, так и структур гражданского общества. В случае ее успешной реализации, консолидация общества, опирающаяся на общее видение своего собственного будущего, сохраняется даже в случае обострения внешних или внутренних вызовов.

4. Под аберрированным восприятием будущего следует понимать любые представления относительно социокультурной перспективы, вне зависимости от их прогностической релевантности, которые оказывают на актора демотивирующее воздействие, препятствуют построению эффективных жизненных стратегий, приводят к социальной пассивности или, напротив, стимулируют деструктивную активность. Атрибутом любого деструктивного антиципативного конструкта является его радикализм, представленный набором крайностей, таких как крайности утопически фундированного оптимизма или, напротив, безосновательного алармизма.

5. Доминантный образ будущего представляет собой амбивалентный конструкт, в равной мере объединивший в себе как оптимистические, так и пессимистические ожидания. Нормативное будущее видится подавляющему числу россиян как эгалитарно-патерналистский и антиглобалистский проект, в рамках которого им гарантируется сохранение своей социокультурной идентичности, высокий уровень социальной защиты и отсутствие крайностей имущественного неравенства. Поверхностное присутствие в коллективном сознании религиозно-мистического компонента, исключает его из числа сколь-нибудь серьезных регулятивов социального поведения.

6. Нормативная модель будущего должна перестать быть стихийно создаваемым продуктом, представляющим собой набор случайных антиципативных представлений и спонтанных решений социального актора. Ей следует радикально изменить свою локализацию, переместившись с периферии общественного и личностного сознания в их центральную точку, ориентируясь при этом на два фундаментальных принципа: принцип объективности, предполагающий реалистичный анализ открывающихся перспектив, и принцип перфекционизма, заключающийся в отказе от самоограничения при разработке долгосрочных планов.

Теоретическая и практическая значимость диссертации.

Работа содержит в себе завершенную методологическую стратегию, ориентированную на эффективную разработку широкого круга вопросов, связанных с перспективным ориентированием социального актора в ситуации социокультурной полисценарности. Автором предложена универсальная теоретическая модель эффективного социального поведения в условиях неопределенного будущего.

Представленные в диссертации материалы могут войти в программы повышения социальной эффективности молодежи, быть востребованными органами государственной и муниципальной власти, менеджментом

образовательных организаций и системой отечественного хедхантинга, а также использоваться в процессе преподавания широкого круга социально-гуманитарных дисциплин.

Соответствие темы диссертации требованиям паспорта специальности ВАК РФ. Диссертационное исследование соответствует паспорту специальности 22.00.06 – социология культуры: п. 7. Проблема субъекта культурных изменений, п. 14. Культурная социализация и самоидентификация личности.

Апробация работы. Работа выполнена на кафедре социально-гуманитарных дисциплин АНО ВО «Северо-Кавказский социальный институт». Основные результаты работы излагались на Международной научно-практической конференции «Социально-гуманитарные и естественно-технические науки и вызовы современности» (Ставрополь, 2017), 25-м Годичном научном собрании профессорско-преподавательского состава АНО ВО СКСИ (Ставрополь, 2018), 4-й Международной научно-практической конференции «Общество и личность: гуманизация в условиях информационной и коммуникационной культуры» (Ставрополь, 2018), Всероссийской конференции «Современный терроризм, его формы и средства противостояния» (Ставрополь, 2018), 26-м Годичном научном собрании профессорско-преподавательского состава АНО ВО СКСИ (Ставрополь, 2019), 7-й Всероссийской научно-практической конференции «Общество и личность: проблемы гуманизации современного социокультурного пространства» (Ставрополь, 2019), Международной конференции «Формирование нового мирового порядка в контексте современных вызовов и угроз» (Ставрополь, 2019), Всероссийской научной конференции «Современное гуманитарное знание о проблемах социального развития» (Ставрополь, 2020).

Материалы диссертации используются в процессе преподавания философии и социологии в Автономной некоммерческой организации высшего образования «Северо-Кавказский социальный институт».

Диссертация принята к защите на заседании кафедры социально-гуманитарных дисциплин АНО ВО СКСИ. Материалы исследования изложены в двенадцати научных статьях, три из которых в изданиях, рекомендованных ВАК России.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, содержащих шесть параграфов, заключения, библиографического списка, включающего 156 наименований. Общий объем работы 155 страниц машинописного текста.

Глава 1. АНТИЦИПАТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ

1.4. Антиципативное сознание в горизонте жизненного мира

Пространство обыденности, повседневных практик и рутинизированного социального миропорядка в социологии принято ассоциировать с жизненным миром, с тем специфическим ментальным полем, чье содержание воспринимается человеческим сознанием как нечто безусловно данное, эмпирически подтвержденное и чье существование не вызывает никаких сомнений. Как справедливо отмечают исследователи: «Жизненный мир – это то, что в сознании человека предстает с очевидностью. Именно это очевидное служит основанием повседневной жизни, регулирует действия и поступки»¹.

Инвариантность восприятия жизненного мира, имманентность последнего обыденному сознанию достигается апостериорным усвоением конкретного опыта, лично полученного социальным актором в процессе повседневной коммуникации и непосредственных усилий в рамках краткосрочного целеполагания. Именно апостериорный характер обыденного познания, как это принято считать, предопределяет не только рутинные поведенческие модели, но и долгосрочные жизненные стратегии.

Разумеется, было бы неправильным ассоциировать наполняемость жизненного мира конкретного актора исключительно с тем опытом, который формируется в результате личного постижения окружающей действительности. Огромное значение имеет также и вторичный опыт, транслируемый реципиенту в качестве субъекта социализации. Как правило, вторичный опыт продуцируется на институциональном уровне, а его

¹ Пржиленская И.Б. Эволюция жизненного мира россиян: поиск современности. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2007. – С. 13.

содержание отличается большей степенью универсальности, чем тот, который приходит к человеку спонтанно. Общим, как для первичного, так и для вторичного социального опыта выступает их апостериорность, заключающаяся в эмпирической и социокультурной фундированности.

Вместе с тем, также недопустимо редуцировать функционирование жизненного мира только к сугубо апостериорным детерминантам. Скорее речь может идти о сложной диалектической связи апостериорного и априорного, того, что следует относить к сущему, и того, что традиционно определяется как должное. Эмпирические регулятивы, локализованные в пространстве жизненного мира, отнюдь не обладают монополией на управление деятельностью социального актора даже на уровне повседневности. Так, общественное табуирование тех или иных действий очевидно даже для тех, кто их никогда не производил, а, стало быть, не может располагать негативным опытом совершения.

Функционал эмпирически обусловленных деятельностных детерминант дополняется конструктами аксиологического, этического и религиозного корпусов, а также всем тем, что принято относить к социокультурной сфере. В числе последних мы наблюдаем и определенные модели будущего, которые также играют полноценную роль генератора социальных и конкретно-поведенческих практик. Речь, в данном случае, может идти об антиципативном сознании, воспроизводящем те или иные образы будущего, которые не только влияют на построение долгосрочных жизненных стратегий, но заявляют о себе в обыденной жизни. Очевидно, что любой, кто заинтересован в реализации своих карьерных амбиций, с необходимостью должен будет следовать принципам корпоративной этики или соблюдению установленного в организации дресс-кода, поскольку соответствующее поведение будет являться ни чем иным как результатом экстраполяции модельного будущего в настоящее, обратной проекцией нормативного в фактическое.

Полноценная антиципативная рефлексия невозможна вне наличия потенциальных условий для ее реализации. Самый позитивный образ будущего не будет иметь никакого влияния на социального актора, если последний не обнаруживает путей для его объективации. Понятно, что в ситуации закрытия социальных лифтов или замедления вертикальной мобильности происходит девальвация антиципативного компонента в пространстве жизненного мира, поскольку, как мы отмечали ранее, жизненный мир есть мир очевидного (достижимого), а не утопического, невозможного принципиально.

Воздействие на жизненный мир со стороны антиципативного сознания осуществляется на двух уровнях: на уровне социетальной перспективы и на уровне индивидуального будущего конкретной личности. К социетальной перспективе мы относим глобальные тенденции развития планетарного социума, геополитические расклады, прогнозы относительно мировой экономики или международных отношений. Соответственно на более низком уровне располагаются ожидания, связанные с непосредственным будущим актора, его профессиональной деятельностью, межличностными отношениями, рекреативными запросами и т.п.

Зримым препятствием на пути эффективного практического использования антиципативного знания является его спонтанное или целенаправленное искажение, что, в конечном итоге, ведет к мифологизации образа будущего в рамках жизненного мира. В частности, М.Ф. Черныш рассматривает один из вариантов ложной антиципации на примере мифологем, широко внедряемых в массовое сознание в эпоху первоначального накопления капитала в новейшей отечественной истории. Он вскрывает не только иллюзорную, но и манипулятивную сущность соответствующего социального мифа, ставшего фактором дезориентации десятков миллионов россиян при построении ими своих жизненных стратегий. «В самом мифе о первоначальном накоплении, - пишет автор, -

широко пропагандируемом российскими средствами массовой информации, таится большая ложь о возможности большого успеха для тех, кто неустанно трудится на хозяина, стараясь из последних сил сделать сбережения на будущее. Миф конструируется, во-первых, как обвинительное заключение: любой, кто беден, страдает потому, что недостаточно работает, неграмотен, растрчивает силы попусту на занятия, которые того не стоят. А, во-вторых, его назначение в том, чтобы дарить надежду: каждый, кто следует существующим правилам игры, может в конечном итоге занять место сильных мира сего. Однако реальные процессы формирования капитала идут совершенно иными путями, во многом потаенными, неявными для большинства современников»¹.

Приведем пример одновременного воздействия многоуровневой антиципации на жизненный мир. Допустим, что в социетальной антиципативной модели присутствует доминантный образ некоего государства, располагающего значительным социально-экономическим потенциалом и играющим ведущую роль на международной арене. В этом случае валюта, эмитентом которой выступает это государство, станет предметом долгосрочного инвестирования для представителей многих сообществ, особенно тех из них, чья экономика обнаруживает менее удовлетворительные перспективы. Причем данный инвестиционный процесс приобретает ярко выраженные рутинизированные черты, протекая в режиме повседневности, что говорит о его бесспорной принадлежности к сфере жизненного мира. Что касается личностного уровня, то здесь речь, скажем, может идти о выборе предпочтительного коммуникативного контрагента, способного повлиять в будущем на успешное построение карьеры или обеспечить любые иные предпочтения.

¹ Черныш М.Ф. Современный марксизм в мировом и российском контекстах // Социс. - № 5. – 2018. - С. 19.

Любой антиципативный конструкт имманентно принадлежит к зоне социально-психологического комфорта актора, напрямую связан с сохранением его социокультурной идентичности и в этом своем значении он может быть раскрыт посредством метафоры счастья. Понятие счастья содержит в себе артикуляцию той или иной нормативной самореализации, которая при этом далеко не всегда наделена прагматическими коннотациями. В частности, к подобному выводу приходят авторы социологического исследования «Счастье и его детерминанты». «Очень часто, - подчеркивается в указанной работе, - счастье приносят не высокие заработки, но возможность реализовать себя в профессиональном плане, проявлять творчество, помогать окружающим людям, ощущать сопричастность к осуществлению важной миссии, выполнению значимого общественного дела и т.д.»¹.

Здесь следует подчеркнуть мобильность антиципативного сознания в границах жизненного мира отдельно взятого социального актора, чьи запросы и потребности многократно меняются в течение его жизни. Известно, что с возрастом происходит уменьшение амбиций, снижение материальных запросов, упрощение рекреативных потребностей. В образе будущего начинают превалировать идеи стабильности, покоя и отсутствия каких-либо потрясений. Сказанное затрагивает не только профессиональную или коммуникативную сферы, но также и досуговую область. «С возрастом общая активность досуговой деятельности значительно снижается, что не исключает широкого распространения отдельных форм досуга, традиционно пользующихся у пожилых людей большой популярностью, поскольку они не связаны со значительными физическими нагрузками и не требуют специальных навыков, умений и способностей (садоводство и

¹ Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Счастье и его детерминанты // Социс. - № 1. – 2016. – С.67. - С. 67.

огородничество, чтение книг, журналов и газет, рыбалка, охота, сбор грибов и др.)»¹.

Сказанное вполне может соответствовать и другим моментам антиципативной интенциональности старшего поколения, которое естественным образом обращается к сфере сакрального в рамках действующих религиозных институтов. Как пишет А.П. Федоровский: «Объективация религиозных императивов не ограничивается только сферой индивидуального или даже общественного сознания, но также осуществляется и в институциональной плоскости»².

Влияние антиципации на жизненный мир самым прямым образом зависит и от течения социального времени, скорость которого неравномерна по отношению к каждому типу общества. Если для модернизирующегося социума антиципативный конструкт является своеобразным императивом, ориентированным на радикальное преобразование действительности, то в рамках архаического сообщества, наделенного консервативным коллективным сознанием, он выступает исключительно копией социокультурной ретроспективы. Свою особую историческую роль антиципативное мышление сыграло в период становления буржуазных отношений, когда катализатором утверждения капиталистического строя выступила перфекционистская модель нормативного будущего. Вот как описывается темпоральная специфика генезиса капитализма И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым: «Историческое время стран переселенческого капитализма изначально было временем будущего, и даже тогда, когда у них появилось прошлое, составляющее предмет гордости их граждан, значение будущего оставалось более существенным. Возможно,

¹ Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Счастье и его детерминанты // Социс. - № 1. – 2016. - С. 69.

² Федоровский А.П. Десекуляризация общественного сознания как социокультурный тренд современности // Философия права. - № 6. – 2013. – С. 88.

роль будущего объясняется также высоким динамизмом, характерным для развития этих стран, особенно США»¹.

Говоря о том, что на состояние общества влияет тот образ будущего, которым оно располагает, нельзя упускать из внимания и то, что этот образ может включать в себя некую эсхатологическую перспективу, равно как и поведение конкретного социального актора, поведенческим регулятивом которого выступают его личные религиозные воззрения. Для социологии культуры крайне важно определить как механизмы этого влияния, так и границы их действия.

Проблема не такая простая, как это может показаться на первый взгляд. Не в последнюю очередь ее сложность определяется слабой экспликацией религиозных детерминант как таковых, отсутствием ясных представлений об их структуре и характере воздействия. Так, признавая за религией ее участие в формировании ментального пространства социума, современная социология ограничивается, как правило, рассмотрением данного вопроса в этической или ценностной плоскостях. Данный подход представляется нам не достаточно эвристичным, поскольку имеет место очевидная конвергенция религиозного и светского этических корпусов, не позволяющая осуществить их дифференциацию с точки зрения определения степени их влияния на социальные практики. При этом за рамками социологического мейнстрима остается вопрос о детерминирующей роли дискурса посмертного воздаяния в сверхэмпирическом континууме.

Крайне интересно было бы взглянуть на конкуренцию образов будущего в существующих в российском обществе религиозных верованиях. Мы не можем априорно исключить указанный момент в акте выбора религиозной модели или ее возможной ревизии, когда «верующий человек

¹ Савельева И. М., Полетаев А. В. В поисках утраченного. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 326.

испытывает потребность выйти за пределы религиозной традиции, доминирующей в культуре, возраставшей индивида»¹.

Действительно, что заставляет социального актора выходить из зоны религиозного «комфорта», маргинализироваться за счет приобретения им социальной стигмы сектантства, вступать в конфликт с самым широким социальным окружением, включающим родных и близких, коллег по работе и коммуникативных партнеров? Полагаем, что основания для этого должны быть более чем серьезные.

Соответствующая трансформация происходит в подходах к интерпретации доктрин и реализации практик и внутри самих традиционных конфессий, где радикальная идея искупления постепенно замещается более конформистской идеологией, которая, в свою очередь, артикулируется общегуманистической риторикой. Современный человек не отказался окончательно от присутствующего в нем трансцендирующего начала, как одной из своих сущностных характеристик, но при этом пожелал изменить вектор этой трансценденции. Теперь он самостоятельно выбирает те аспекты доктрины, которые ему представляются приемлемыми, а также независимо от институции осуществляет селекцию ритуалов, формируя для себя персональную ритуальную модель.

Основной тренд внеконфессиональных духовных исканий также связан с переходом от сакрального целеполагания к достижению конкретных целей «здесь и сейчас». Они движимы не той картиной будущего, которая находится за рамками конкретной эмпирии, а теми ориентирами, чье достижение предполагается в горизонте видимой перспективы. Эта особенность отмечена специалистами в области нетрадиционных верований. По мнению последних: «Духовные искатели» «путешествуют» из группы в

¹ Пронина Т.С., Федотов Ю.С., Федотова Е.Ю. Типологизация новых религиозных движений на основе ценностей и потребностей // Социс. - № 4. – 2018. – С. 74.

группу, охотно реализуют различные религиозные практики, обещающие развитие индивидуальных способностей, избавление от проблем, приобретение неординарных возможностей, элементы ритуалов, позволяющих испытать необычные переживания»¹.

Перестройка общественного сознания, во многом произошедшая под влиянием смены социально-экономической формации, обозначила новые принципы отношения к сфере сакрального. Запрос на диверсификацию потребительского рынка коснулся не только область материального, но также и религиозное пространство. В итоге сформировался гигантский «духовный супермаркет», способный удовлетворить любые фидеистические запросы и потребности, имеющие антиципативную тональность. Уровень конкуренции здесь предельно высок, что имеет свои объяснения. Во-первых, местом локализации данного «супермаркета» выступает открытое глобальное информационное пространство, обеспечивающее равные конкурентные условия всем, кто на нем присутствует, при этом традиционные конфессии лишаются привычных для них предпочтений. В качестве второй причины следует назвать широкое распространение современных маркетинговых стратегий, разработанных по принципу тех, которые применяются при агрессивной рекламе.

Впрочем, несмотря на всю эклектичность религиозно окрашенных ожиданий, мы, тем не менее, можем попытаться выделить основные образы сверхэмпирического будущего, находящие свое отражение в социальном действии. Все они, так или иначе, укладываются в три основных сценария:

- 1). Фатально предопределенный негативный сценарий;
- 2). Амбивалентный сценарий;
- 3). Фатально предопределенный позитивный сценарий.

¹ Пронина Т.С., Федотов Ю.С., Федотова Е.Ю. Типологизация новых религиозных движений на основе ценностей и потребностей // Социс. - № 4. – 2018. – С. 75.

Следует предположить, что первый и третий сценарии обуславливают преимущественно радикальные образцы социального действия, связанные либо с крайностями аскезы, либо с крайними проявлениями гедонизма. Более содержательно насыщенным являются те модели социального действия, которые вытекают из второго сценария, то есть из сценария неопределенности. Помимо уже обозначенных радикальных моделей, в рамках этого сценария могут иметь место псевдорелигиозная мимикрия, обусловленная мотивом социального одобрения, рутинизированное, механистичное религиозное поведение, не опирающееся на сколь-нибудь глубокую рефлексию, а также многочисленные образцы гибридного социального действия.

При этом нельзя забывать о том, что как образы будущего, так и детерминируемое ими социальное действие значительно превосходят рациональные, дискурсивные границы. Их истоки уходят глубоко в психологию социума и его подсознание. Уже на этом уровне начинается формирование любых, в том числе и религиозных антиципативных представлений, поскольку «психологическая привязанность к той или иной социокультурной парадигме, обнаруживается как в сфере общественного сознания, так и на уровне коллективного бессознательного»¹.

Таким образом, в формировании антиципативного пространства жизненного мира принимают участие личный опыт социального актора, историческая память нации, а также детерминанты культурного и религиозного порядка. Однако в настоящее время мы наблюдаем усложнение структуры жизненного мира, которое происходит, в том числе и за счет увеличения численности продуцирующих его факторов. Одним из таких факторов выступает профессиональное экспертное сообщество, те

¹ Федоровский А.П. Историческая память и диалог культур // Ставрополь – город межэтнического согласия и межконфессионального диалога. Материалы ежегодной городской научно-практической конференции. – Ставрополь: Изд-во СКСИ, 2015 – С. 296.

интеллектуалы, которые привносят свои собственные представления о будущем, освобожденные от влияния эмпирических или социокультурных моментов.

При всем разнообразии подобных представлений, все их можно разделить на две основные разновидности, одна из которых определяет социокультурные перспективы как не зависящие от воли человека, в то время как другая настаивает на возможности и обязанности последнего участвовать в их перенастройке. Однако при этом встает вопрос о механизмах инфильтрации антиципативного контента, продуцируемого теоретической мыслью, в область жизненного мира. Очевидно, что результаты антиципативной рефлексии профессионального сообщества не могут напрямую быть экстраполированными в структуры массового сознания, но нуждаются в посреднике, который бы был в состоянии адаптировать соответствующие представления для их восприятия обществом. Таким посредником выступает институциональная система, которая ретранслирует адаптированное антиципативное знание своим реципиентам. Если конкретизировать сказанное, то можно также указать на подобную посредническую роль политических партий, структур власти, масс-медиа, образовательных заведений и проч.

Действительно, что такое «правые» и «левые» в современной политике, как не носители одной из двух разновидностей антиципативной идеи? Если первые заявляют о предопределенности будущего, то их оппоненты настаивают на нормативно-инструментальном характере такового. Данный политический конфликт легко может быть представлен не просто как борьба за общественное мнение, но и как стремление доминировать в жизненном мире. При этом каждая из обозначенных политических сил исходит из концептуальных разработок теоретиков, указывающих на сложную диалектическую взаимосвязь объективно-эмпирического и субъективно-духовного в их влиянии на формирование будущего. «Между этими двумя

основами современного капитализма, - указывает Х. Роза, - существует фундаментальное противоречие. Структурно капиталистическая система определяется как социальная формация, которая может воспроизводиться только в режиме динамической стабилизации», т.е. путем непрерывного роста, ускорения и инновации. Но в культурном (субъективном) плане люди, живущие в этом обществе, движимы желаниями сделать мир «доступным», «достойным» и «достижимым»¹.

Думается, что в дальнейшем влияние антиципативного сознания на жизненный мир будет только возрастать. Это связано с мультипликацией социальных практик, усложнением структуры общественного сознания и расширением спектра форм и ростом разнообразия инструментария коммуникативного действия. Кроме того, осознанный подход к антиципативному моделированию станет неизбежностью в условиях постоянно множасьихся вызовов современности.

Генезис образа будущего в рамках жизненного мира имманентно связан с тем эмоциональным рядом, который при этом неизбежно присутствует. Не будет преувеличением сказать, что данный образ во многом является эмоциональным образом. Данный тезис, на наш взгляд, вовсе не противоречит другому постулату, интерпретирующему антиципативный конструкт в качестве рациональной модели. Дело в том, что последняя представляет собой настолько сложную ментальную конструкцию, что включает в себя самые разнообразные элементы и формы сознания общества.

Мы видим в эмоциональном компоненте антиципации, присутствующей в границах жизненного мира, не только одно из измерений intersubjectивной феноменологической реальности, но и некий когнитивный момент, обеспечивающий социолога дополнительным эвристическим ресурсом. Очевидно, что нет иной возможности исследовать

¹ Цит по: Вдовиченко Л.Н. Переформатирование Европы: социологический ракурс // Социс. - № 2. – 2018. – С. 12.

характер влияния образа будущего на социокультурное поведение населения иначе как, достигнув глубокого понимания воздействия на него эмоционального фактора, осуществив анализ тех переживаний, на фоне которых генерируются антиципативные представления.

Крайне важно при изучении эмоционального аспекта антиципации определить его ценностное значение, наделив таковую положительным, отрицательным или нейтральным знаком. Содержание знака должно определяться характером обратной связи, существующей между эмоциональной заряженностью образа будущего и конкретной результативностью социокультурных практик. Если таковые оказываются социально успешными, то сопровождающие их эмоции следует считать позитивными, в противном случае, они будут определяться в качестве деструктивных. При отсутствии эмпирических данных относительно характера влияния антиципативной эмоциональности на наличную социальную реальность, последнюю можно интерпретировать как нейтральную.

Множественность образов будущего способствует тому, что они начинают естественным образом конкурировать друг с другом, причем эта конкуренция проявляется не только на уровне рефлексии, но и в плоскости эмоций. Для социологической дескрипции этой конкурентной борьбы мы должны обратиться к принципу редукции, позволяющему выделить из всей шкалы эмоций основные эмоциональные ряды в качестве детерминант социального поведения. Основными здесь могут быть эмоция страха и эмоция надежды. Вот как описывает воздействие этих эмоций на личность и общество Д. Моизи: «Страх – это отсутствие уверенности в себе. Если в вашей жизни господствует страх, вы со страхом воспринимаете настоящее и ожидаете, что будущее станет еще более опасным. Надежда, напротив,

выражает уверенность; она основана на убеждении, что сегодня жизнь лучше, чем вчера, а завтра будет лучше, чем сегодня»¹.

Концептуальное значение сказанного Д. Моизи заключается в следующем. Во-первых, он указал на тот факт, согласно которому образ будущего во многом является проекцией настоящего. Иными словами, наличный эмоциональный фон экстраполируется в перспективный сценарий социального актора. Во-вторых, Моизи говорит не о простой экстраполяции, сохраняющей эмоциональный заряд в его изначальном виде, а об усилении эмоционального напряжения по мере мысленного перенесения данного заряда в будущее.

Нет никаких сомнений в том, что представления о будущем имеют конкретно-историческую обусловленность, несут в себе печать страновой специфики. В этом смысле не является исключением и Россия, пространство жизненного мира которой представляется нам достаточно эклектичным, объединившим в себе нормативные установки и представления как старой, так и новой социально-экономических формаций. Эклектизм отечественной антиципативной модели состоит в противоречивом понимании обществом роли властных структур в реализации его перспективных планов и меры ответственности государства за их неудачную реализацию.

Если предпринять самый общий подход к исследованию данного вопроса, то можно увидеть три основных разновидности представлений относительно государственного участия в построении конкретных жизненных стратегий социального актора. Одна из них представлена в патерналистском типе сознания и ориентирована на максимальную вовлеченность власти в реализацию личных планов человека на будущее, что мы рассматриваем как рецидив патернализма, доминирующего в советскую эпоху и пролонгированного в настоящее.

¹ Моизи Д. Геополитика эмоций. Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир. – М.: Московская школа политических исследований. – 2010. – С. 18.

На противоположном полюсе расположена позиция, ориентированная на полную эмансипацию актора от государственного вмешательства в разработку и реализацию его жизненных планов. Причем данная позиция обусловлена не столько высоким уровнем самосознания той части населения, которая ее разделяет, сколько низкой степенью эффективности самого государства в целом и его конкретных структур в частности.

Все больше число наших сограждан осознает, что самостоятельно они достигнут большего, чем в том случае, когда делегируют часть своих социальных полномочий государству. Подобная позиция, существовавшая, к слову сказать, уже в период рассвета советского патернализма, значительно укрепилась в ситуации современности. «Жить, не рассчитывая на поддержку государства сегодня, подчеркивают М.К. Горшков и Н.Н. Седова, - это не хорошо и не плохо, а вынужденно и необходимо. И умение делать это – ключевой ресурс, определяющий степень успешности реализации человеком своих целей»¹.

Серединное положение занимает так называемая «комбинированная позиция», состоящая в одновременной реализации актором двух принципов: принципа «умеренного» патернализма и принципа социальной автономии. На данной позиции находятся те, кто осознает неизбежность опоры на собственные силы, но одновременно не хотел бы отказываться от поддержки со стороны государства.

Представители соответствующего подхода к разработке личностной атиципативной модели объединяют в себе социальный контингент с самым разнообразным жизненным опытом и представлениями относительно правил существования в окружающей их действительности. Это могут быть носители патерналистского сознания, вынужденные приспособляться к новым социокультурным реалиям. С другой стороны, в их число входят и те,

¹ Горшков М.К., Седова Н.Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социс. - № 22. – 2015. – С. 6.

кто, будучи вполне самодостаточными, не отказываются от использования государственного ресурса. Сюда же мы склонны отнести и «стихийный» подход к перспективному целеполаганию, когда будущее не превращается в предмет рефлексии, а продвижение к нему происходит спонтанно.

Неоднородность этой среды порождает трансмутацию внутри самих ее субъектов. Так, традиционно лояльные условные «патерналисты» выступают с требованиями пересмотра прав и обязанностей государства по отношению к себе, а сторонники большей автономии готовы ограничить собственную свободу в обмен на материальное благополучие. Господствующие здесь настроения весьма точно охарактеризованы М.К. Горшковым и Н.Н. Седовой. «Вырисовывается картина, - заявляют указанные авторы, - где важными признаками самодостаточности является желание уйти от любых границ, рамок, условностей – будь то традиционные рамки материального благополучия или периодически актуализирующиеся политические права и свободы. Однако такая «романтика» уступает «правде жизни», и уверенное большинство «самодостаточных» (78%) признают, что свобода должна иметь под собой твердую почву...»¹.

Основной характеристикой жизненного мира, рассматриваемого в модусе современности, является, как это уже неоднократно отмечалось, его усложнение. Соответственно, имеет место и усложнение антиципативного конструкта, как в части его содержания, так и с точки зрения локализации последнего в массовом сознании. Что касается содержательного аспекта современной антиципации, то он связан, прежде всего, с принципом эклектичности, на основе которого происходит его конституирование. Мы можем обнаружить здесь большое число взаимоисключающих моментов, органически принадлежащих к различным социокультурным и этнокультурным парадигмам. Зачастую указанные элементы антиципации

¹ Горшков М.К., Седова Н.Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социс. - № 12. – 2015. – С. 12.

представляют собой набор бинарных оппозиций, таких как: секулярное и сакральное, прагматическое и альтруистическое, глобалистское и изоляционистское, этнорегиональное и общенациональное.

Такого рода эклектика во многом объяснима тем, что современный российский социум имеет транзитивную цивилизационную локализацию, продолжая объединять в себе социокультурные параметры досоветского прошлого, социалистической эпохи и постсоветского настоящего. Стихийная или институциональная корреляция всех совокупных элементов антиципативной модели стабилизирует общество посредством продуцирования в таковом своеобразной «антиципативной солидарности». Действующие при этом стабилизационные механизмы могут быть описаны посредством обращения к принципу паритетности, сформулированному Н.И. Лапиным. По Лапину: «Принцип паритетности и взаимопроникновения культуры и социума означает, что ни одна из этих составляющих общества не сводится к другой и не выводится из него»¹. Автор связывает наличие данного принципа, в качестве регулятива социального бытия, со спецификой современного социума, структуры которого имеют сетевой, неиерархический характер и которые, в свою очередь, происходят из «многомерности человека и противоречивости функций социального действия»².

В свою очередь, диссонанс во взаимодействии различных антиципативных компонентов приводит к внутренней разбалансировки самой модели, что, безусловно, стимулирует общественную полемику относительно нормативного образа будущего, порождая тем самым антиципативный антагонизм как внутри самого общества, так и между ним и отдельно взятой личностью, располагающей собственными представлениями относительно должного в горизонте будущности.

¹ Лапин Н.И. Антропосоциокультурный эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей // // Социс. - № 3. – 2018. – С. 6.

² Там же.

Два описываемых нами модуса антиципативной разновидности социальной конфликтогенности также могут быть проанализированы с помощью уже упоминаемых нами принципов академика Н.И. Лапина. К анализу первой ситуации (конфликт внутри социума, связанный с различиями в понимании общего будущего) может быть применен т.н. «принцип бинарной противонаправленности социетальных процессов». Последний означает, что «каждому процессу, воплощающему динамику социума и имеющему определенную направленность, сопоставлен противоположно направленный процесс»¹. Соответствующий конфликт индивида и общества объясняет принцип неполноты антропосоциетального соответствия, гласящий, что подобное противостояние обусловлено «неполной совместимостью личностно-поведенческих характеристик человека как социализированного актора (личности) и характеристик социума»².

Конкуренция, конфликтогенность, противоречия существуют не только в качестве борьбы образов будущего, но и как борьба ожиданий. В современной России нет такой социальной сферы, где не велось бы такого рода противостояние. Его суть может быть сведена к формуле: в обществе нарушен баланс взаимных ожиданий. Иными словами, мы не только ожидаем что-то в будущем, но мы ожидаем некой нормативности и от конкретного социального актора, от того, кто является нашим коммуникативным контрагентом. Подобные ожидания распространяются на социальные институты, управленческие структуры, субъекты бизнес-сообщества и проч. Так, например, антиципативные установки работодателя могут включать в себя ожидания, согласно которым наемный работник будет трудиться с полной отдачей, за минимальное денежное вознаграждение и без каких-либо социальных гарантий. Очевидно, что ожидания последнего окажутся прямо

¹ Лапин Н.И. Антропосоциокультурный эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социс. - № 3. – 2018. – С. 6.

² Там же.

противоположными. При этом истоки конфликта мы обнаруживаем в поле субъективности, поскольку, как отмечает М.В. Сорокина, «трудовые ожидания зависят от мотивации работника и оценки им своего потенциала»¹. Аналогичным образом реализуется конфликт ожиданий между властью и обществом, предпринимателями и надзорными органами, представителями различных поколенческих групп, субъектами семейных отношений.

В социологической литературе конфликт ожиданий достаточно наглядно продемонстрирован на примере трехсторонней коммуникации высших учебных заведений, обучающихся и работодателей. Соответствующий кейс представлен А.Ю. Мягковым и он построен на анализе тех противоречий, которые присутствуют в антиципативном сознании каждой из сторон. Природа данного конфликта, по мнению автора, кроется в невыполнении ими тех условий, которые способствовали бы объективации ожиданий, связанных с их социальными партнерами. «С одной стороны, - отмечает А.Ю. Мягков, - бизнес требует от вузов уже готовых специалистов с практическими умениями и навыками работы по профессии, но при этом он не готов активно участвовать в формировании профессиональных компетенций студентов в ходе производственных практик на предприятиях и организациях. С другой стороны, если «капитанам» промышленности и бизнеса не в последнюю очередь нужны люди, обладающие «социальным капиталом» (знакомствами, связями, статусными ресурсами и т.д.), а наличие диплома для них подчас важнее профессионализма, то высшее образование и впредь будет работать вхолостую, а разрыв между рынком труда и рынком образовательных услуг еще долго останется не преодоленным»².

¹ Сорокина М.В. Смена приоритетов? Трудовые ожидания работников ритейла в зеркале интернет-коммуникаций // Социс. - № 5. – 2018. – С. 100.

² Мягков.Ю. А Студенты технического вуза: профессиональные компетенции и ожидания на рынке труда // Социс. - № 6. – 2016. – С. 109.

Одним из ключевых измерений антиципативного сознания выступает социокультурная темпоральность, обуславливающая переживание конкретным сообществом течения социального времени. Эту особенность антиципативного процесса важно учитывать именно применительно к условиям поликультурного пространства современной России. Дело в том, что гетерогенность жизненного мира россиян во многом определяется особенностями локализации в нем фактора темпоральности. Как справедливо замечает И. Шубрт: «Временные данные и измерение соответственно различны в различных культурах, т.к. отличается восприятие социокультурной среды, в котором их понимают и используют»¹.

Плюралистическая теория социального времени (М. Хальбвакс, Г. Гурвич и др.) констатирует взаимную зависимость временных модусов и социальных практик, общественных страт, этносоциальных сообществ и религиозных деноминаций. При этом развитость антиципативного сознания напрямую зависит от того, какой тип темпоральности ему присущ. Так, доминирование темпоральной статики предельно минимизирует детерминирующее воздействие фактора будущего на социального актора. Напротив, «во времени, идущем вперед, происходит ускорение, во время которого будущее становится настоящим»².

Не стоит забывать, что представления о будущем не только влияют на актуально реализуемые социальные действия, но и существенно детерминируются настоящим. Убежденность в континуальности социокультурных процессов и явлений способствует их воспроизводству в будущем. Очевидно, что при отсутствии в обыденном сознании понимания необходимости того или иного института или общественной нормы, таковые вряд ли могли бы быть пролонгированными.

¹ Шубрт И. Концепция социального времени в социологии – перспективный подход или теоретический тупик? // Социс. - № 4. – 2015. – С. 5.

² Там же. – С.8.

Сказанное расширяет наши представления относительно intersubъективной природы образа будущего. Последний в жизненном мире существует не только как нечто очевидное, но и как своеобразный инвариант, лишенный сколь-нибудь реалистичных альтернатив. Отход от подобных антиципативных стереотипов возможен только для того социального актора, который наделен необходимыми пассионарными качествами, повышенными рефлексивными и фантазийными способностями. Основная масса акторов представлена носителями стандартизированной антиципации, непроизвольно способствующей сохранению наличного социального миропорядка и «если бы отдельные составляющие социальной реальности не поддерживались, таким образом, в своей длительности, они бы исчезли»¹.

В заключении попытаемся подытожить все вышесказанное и определить статус антиципативного конструкта относительно его локализации в жизненном мире. Полагаем, что образ будущего является конкретной данностью, в полном объеме наделенной всеми теми характеристиками, которыми обладает любой объект жизненного мира, включая такие параметры как определенность, очевидность, соотнесенность со всей совокупностью конкретно-эмпирических координат социальной действительности. Одним из важнейших атрибутов антиципации, осуществляемой на уровне жизненного мира, выступает ее нормативность, проблематизирующая пути и средства достижения искомого перспективного целеполагания. Избранный при этом социальный инструментарий, а также алгоритм его применения образуют долгосрочные жизненные стратегии как конкретного актора, так и коллективных субъектов общества. Помимо рефлексии в антиципативном процессе участвуют фантазийно-вероятностный момент, детерминанты ценностного порядка, предписания культуры, а также конкретика опыта повседневности. Влияние стереотипов массового сознания обуславливает рутинизацию антиципативного

¹ Шубрт И. Концепция социального времени в социологии – перспективный подход или теоретический тупик? // Социс. - № 4. – 2015. – С. 10.

конструкта, позиционирующего будущее как модификацию настоящего. Изменение основных параметров образа будущего имеет ситуативную обусловленность, связано с социально-экономической трансформацией общества, личностной эволюцией социального актора, а также иными корректирующими моментами, включающими в себя также и погрешности в первоначальных расчетах в отношении будущего.

1.2. Методологические основания социологического анализа антиципативной проблематики

Помещая тему образа будущего и его влияния на социальные практики и жизненные стратегии россиян в центр социологического исследования, необходимо в первую очередь определить те методологические подходы и принципы, опираясь на которые данная работа сможет продемонстрировать свою максимальную эвристичность и репрезентативность. Данная задача представляется нам достаточно сложной, поскольку дело предстоит иметь с широким кругом социальных теорий и концепций, содержание которых зачастую противоречит друг другу. Решение этой задачи нам видится в селективной плоскости, когда признается не целостная, а фрагментарная релевантность отдельно взятой теоретической модели, что позволяет существенно расширить познавательные возможности за счет привлечения к построению методологической стратегии диссертации представителей самых различных школ и направлений социально-гуманитарной мысли и при этом избежать опасности эклектизма. Осуществить избрание подобного когнитивного подхода нам позволяет и сам предмет исследования, который не подлежит жесткой фиксации с точки зрения четкого определения его параметров и форм локализации в сознании общества. Тем самым, каждую социальную теорию, с которой нам предстоит иметь дело, мы будем рассматривать как, своего рода, аппроксимацию, где вероятностный, условный момент имеет такую же познавательную ценность, как и конкретно-эмпирический факт.

Полагаем, что прикладная часть социологического исследования должна содержать в себе тематический анализ, основанный на принципе частоты упоминания проблематики будущего в различных разновидностях общественного дискурса, что позволит установить степень значимости рассматриваемого в настоящей работе вопроса для как для населения в целом, так и для конкретных референтных групп. Кроме того, тематический анализ способен существенно дополнить те количественные показатели, которые будут получены в рамках полевого исследования. Соответствующая познавательная опция предполагается самой идеей тематического анализа, использование которого прошло надежную социологическую апробацию и получило признание в профессиональном сообществе. По мнению представителей последнего: «Тематический анализ – один из распространенных видов анализа в качественных исследованиях, направлен на изучение тематик в рамках какого-либо массива данных и выходит за рамки простого подсчета количества тех или иных тематик, имеет дело с выявлением закономерностей в рамках анализируемого массива данных»¹.

Принципиальное значение для разработки методологических оснований исследования воздействия антиципации на реализацию поведенческих моделей имеют выводы, сделанные Т. Парсонсом в рамках его теории социального действия. Отправной посылкой здесь является парсоновский тезис относительно нормативной детерминированности последнего. По Парсонсу, каждый элемент осознанной человеческой деятельности буквально проникнут телеологизмом. При этом социальный актер в любой ситуации, в которой он оказывается, продолжает ориентироваться на изначально предустановленное целеполагание вне зависимости от конкретных особенностей ситуативного момента. Таким образом, ситуативные элементы социального действия обладают более

¹ Бондарев В.П., Рулева С.Н. Структура и динамика надорганизационных научных сообществ // Социс. - № 5. – 2018. – С. 139.

высокой степенью мобильности, чем те, которые присутствуют в нормативных установках. Если изменение ситуации и может как-то скорректировать наличное целеполагание, то оно не способно его отменить в принципе. В течение всей своей жизни человек естественным образом проходит через бесконечное множество ситуаций, следуя имеющемуся у него нормативному образу будущего и коррелируя каждую из вновь возникающих ситуаций с этим образом. Предлагая интерпретировать социальное действие в качестве процесса, Т. Парсонс настаивает на том, что таковой представляет собой «изменения ситуативных элементов в направлении соответствия нормам»¹. Одновременно он предостерегает против игнорирования фактора целеполагания при осуществлении социологических разработок, поскольку это способно привести к механистичному пониманию социальных практик, лишить их смыслового, целерационального содержания. «Элиминация нормативного аспекта, - отмечает указанный автор, - означает также и элиминацию понятия действия как такового и ведет к радикальной позитивистской позиции»².

При составлении методологической программы в отношении исследования антиципативного сознания, первостепенное внимание следует уделять продуктивности функционирования последнего с точки зрения продуцирования им максимально точных и объективных прогнозов, так или иначе связанных с будущим. Необходимо суметь увидеть те компетентностные и информационные резервы, используя которые, общество получает возможность более эффективно подходить к осознанию собственных перспектив. В этой связи целесообразно обратиться к работам И.В. Бестужева-Лады, призвавшего в свое время повысить достоверность социального прогноза, совершить радикальный переход от простого вероятностного допущения к научно достоверной картине будущего.

¹ Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2002. – С. 274.

² Там же.

Будучи признанным специалистом в области социального прогнозирования, И.В. Бестужев-Лада предложил рекомендации, позволяющие не только повысить действенность профессиональных футурологических практик, но способствующие развитию футуро-аналитических навыков на уровне массового сознания. Современный социальный актер, по мнению этого ученого, если он ориентирован на достижение жизненного успеха в будущем, просто обязан следить за трендами общественного мнения, аналитическими материалами, связанными с научной прогностикой, прислушиваться к рекомендациям экспертов, наблюдать за тенденциями научно-технического развития, с тем, чтобы иметь представления о том, с какими проблемами и трудностями ему предстоит столкнуться в перспективе и какие новые возможности перед ним открываются.

Кроме того, важное праксиологическое значение имеет тезис данного социолога о будущем как о переменной составляющей. Этот тезис исключает любое допущение какой бы то ни было изначальной предопределенности в отношении будущности как отдельно взятого человека, так и общества в целом. Социальные перспективы, настаивает Бестужев-Лада, напрямую зависят от качества рефлексии и содержания конкретной деятельности. Чем реалистичнее окажутся цели по отношению к верно определенной социокультурной перспективе, чем более правильным будет выбор инструментария и алгоритм его применения, тем точнее будет обеспечен баланс между искомым и объективными обстоятельствами. Сошлемся здесь на сказанное самим И.В. Бестужевым-Ладой: «Прошлое можно знать, но невозможно изменить; будущее невозможно знать как прошлое (в виде тех или иных событий), зато можно изменить действиями на основании определенных решений, в том числе и с учетом возможных последствий таких решений»¹.

¹ Бестужев-Лада И.В. Что мы знаем о XXI веке? И каким образом? // Мир нашего завтра. Антология современной классической прогностики. – М.: Эксмо, 2003. – С. 25.

Одновременно имеет смысл остановиться на тех работах, которые в своих методологических рекомендациях учитывают динамические характеристики современного социума, постоянно возрастающие темпы его развития. В числе последних необходимо упомянуть статью А.И. Селиванова «Познание будущего развивающихся социальных объектов»¹. Селиванов вводит понятие конкретного развивающегося объекта, означающего некий системно-организованный комплекс, который локализован в определенных пространственно-временных границах и который сохраняет свои основные признаки в процессе собственного развития. «На социальном уровне организации это такие социальные объекты, как цивилизации, государства, конкретные хозяйствующие субъекты, политические и общественные организации, а также идеальные объекты: научные теории, идеологии, морально-этические комплексы и т.д.»².

Главной особенностью рассматриваемого нами методологического подхода к научной антиципации является диалектическое сочетание двух методов: анализа и синтеза. Анализ применим к исследованию будущего как такового, где он позволяет осуществить дифференциацию социальной перспективы, выделив ее наиболее существенные модусы. В числе последних автор называет будущее стационарных объектов, будущее как генезис новых свойств и качеств и будущее как появление нового объекта.

В свою очередь, к синтезу следует прибегать тогда, когда существует потребность в понимании общей перспективы совокупности объектов. Это делается потому, что никакое, даже самое достоверное знание относительно будущности отдельно взятого объекта, не может обеспечить необходимый объем достоверности антиципативного знания. «Познание будущего, - подчеркивает А.И.Селиванов, - это направление исследований различных объектов и типов объектов, объединяемых предметной областью

¹ См. Селиванов А.И. Познание будущего развивающихся социальных объектов // Социс. - № 4. – 2015.

² Селиванов А.И. Познание будущего развивающихся социальных объектов // Социс. - № 4. – 2015. – С. 13.

исследования их будущего»¹. При этом для нас принципиален тот факт, что рассматриваемая методологическая стратегия имеет подчеркнутый междисциплинарный характер, о чем говорит сам ее разработчик. Согласно занятой им позиции «нет оснований говорить о футурологии как особой науке или органически целостной научной области», поскольку «под футурологией целесообразно понимать совокупность соответствующих разделов конкретных наук и междисциплинарных исследований, объединяемых соответствующими методологическими подходами»².

Существенным подспорьем в построении концептуальных оснований настоящего исследования могут стать работы, выполненные при опоре на идеи и положения социальной синергетики. Синергетический взгляд на проблему будущего интересен нам уже в силу того, что он принципиально артикулирует индетерминированность последнего, его зависимость от комбинаций случайных факторов и стечения обстоятельств.

Подобная модель формирования социокультурной перспективы допускает предельную свободу актора в горизонте его самоопределения. Именно осознанная и целенаправленная деятельность такового как раз и играет роль одной из важнейших детерминант социокультурной эмпирии будущего. Помимо этого, не стоит забывать о синергетическом постулате, согласно которому для достижения искомого результата могут быть использованы самые разнообразные деятельностные стратегии.

Дополнительную актуальность данному постулату придает тот факт, что в современном обществе все большую роль начинают играть механизмы самоорганизации, социокультурного самоопределения и автономизации. Не будем забывать и о том, что синергетика исходит из представлений о постоянном усложнении социальных структур и протекающих в обществе процессов. Очевидно, что сложноорганизованные сообщества обеспечивают большую свободу для выбора поведенческих моделей, социальных практик

¹ Там же. – С. 14.

² Там же.

или жизненных стратегий, причем это касается и достижения искомого перспективного целеполагания. И как отмечают исследователи, усложнение является универсальным, эмпирически подтвержденным социокультурным трендом современности. «За высокой теоретической обобщенностью понимания сообщества людей как особой формы бытия Универсума, - замечает Н.И. Лапин, - скрывается тот недостаточно осмысленный факт, что человечеству, всем его цивилизациям и обществам, развитым и развивающимся, включая современное российское, присуща сложность как особое, синергичное качество самоорганизации их структур и процессов»¹.

Не трудно увидеть преимущество социальной синергетики перед другими концептуальными моделями. Так, если последние интерпретируют феномен усложнения в качестве вызова и фактора общественной энтропии, то синергетическое понимание видит в таковом поле новых возможностей. Праксисологические императивы синергетической теоретической мысли табуируют любые попытки обнаружить простые решения сложных общественных проблем, рассматривая подобный подход в принципе деструктивным.

Социальной синергетикой сформулирован ряд принципов, не просто объясняющих то, как общество достигает состояния неравновесной стабильности, но являющихся ориентирами для разного рода практик. Один из названных принципов лежит в антропологической плоскости и связан с представлениями о противоречивой природе актора, его стремлении к свободному социальному творчеству и сохранению своей индивидуальности. Другой принцип исходит из внутренней многомерности актора, который имеет возможность адаптироваться к многовекторности социального действия и разнородности коммуникативных практик посредством осуществления перманентной селекции последних исходя из требований момента. Следующий принцип диалектически связан с предыдущим, он

¹ Лапин Н.И. Антропосоциокультурный эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообщества людей // Социс. - № 3. – 2018. – С. 4.

строится на реально существующих противоречиях между социальным актором, а также структурами и институтами общества. Данный принцип получил название «принципа неполноты антропосоциального соответствия» (Н.И. Лапин). Сюда же можно отнести и принцип конкуренции, реализующийся в конкретно-эмпирическом социальном пространстве в результате ограниченности наличной ресурсной базы и несовершенства общественных механизмов. Впрочем, наиболее важным для нас принципом, является принцип «бинарной противонаправленности социетальных процессов», указывающий на инверсионный характер будущего, его обратимость. Раскрывая содержания этого принципа, Н.И. Лапин поясняет, что «каждому процессу, воплощающему динамику социума и имеющему определенную направленность, сопоставлен противоположно направленный процесс; один из них обеспечивает воспроизводство соответствующих структур, а другой – их изменение»¹.

Следует предположить, что детерминирующее воздействие образа будущего реализуется по-разному относительно каждого отдельно взятого социального субъекта. Данное допущение получило необходимую детализацию в социальном органицизме Ч. Кули, обращение к которому представляется нам методологически продуктивным. Кули выводит формулу, постулирующую прямую зависимость между уровнем культурного развития социального актора и его способностью конструировать будущее в качестве ориентира для своего деятельностного целеполагания. Чем всестороннее развитым является человек, чем больше он эмансипирован от конкретики обыденной социальной эмпирии, тем более глубоким оказывается его антиципативное сознание, тем шире открывающиеся ему горизонты самореализации. Напротив, носитель преимущественного обыденного сознания «не может заставить себя считать реальным то, что не входит в его

¹ Лапин Н.И. Антропосоциокультурный эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообщества людей // Социс. - № 3. – 2018. – С. 6.

опыт, и если он захочет сделать это, лишь поддерживая связь с большим миром через книги, личное общение и с помощью воображения»¹.

Помимо собственно личностных характеристик социального актора, антиципативная детерминация тесно связана с тем типом общества, где она осуществляется. Ч. Кули формулирует еще одну закономерность, согласно которой сложность общественного устройства мультиплицирует образы будущего, расширяя, тем самым, свободу антиципативного выбора. Более того, именно наличное социокультурное пространство и формирует упомянутые выше личностные характеристики, в том числе и волевые качества актора. Остановимся на последних более подробно.

Многовекторность волевых усилий, пассионарность, целеустремленность, желание выйти за пределы эмпирически предписанного – все это имеет место, согласно Ч. Кули, исключительно в сложно организованных сообществах. Только последние способны обеспечить полисценарность социального действия и предложить ее социальному субъекту, который получает стимулы к соответствующим волевым актам. В свою очередь, последним предшествует предварительная рефлексия, содержащая в себе ту или иную разновидность антиципативной аналитики. При этом Кули особо подчеркивает механистичность генезиса антиципативных предпочтений в традиционных обществах или примитивных референтных группах. «Область выбора, - отмечает указанный автор, - определяется именно разнообразием общественных отношений, или, что то же самое, многосторонним характером общественной организации; и, соответственно, сфера приложения воли имеет тенденцию к расширению по мере расширения и интенсификации жизни»². Рост численности жизненных стратегий и свободу выбора каждой из них Ч. Кули связывает с расширением

¹ Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 200. – 58.

² Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 200. – 61.

коммуникативного процесса, а также интенсификацией информационных потоков.

Как нам представляется, методологически целесообразно артикулировать качественный подход к осуществлению настоящего исследования, не ставя во главу угла те или иные разновидности формализации. Данный вывод логически вытекает из специфики самого изучаемого предмета, почти полностью лишённого какого-нибудь когнитивного априоризма. Тем самым, мы имеем возможность преодолеть серьёзное затруднение, которое неизбежно возникает с учетом специфики рассматриваемой проблематики.

Речь в данном случае идет о сознательном отказе, от каких бы то ни было стереотипов в отношении последней. Следует согласиться, особенно исходя из направленности нашей работы, с Р. Ленуаром, считающим, что «первая трудность, с которой сталкивается социолог, связана с тем, что он оказывается среди заранее заданных представлений о своем объекте исследования, которые ограничивают его восприятие, а, следовательно, определение и постижение объекта»¹.

Сказанное касается и формирования концептуально-понятийного аппарата, призванного дать релевантное описание антиципативной детерминации социального действия. Прежде всего, необходимо всячески избегать того, что Э. Дюркгейм называл «ложными очевидностями», а также разного рода гилозоистических понятийных аллюзий. Думается, что при селекции концептуального инструментария также целесообразно сместить акцент позитивистских статистических концептов на понятия, несущие в себе смысложизненную и ценностную нагрузку.

Именно с помощью, таким образом, сформированного понятийного корпуса, можно получить ответы на самые разнообразные вопросы, имеющие отношение к социокультурной антиципации. Так, например, можно будет установить, что является основной причиной краха долгосрочных

¹ Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Д., Шампань П. Начала практической социологии. – М.: Алетейя, 2001. – 81.

жизненных стратегий. Это могут быть как личностные факторы (отсутствие стратегического мышления, низкий уровень социализации, дефицит прикладной рациональности, пробелы в образовании), так и факторы, имеющие отношение к социальному (стратификационная принадлежность, социально-демографические характеристики, региональная принадлежность и т.п.). Более того, гибкость в оперировании понятийным инструментарием позволяет обеспечить максимально широкое видение затрагиваемой в исследовании проблемы. При соблюдении данного принципа мы будем иметь возможность обнаружить и изучить такие ее корреляты как социальная незащищенность представителей старшего возраста, межпоколенческая конфликтность, социальная релевантность наличного ценностного корпуса, состояние межкультурной коммуникации, эффективность социальных практик, обоснованность профессиональных предпочтений, а также установить иные проблемные поля, испытывающие влияние со стороны субъекта антиципации.

Значительный интерес вызывает и та антиципативная модель, которая разрабатывается в рамках конфликтологической социологии. Система соответствующих представлений и интуиций интерпретирует будущее как своеобразный вызов, как сложный комплекс проблем, существование которых является могучим стимулом прогрессирующего развития социума.

Прежде всего, обозначенный вызов кроется, по мнению представителей конфликтологической школы, в отсутствии хоть каких-то гарантий в отношении будущего. Последнее рассматривается скорее как продукт личностных усилий, а не результат деятельности исторических законов и закономерностей. Наиболее наглядным примером невозможности получить гарантии для социального действия, с точки зрения его перспективных последствий, выступают социальные роли, выбор которых не может быть осуществлен с позиции рационального расчета. «Ролевые ожидания, - подчеркивает Р. Дарендорф, - носят скорее характер

рекомендаций, а не предписаний. Сами роли не заданы от рождения, а являются результатом личных достижений во всех сферах»¹.

Другое измерение антиципативного вызова конфликтологи связывают с девальвацией наличного ценностного корпуса и отсутствием эксплицитной нормативной базы. Иными словами, они полагают, что современному социальному актору некуда стремиться, ему непонятно во имя чего он должен жертвовать собой и каков высший смысл предпринимаемых им усилий. Р. Дарендорф прямо говорит о дефиците духовных скреп, способных зафиксировать собой нормативный образ будущего. По мнению последнего: «Недостаточно того, чтобы каждый мог делать разные вещи. Чего здесь не хватает, так это значимых элементов, наполняющих выбор смыслом, ввиду отсутствия глубинных структур, скреп, которые я называю лигатурами»².

Еще один проблемный тезис конфликтологического подхода к антиципативной рефлексии состоит в констатации того факта, что далеко не все, в силу тех или иных причин, смогут стать выгодополучателями от будущего. Это удел исключительно избранных, которые своим личным примером могут вдохновить всех остальных, причем последовать таковому сможет лишь ограниченное число субъектов социума, являющихся носителями инновационного сознания. Именно последнее позволяет индивиду успешно самореализоваться в условиях современности, «лишь это помогает нам всякий раз выбираться из «железной клетки рабства» в современных бюрократических государствах»³.

Впрочем, конфликтологическая социология интерпретирует будущее не только в качестве вызова, но и как своеобразную «антиутопию». При этом понятие антиутопии в конфликтологическом контексте не ограничивается исключительно обыденными коннотациями. Оно выступает продуктом глубокого понятийного анализа. Так, будущее не может быть утопией не только потому, что утопия никогда не наступит, но и по причине его

¹ Дарендорф Р. После 1989. Размышления о революции в Европе. – М.: Ad Marginem, 1989. – С. 28.

² Дарендорф Р. После 1989. Размышления о революции в Европе. – М.: Ad Marginem, 1989. – С. 33.

³ Там же. – С. 75.

неопределенности. В отличие от последнего, напоминает Дарендорф, «утопические общества обладают определенными структурными условиями; существуют известные черты, каковые они должны предъявить, чтобы стать тем, на что они притязают»¹.

Помимо индетерминированности, фундаментальным атрибутом будущего является его динамизм. Но этого свойства как раз и лишен социально-утопический конструкт, который Р. Дарендорф сравнивает со спокойным деревенским прудом. Сюда же он относит и консенсуальность всех предполагаемых участников утопического проекта, их согласие в вопросах ценностных предпочтений и признания наличных институциональных установлений. Если социальные реалии будущего станут естественным следствием общественной конфликтности, то «всеобщий консенсус имплицитно означает отсутствие структурно порожденных конфликтов»².

Итак, будущее в конфликтологической теории не может принципиально отличаться от настоящего и прошлого с точки зрения сохранения в нем всех тех проблем и вызовов, с которыми сталкивается современность, пусть они и будут присутствовать в видоизмененных формах. «Конфликт, - пишет Р. Дарендорф, - представляется универсальным социальным фактом и, вероятно, даже служит необходимым элементом всякой социальной жизни»³.

Одновременно, согласно конфликтологическим воззрениям, содержание социальной перспективы не может зависеть от какой-то одной детерминанты, но формируется под воздействием сложной композиции бесчисленного количества факторов. Отсюда их методологический минимализм, ориентированный на исследование конкретики, а не на поиск всеобщих, универсальных закономерностей. Действительно, конфликт как

¹ Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии. – М.: Практикс, 2002. – С. 332.

² Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии. – М.: Практикс, 2002. – С. 333.

³ Там же. – С. 360.

таковой закономерен и в настоящем и в будущем, но логика его генезиса и развития будет в каждом отдельно взятом случае уникальна.

Р. Дарендорф выдвигает методологически важное предложение, состоящее в отказе от статических понятий при описании социальной действительности. Будущее для него – это не просто принципиально новое социальное состояние, не имеющее никаких аналогов в прошлом, но динамический континуум, диалектически объединяющий в себе, то, что было, что есть и что будет. Язык статики иррелевантен уже потому, что «любая попытка использовать статические представления, а именно представления об эпохах и периодах развития, препятствует формулированию теорий изменения»¹. На самом же деле, поскольку изменения имеют тотальный и континуальный характер, не следует заниматься поиском их начала, а необходимо преимущественно сосредоточиться на выявлении их модальностей.

Разумеется, мы не можем обойти вниманием и эволюционную теорию Н. Лумана, выделив в ней интересующий нас аспект. Сделать это не так просто, поскольку сам Луман демонстрирует очевидный антиципативный скептицизм. О последнем он заявляет предельно ясно. «Эта теория не может позволить себе толковать будущее. Она также не создает возможностей для прогнозирования. Она не предполагает никакой телеологии истории – ни в отношении хорошего, ни в отношении плохого конца истории»². Тем не менее, таковой существует. И связан он с возможностями социального субъекта осуществлять планирование в радикально трансформирующемся мире.

В первую очередь Луман заявляет об отсутствии противоречий между концептуальными положениями теории эволюции и практикой планирования. Осуществляя социальное планирование, мы вмешиваемся в будущее, тем самым видоизменяя его с учетом наших интересов. С другой

¹ Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии. – М.: Праксис, 2002. – С. 395.

² Луман Н. Эволюция. – М.: Логос, 2005. – 20.

стороны, любой план не возникает спонтанно, а представляет собой закономерный итог предшествующего социального развития, то есть он ориентируется на общую логику и закономерность социокультурной процессуальности.

Объектом планирования, по Луману, выступают структуры, имеющие четкую локализацию места и времени, самовоспроизводящиеся в тех или иных ситуациях, продуцирующих определенные смылосодержащие модели. Они существуют исключительно в сфере возможного, эволюционируя в рамках просчитываемых социальных переходов. Иными словами, их трансформация ожидаема и естественна. Мы можем предвидеть необходимость соответствующих изменений так же, как мы предвидим необходимость замены неисправного бытового прибора. «Поэтому для изменения структур, - приходит к выводу Н. Луман, - вопреки их имманентной устойчивости, нет нужды в каком-то экстраординарном напряжении, как это должно было бы вытекать из классической теории»¹.

Значительное место тема будущего занимает и в социальных концепциях постиндустриализма, что побуждает нас обратить внимание на некоторые из содержащихся в них положений. Это не является случайностью, что подтверждает и название одного из разделов фундаментального исследования Д. Белла «Повестка дня для будущего». В своей работе «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования», вышедшей в 1973 году, Белл сделал несколько существенных предсказаний, достоверность которых была подтверждена эмпирически. Сказанное касается, в частности, тезиса относительно установления политического диктата над экономикой, что мы и можем наблюдать на примере введения антироссийских санкций, не только лишенных какой бы то ни было экономической целесообразности, но и наносящих серьезный ущерб тем, кто их инициировал. Другой сбывшийся

¹ Луман Н. Эволюция. – М.: Логос, 2005. – 22.

прогноз Д. Белла содержит в себе допущение эмансипации общественного функционала от собственности, редукцию последней до сугубо прагматического использования.

Одновременно постиндустриализм озвучил ряд важнейших социальных запросов, один из которых представлен востребованностью принципиально новых профессиональных качеств в будущем. Речь идет о наделении социально значимой профессиональной деятельности атрибутом социальной ответственности. «Это не означает, - согласно Беллу, - что профессионалы более великодушные или идеалистически настроенные люди, но ожидаемая модель их поведения по сравнению с другими гражданами предопределяется этикой их деятельности, которая, как правило, первична по отношению к этике эгоизма»¹.

Как и упомянутая нами выше теория Н. Лумана, постиндустриализм демонстрирует конструктивистское понимание социокультурной перспективы. Это следует из достаточно подробной разработки последним вопросов планирования. Д. Белл не просто допускает вероятность разработки крупномасштабных перспективных планов, но прямо говорит об их неизбежности. Аргументом в пользу активного построения будущего, для Белла становится сам факт беспрецедентного усложнения современного социума. Никакая рациональная практика невозможна без ясного понимания ее долгосрочных последствий. Одновременно Д. Белл заявляет о неизбежности увеличения расходной части антиципативных разработок, поскольку многократно усложняется и содержание социального горизонта. По мнению указанного автора: «Издержки планирования, включая расходы на научно-исследовательские работы и консультирование, неизбежно увеличиваются по мере того, как все большее число факторов (и претендентов) вовлекается в данный процесс»².

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – С. 498.

² Там же. – С. 637.

Человек, по мнению Белла, не должен просто ожидать наступления будущего, но обрести активную субъектность в рамках социокультурной динамики. Он достаточно подробно описывает необходимую для данного активизма ресурсную базу. В состав последней вводится социальный менеджмент, в основу которого положены принципы индивидуализации и диверсификации, означающие отказ от применения социальных шаблонов и утратившего свою функциональность схематизма, а также максимальное разнообразие социальных практик.

Кроме того, предлагается новое прочтение фактора времени и его роли в организации жизнедеятельности общества. Д. Белл обнаруживает производительный момент в свободном времени, уравнивая его тем самым с временем, отданным непосредственно трудовой деятельности. Он формулирует тезис, согласно которому «в постиндустриальном обществе это «свободное время» также подлежит измерению и распределению, и «эффект от времени», затраченного на эти виды деятельности, является равноценным доходу от рабочего времени»¹.

В пользу постиндустриальных теорий говорит и их интерес к проблематике социально успешного актора в темпоральности будущего. При этом главной составляющей подобного успеха называется наличие у такового инновационного сознания, готовности к постоянному самосовершенствованию и отказ от стереотипного мышления. Человек, считающийся сегодня социально состоятельным, перестанет быть таковым уже в самое ближайшее время, если он не ощутит потребность меняться. В первую очередь это касается существующей структуры рынка труда, смены социально-экономических трендов, появления новых «окон возможностей».

Предпосылкой появления принципиально нового типа социального актора должна стать фундаментальная трансформация социокультурного пространства, которую следует осуществить в направлении его интеграции.

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – С. 642.

Необходимо преодолеть дуализм культуры и наличной институциональной системы, духовности и технологий, формально декларируемых императивов и конкретики социальной эмпирии. Начать данную работу предлагается с установления коррелятов между социальной теорией и социальной практикой.

Дело в том, что начиная с 19-го века и по настоящее время, наиболее влиятельные социально-философские и социологические теории демонстрировали, и во многом продолжают демонстрировать, артикулированный монизм своих теоретических построений, не разделяющих социальность и культуру. Однако водораздел между ними все больше увеличивался. Все более наглядно ощущался контраст между многовековыми социокультурными нормативами и реалиями современности. Вот как описывает данную ситуацию Д. Белл: «Вопреки этим концепциям в западном обществе на протяжении последних ста лет, как я полагаю, нарастала разделенность социальной структуры (экономики, технологии и системы занятости) и культуры (символического выражения смыслов), каждая из которых определяется своим осевым принципом. Социальная структура уходит корнями в функциональную рациональность и эффективность, а культура – в антиномичное оправдание развития личности»¹.

Неоднородность ценностной системы современного общества, несогласованность его поведенческих и деятельностных установок ведут к внутренней разбалансировке такового. Иначе и быть не может в ситуации, когда с одной стороны его субъектам прививаются потребительские, гедонистические идеалы (общество потребления), а с другой, делается попытка импринтировать его членам новые этические формы (экологическая этика, этнокультурная толерантность и т.п.). Вряд ли возможно добиться серьезного социального успеха тому поколению, которому внушаются

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – С. 647.

принципы «бери от жизни все» и «живи пока молодой». Не трудно заметить в какой мере указанные принципы противоречат той трудовой этике, которой были посвящены исследования М. Вебера и которые создали социально и экономически эффективные сообщества. Более того, подобные деструктивные установки содержат в себе негативный антиципативный контекст, не признавая у будущего аксиологического измерения, допуская полноценную жизнь исключительно «здесь и сейчас».

Вопросы конституирования антиципативных моделей рассматриваются в концепции «плоского мира», авторство которой принадлежит Т. Фридману и элементы которой также могут лечь в основу разрабатываемой нами методологической стратегии. В частности последний выделяет роль воображения в продуцировании контента общественного сознания, в том числе и той его составляющей, которая относится к будущему.

Итак, мы можем постулировать тот факт, что будущее нами воображается. Но при этом остается открытым вопрос относительно предпосылок этого воображения. The imagination act (действие воображения) по Фридману продуцируется действием двух основных детерминант, которые формируют соответствующий процесс: общественный дискурс и конкретика социокультурного контекста, где оказывается локализован актер в его обыденной жизни. При этом контекстуальная детерминация носит менее принудительный характер, ее содержание отличается достаточно высокой внутренней мобильностью и она в большей степени подвержена воздействию извне.

Какой вывод следует из всего сказанного выше? Полагаем, что в условиях ускорения социокультурной динамики происходит одновременная мультипликация образов будущего в сознании общества, их дифференциация и усложнение. Данный процесс предполагает предельно широкое использование познавательных теоретических моделей, представляемых современными социологическими концепциями. Межконцептуальный подход целесообразен и с точки зрения интенсификации информационных

потоков, роста массива самых разнообразных сведений и усложнения способов их освоения. Еще большее значение принцип междисциплинарности обретает в контексте существования социума в новой информационной реальности, связанной с феноменом «big data», однозначно предполагающим необходимость перестройки, как повседневной эвристики, так и традиционных форм научного познания.

Дополнительный потенциал для исследования особенностей современной версии антиципативного сознания предоставляет виртуализация социальной действительности, все большая интеграция социальных практик в виртуальное пространство, что ведет к расширению рефлексивных и деятельностных возможностей, в том числе и в области конструирования будущего. Соответственно, нельзя оставлять без внимания и когнитивный момент, присутствующий в виртуалистике в качестве межпредметной научной дисциплины.

1.3. Будущее в глубинных структурах сознания российского общества

В первую очередь следует подчеркнуть синкретичность антиципативного конструкта, присутствующего в коллективном сознании сегодняшнего российского социума. Рациональный расчет здесь соседствует со смутными интуициями, мистический эсхатологизм с прогрессистскими моделями, телеологизм со спонтанностью, фатализм с убежденностью в том, что каждый есть «кузнец собственного счастья». Истоки этого синкретизма следует искать в сложных перипетиях российской истории, многонациональном составе российского этноса, каждый из которых привнес свои образы будущего, а также разнородностью ценностного корпуса и смысложизненных представлений.

Разумеется, следует сразу же отказаться от построения идеальной в своей завершенности антиципативной модели, которая исключала бы внутреннюю противоречивость и имела бы логически последовательный характер. Речь, на наш взгляд, должна идти исключительно об имманентных чертах образа будущего, о его архетипическом измерении, сохраняющем в

неизменности свои основные параметры на протяжении длительного исторического и культурного континуума. Цель, которую мы перед собой ставим в данном параграфе, правильно было бы назвать разработкой отечественной антиципативной парадигмы, создающей фундаментальные ориентиры для осуществления прикладной части нашего исследования. Полагаем, что для решения данной задачи целесообразно использовать предельно широкую источниковедческую базу, включающую не только собственно социологические разработки, но и социально-философские сочинения, соответствующие интуиции художественного творчества и т.п.

Одной из общепризнанных характеристик российского менталитета значительное число исследователей считает присутствие в нем таких смысловых установок, которые расположены впереди актуальной существующей социальной эмпирии и выходят далеко за ее рамки. Данная особенность отечественного общественного сознания имеет весьма устойчивый характер, она присутствует в длительной исторической ретроспективе, трансформируется, и порой достаточно радикально, в соответствии с меняющимися реалиями, но при этом оставаясь неизменной в своих фундаментальных параметрах. Речь, в данном случае, идет о тех или иных разновидностях мессианства, представлениях относительно особенной вселенской роли России в будущей судьбе человечества в целом. Сошлемся при этом на мнение известного философа В. Шубарта, осуществившего компаративистский анализ менталитета европейских этносов. Национальной идеей россиян Шубарт называет спасение человечества. «Она уже более столетия действенно проявляется в русской истории – и тем сильнее, чем меньше осознается. Гибко вписывается она в меняющиеся политические формы и учения, не меняя своей сути»¹.

Наблюдение В. Шубарта крайне важно для нас, поскольку оно указывает на необходимость учитывать при исследовании воздействия представлений о личном будущем на жизнедеятельность в настоящем, такого

¹ Шубарт В. Европа и душа Востока. – М.: Русская идея, 2000. – 194.

фактора как видение конкретным актором социетального контекста на общепланетарном уровне. Более того, к этому нас подталкивает и слабая дифференцированность коллективного сознания российского социума, «поскольку у русских мысль и дело, культура и политика стихийно ищут и пронизывают друг друга»¹.

Не случайно Ж.Т. Тощенко настаивает на учете фактора гражданственности. По мнению последнего жизненный мир россиян распространяется далеко за границы обыденности, он вбирает в себя и то, что составляет общекультурную проблематику. «Конечно, - делает оговорку указанный автор, - эти проблемы в неодинаковой степени волнуют людей – социальные группы по-разному включены в мировой и страновой контекст. Но даже те, кто дистанцируется от интереса к внешне-и внутривосточным проблемам, не могут не реагировать на процессы, происходящие в глобальном или региональном масштабе»².

Другой особенностью ментальности россиянина можно назвать его повышенную антиципативную сенситивность, то есть, «чувствительность к будущему». Интерес к будущему в отечественной культурной традиции не может сводиться к простому любопытству. Это подтверждается особым вниманием к разного рода «пророчествам», чье содержание трансцендировалось, не подпадая под воздействие *ratio*.

Существует немало примеров того, что массовое восприятие будущего в России происходит в модусе утопии. Утопическая палитра, как об этом свидетельствует наш исторический опыт, также достаточно велика. Утопический конструкт может быть представлен как «чистой» мифологемой, так и располагать атрибутами наукообразия. Примером последнего может служить коммунистическая утопия, обоснованием которой на протяжении десятилетий занималась вся институциональная система отечественного социально-гуманитарного познания. Впрочем, парадоксальным образом

¹ Там же.

² Тощенко Ж.Т. Жизненный мир и его смыслы // Социс. - №1. – 2016. – С. 12.

именно утопический идеал зачастую мотивировал продуктивную социальную активность, генерировал социальный оптимизм и даже оказывался объективированным в отдельных своих содержательных моментах. Это происходило потому что, как подчеркивал В.В. Ильин, «утопия черпает силы из действительности мысли, а не наличной действительности»¹. Тем не менее, как на массовом, так и на личностном уровнях, участие в реализации утопических проектов, как правило, имело негативные последствия, поскольку в конечном итоге любая утопическая программа деструктивна по определению.

Согласно позиции В.В. Ильина, ожидание наступления будущего в России традиционно сопряжено с высокой степенью эмоционального накала, выраженного в двух диаметрально противоположных формах социального настроения: кошмара и упования. «Кошмар – гнетущее, тягостное предвосхищение будущего. Упование – радостная, благоприятная надежда на осуществление ожидаемого»². Действительно, отечественная история знает немало примеров, доказательно подтвержденных соответствующими поведенческими моделями, когда подобная эмоциональная двойственность общественных настроений не только сопровождала смены социокультурных парадигм, обозначалась в преддверии эпохальных событий, но и достаточно часто выступала атрибутом общественного сознания.

Развивая тезис относительно противоречивости антиципативного сознания россиян, укажем еще на одну оппозицию, устойчиво присутствующую в структурах последнего. Это противоречие между упомянутым нами выше мессианством и изоляционизмом. Какие бы конкретные особенности не имела та или иная антиципативная модель, она неизбежно будет строиться на принципе самобытности перспектив российской цивилизации, полноценном сохранении ее культуры и форм общественной жизни. В этом смысле, массовые социальные ожидания

¹ Ильин В.В. Мир глобо: вариант России. – Калуга: Полиграф-информ, 2007. – С. 179.

² Ильин В.В. Мир глобо: вариант России. – Калуга: Полиграф-информ, 2007. – С.180

принципиально антиглобалистичны. Очевидно, что среднестатистическому россиянину психологически комфортно оставаться носителем имеющейся у него социокультурной идентичности.

Сюда же мы относим и стремление экстраполировать наличное социальное status quo в будущее. В своем большинстве, россияне не хотели бы связывать перспективы своего существования с радикальной трансформацией настоящего. Можно констатировать присутствие в обществе известной фобии к любому радикальному реформаторству. Следствием этого является крайне болезненный опыт реформаторских практик, в полной мере проявленный в отечественной истории. В первую очередь сказанное касается тех реформ, которые инициируются государством, а не генерируются стихийным творчеством масс. «В России инициативы государства, - отмечает В.В. Ильин, - распространяются на обыденность, нарушают естественный самотек просточеловеческого существования. Здоровая инертность пролонгация жизни (святая и нерушимая) разлагивается, социальность ввергается в хаос, наступает тотальный кризис»¹.

Впрочем, статичность мышления в России присуща не только массовому социальному актору, но и представителям экспертного сообщества. Подобный тип мышления у последних, Ю.Г. Волков определяет в качестве «презентистского», когда ученый мыслит будущее в модусе настоящего, причем такого настоящего, которое по определению лишено динамических характеристик, «темпорального динамизма» (Ю.Г. Волков)². Презентистскому мышлению можно поставить в упрек редуccionистское видение социальной перспективы, представляющее будущее исключительно как некий инвариант .

Общественное сознание опирается на деятельность достаточно сложных механизмов, задействованных в продуцировании картин будущего. Следует отметить разнонаправленную функциональность данных

¹ Ильин В.В. Мир глобо: вариант России. – Калуга: Полиграф-информ, 2007. – С. 189.

² См. Волков Ю.Г. Социология будущего: социологическое знание и социальный проект. – М.: Кнорус, 2017.

механизмов, что подтверждается разнородностью и противоречивостью антиципативной интенциональности. Сказанное, в частности, подтверждается фактом дихотомичности последних, колебаниями общественных ожиданий в диапазоне от «кошмара» к «упованию» (В.В. Ильин).

Диалектика перепадов антиципативных настроений на массовом уровне может быть объяснена существованием двух типов исторической памяти, которые мы предлагаем определять как «стратегическую» и «оперативную». К первому типу следует отнести глубинный мнемонический слой, являющийся местом локализации устойчивых ретроспективных смыслов и установок. Именно на этом уровне происходит максимальная концентрация негатива, которая, в конечном итоге, оборачивается возникновением пессимистических сценариев относительно будущего. В подтверждении этого можно сослаться на многочисленные примеры многовековой вражды и взаимного недоверия между народами, которые с точки зрения сегодняшнего дня лишены хоть какого-нибудь рационального начала.

В свою очередь «оперативная память», то есть память коммуницирующих между собой поколений, содержит в себе значительный заряд оптимизма по отношению к предстоящему событийному ряду. Соответствующая особенность внутрипоколенческой памяти объясняется тем, что ее контент формируется помимо всего прочего и за счет вытеснения негативной эмоциональности и отрицательной дискурсивности. Так, широко известна идеализация любым старшим поколением периода, связанного с его молодостью, которая воспринимается исключительно как некий лишенный проблем этап человеческой жизни. В этом смысле социум может быть уподоблен индивидууму, склонному быстро забывать о плохом и помнить только хорошее.

Кроме того, поверхностный характер «оперативной памяти» определяется законом «о естественном процессе «угасания» эмоциональной

памяти свидетелей эпохи, а с ним – об утрате «многоцветия» информационного поля для потомков»¹. Благодаря этому «угасанию» происходит мифологизация относительно близкой ретроспективы, которая обретает черты нормативности, экстраполируемые в будущее в качестве искомой модели общественной жизни.

При этом важнейшим атрибутом нормативности становится рациональность. В массовом сознании рациональность прошлого противопоставляется иррационализму будущего. Последнее не просто ноуменально, оно иррационально и потому опасно. Апеллировать к разуму в отношении будущего бесполезно, поскольку там перестают действовать какие-нибудь конвенции и просматриваться любые закономерности. Наше утверждение находит свое подтверждение в результатах одного из качественных социологических исследований, выявивших своеобразную «ностальгию по рациональности». «Раньше люди жили лучше, - заявляет интервьюируемый, - в том плане, что у них была уверенность в завтрашнем дне. Можно было загадать на год, а то и на два, чего сейчас делать нельзя»².

Сознание российского общества на всех этапах существования последнего обнаруживало себя в качестве этатистского. Соответственно, никакая картина будущего не была возможна без представлений относительно статуса и роли государства в этом будущем. У всякого, кто проявлял озабоченность своими жизненными перспективами, неизбежно возникал ряд вопросов, тематизирующих этатистскую проблематику.

Один из вопросов, как правило, касается международного статуса государства, его влияния во внешнем мире. Как замечает Р. Коллинз: «Престиж могущества государства на внешней арене влияет на легитимность его правителей во внутренней политике»³. Для исторической памяти россиян осознание наличия внешней угрозы переживается особенно болезненно.

¹ Широкалова Г.С. Коммуникативная память: опыт изучения семейных историй (по материалам социологического практикума в вузе) // Социс. - № 5. – 2018. – С. 151.

² Там же.

³ Трубицын Д.В. Макроистория: критика социологии большой длительности // Социс. - № 2. – 2018. – С. 36.

Очевидно, что перед лицом внешних вызовов разработка долгосрочных жизненных стратегий либо оказывается невозможной, либо приобретает специфические черты, обретает алармистскую тональность.

Другой вопрос связан с оценкой социальным актором внутриполитического потенциала государственной системы. Дело в том, что российский этатизм, помимо того, что уже отмечено выше, состоит и в очевидном стремлении наших соотечественников делегировать заботу о себе государству и его структурам. С этой точки зрения, коллективное сознание россиян является патерналистским сознанием. На протяжении всей отечественной истории наибольший рост протестных настроений всегда происходил в связи отказом государства от закрепленных за ним социальных обязательств. Таким образом, вполне естественно, что большинство задается вопросом о том, каков характер той поддержки, которое ему будет оказывать государство в будущем. Любые сомнения по этому поводу ведут к росту индивидуального сознания социального актора, его отчуждению от официальных структур и практик, а также к попытке построения автономных коммуникативных систем. Он оказывается в эпицентре двух противостоящих друг другу трендов. С одной стороны происходит атомизация личности, а с другой, обретение последней новых социальных качеств и компетенций. Тем самым, осуществляется переход актора из этатистски фундированного социокультурного пространства в поле неформального социального действия, где первый обретает всю полноту личной ответственности и инициативы.

Еще один важный вопрос этатистского перечня – это вопрос доверия властным элитам. Значимость качества элит для построения долгосрочных планов, вполне естественная в любом обществе, обретает для российского менталитета особое звучание. Последнее может быть объяснено длительной традицией сакрализации государственной власти, отголоски которой, разумеется, в модифицированной версии, сохранились и по сей день.

Российский социум традиционно весьма чувствителен к тем меседжам, которые посылают ему правящие элиты. Им накоплен богатейший опыт интерпретации деятельности властных структур, а также достигнута высокая скорость реакции на эти действия. При этом следует подчеркнуть, что та или иная оценка власти со стороны общества неизменно находила свое отражение в моделях социального поведения. Стихийно сформировалась своеобразная шкала оценок функционирования власти, верхние ступени которой занимали такие качества последней как сила, строгость и следование установленному порядку. Любые попытки отступления от указанных ориентиров воспринимались как недопустимые проявления слабости и зачастую приводили к делегитимации власти и потере ей своего морального авторитета. Стоит прислушаться к тому, что по этому поводу говорит Д.В. Трубицын: «Конечно, нельзя не считаться с тем, что сознание сверхдержавы, коей был Советский Союз, явилось мощным цементирующим фактором для национальных окраин: они были приобщены к великой державе, и ее ослабление и капитуляция перед врагом стала фактором разочарования и начала поиска своей судьбы»¹. На слабую власть также невозможно рассчитывать в будущем, как и на ту, что официально заявила об отказе от принципов патернализма.

Куда меньшую степень чувствительности при осуществлении личного перспективного планирования, наши соотечественники демонстрируют в отношении понимания возможностей новых технологических и, как следствие, социальных трендов. Переход от социалистической модели экономики к свободным рыночным отношениям показал всю трудность протекания данного процесса, что во многом объясняется косностью массового сознания и преобладанием стереотипного мышления. Подавляющее число россиян, говоря языком обыденности, «не вписались в рынок». В 90-х годах прошлого столетия они не приняли должного участия в

¹ Трубицын Д.В. Макроистория: критика социологии большой длительности // Социс. - № 2. – 2018. – С. 40.

классообразующих процессах, благодаря чему мы до сих пор не имеем ни настоящего «среднего класса», ни массового сообщества предпринимателей, ни полноценного гражданского общества. По сути дела, старая социально-экономическая система самовоспроизвела себя в части сохранения сверхцентрализации, гипертрофированной роли государства и отсутствия «обратной связи» между обществом и его элитами. Таким образом, можно констатировать неразвитость креативного сознания в отечественном социуме, его неумение включать инновационный ресурс в разработку долгосрочных жизненных стратегий.

К сожалению, нам приходится констатировать усиление антисциентистских тенденций в общественной рефлексии россиян, соответствующим образом влияющих на их подходы к планированию собственного будущего. Прежде всего, это проявляется в отсутствии у последних должного уровня аналитического мышления, что, в частности, проявляется в некритическом переносе ими повседневного опыта настоящего не только в ближайшую, но и в отдаленную перспективу. По данным ВЦИОМ до трети россиян «ориентированы на обыденные представления, а не на научные факты»¹.

Более того, даже антиципативная рефлексия, осуществляемая в рамках обыденного сознания, начинает восприниматься как некое прогрессивное явление на фоне массового возврата отечественного социума к донаучным формам вопрошания будущего. Согласно подсчетам, проведенным А.В. Юркевичем, в современной России активно действуют порядка 800 тысяч представителей эзотерического знания, занятых, помимо прочего и предсказательной практикой².

Очевидно, что анализ антиципативного контента глубинных структур массового сознания должен быть существенно расширен за счет обращения к

¹ Зарубина Н.Н. Доверие к науке в современной России в контекстах множественности форм знаний // Социс. - №5. – 2018. – С. 111.

² Юревич А.В. Экономика эзотерических знаний // В защиту науки. - №8. 2011. – С. 94.

самым широким проявлениям соответствующей интенциональности, способным обеспечить если не прямое, то косвенное информирование по интересующей нас проблеме. Так, например, самые разные социологические исследования выявляют в обществе запрос на социальную справедливость. Казалось бы, данная информация не имеет непосредственного отношения к теме настоящей работы. Однако на самом деле эти наблюдения предельно информативны. Они указывают, пусть даже и косвенно, на то, что массовый актер рассчитывает на стандартную, универсальную для всех социальную перспективу, где он не надеется иметь особых предпочтений, выделяющих его среди окружающих.

Сюда же может быть отнесена и такая потребность, обеспечивающая социальную витальность, как защищенность, подразумевающая, по словам Ж.Т. Тощенко, «гарантию благополучия»¹. Заметим, что среднестатистический актер рассчитывает обрести социальную защищенность не в результате собственных усилий, а делегировав заботу о себе некоему «третьему лицу», в обязанность которому вменяется не просто стремление к выполнению данной функции, но от которого требуют гарантии ее реализации. Полагаем, что конструирование будущего как некой «зоны комфорта» представляет собой продукт влияния той утопической интенциональности, которая, как мы уже отмечали, присуща сознанию российского общества.

Отголосками культуры традиционного общества представляется нам крайне высокий статус семьи в ценностной иерархии россиян, с той точки зрения, что семейный фактор играет важнейшую роль в разработке последними своих планов на будущее. Согласно различным опросам, проведенным в последнее десятилетие, приоритет семейных отношений по сравнению с другими формами коммуникации, отмечают примерно 90 процентов респондентов. Подобная гипертрофированная оценка роли семьи в

¹ Тощенко Ж.Т. Жизненный мир и его смыслы // Социс. - №1. – 2016. – С. 10.

жизненных стратегиях индивида, свидетельствует о его низкой субъектности, о том, что он воспринимает себя не как автономную деятельную единицу, но как неотъемлемую часть некой, довлеющей над ним, социальной общности. При этом достаточно явно просматривается инструментальный подход к пониманию института семьи, который активно используется в долгосрочном целеполагании. В контексте рассматриваемой нами проблематики, зависимость от семьи можно рассматривать как своеобразную версию патернализма, а точнее одну из его сторон.

Впрочем, нельзя не указать на противоречие, существующее между консолидированным общественным признанием важности семейных отношений и контрастирующим с этим признанием количеством разводов в нашей стране. Думается, что в качестве гипотезы, объясняющей массовые распады браков, следует рассмотреть версию об утрате семьей своего функционала в качестве инструментария реализации искомого жизненного сценария.

Атрибутивной чертой общественного сознания россиян неизменно выступало стремление к будущей самореализации при условии ориентации на определенные морально-нравственные нормы и включение таковых в повседневные практики и модели социального действия. Однако при этом в отечественном социуме всегда присутствовала мысль о невозможности достижения социального успеха теми, кто руководствуется нравственным императивом. Аморализм современной социальной действительности подчеркивает большинство жителей нашего государства (62,4 процента) и у каждого третьего (31,5 процента) это факт вызывает глубокую озабоченность. Напротив, слагаемыми успеха россияне считают те устремления и конкретные действия, которые табуируются общественным мнением. В числе последних названы:

- владение капиталом (67 процентов);
- наличие влиятельных покровителей (57 процентов);

- отказ от соблюдения моральных норм при построении карьеры (58,2 процента);

- преодоление последствий социализации (93,6 процентов)¹.

Таким образом, мы можем констатировать раскол антиципативного сознания российского социума, не позволяющий последнему выработать целостную, логически завершенную программу самореализации его субъектов. Массовый социальный актер неизбежно оказывается перед лицом дилеммы: строить ли собственную жизнь на морально-нравственном фундаменте, рискуя при этом обречь себя на социальное аутсайдерство, или поступиться высокими принципами во имя прагматических расчетов, но тем самым утратить свою социокультурную идентичность.

Другая линия раскола в общественном сознании, непосредственно связанная с перспективным планированием, проходит в направлении странового выбора между пребыванием в родном отечестве и эмиграцией. Социологически релевантно будет рассматривать стремление реализовать собственную жизненную стратегию в качестве своеобразной формы эскапизма, поскольку образы будущего вне своей Родины всегда обладали для части наших соотечественников особой привлекательностью, сформировав, в конечном итоге, полноценную «мифологему заграницы», воспринимаемую как антипод российской действительности. Особое влияние на антиципативное сознание данная мифологема стала оказывать в советский период новейшей истории, когда массовая эмиграция находилась под государственным запретом.

Благодаря полученной нашими согражданами свободе перемещения, «мифологема заграницы» несколько утратила свое влияние на умы, хотя и продолжает в значительной мере формировать нормативные образы будущего. Дуализм «цивилизованного Запада» и «отсталой России», имеющий глубокие исторические корни, все еще широко распространен на уровне

¹ См. Тощенко Ж.Т. Жизненный мир и его смыслы // Социс. - №1. – 2016. – С. 15.

обыденного сознания в качестве своеобразного стереотипа. Даже если он и лишен прикладного аспекта на массовом уровне, тем не менее, не перестает быть одной из составных частей мировоззрения общества в целом.

Полагаем, что в настоящее время существуют все основания для исключения «фактора заграницы» не только из вероятностного, гипотетического планирования жизненных перспектив, но и из конкретных практических установок. Основной причиной этого может стать тот негативный опыт, который был получен нашими соотечественниками в статусе мигрантов, и которые были вынуждены, в силу различных причин, вернуться на Родину, тем более, что информация о подобном опыте достаточно интенсивно мультиплицируется благодаря современным масс-медиа и социальным сетям.

А.А. Гребенюк и Д.А. Полежаева, исследовавшие мотивы возвратной миграции, выделили ряд причин, которые можно рассматривать как базовые. К ним они относят:

- невозможность для мигранта найти работу по специальности;
- искомая работа, даже в случае ее получения, не обеспечивает необходимый жизненный уровень;
- трудности осуществления полноценной коммуникации с родными и близкими;
- более низкий социальный статус, чем у коренного населения;
- отсутствие привычной социокультурной среды.

Последняя причина представляется нам особенно значимой, поскольку она непосредственно связана с человеческой экзистенцией. Об этом, в частности, говорят и указанные нами социологи. «Не менее важны мотивы, побуждающие граждан России вернуться на родину, - чувство принадлежности к родной культуре и желание иметь схожее в культурном плане социальное окружение: «сказки моей бабушки», архитектура, Московский метрополитен с его статуями, надписями», «русская классика»,

«люди...которые не утратили свою идентичность, представляющие культурное русское ядро» (м., инженер, 25 л.)»¹.

Антиципативное сознание среднестатистического россиянина предстает перед нами как фаталистически фундированное, содержащее в себе готовность принять социокультурную перспективу такой, какой она будет явлена. Подобную готовность можно определить в качестве своеобразного «антиципативного лоялизма». К такого рода выводу нас подталкивают результаты многочисленных качественных исследований, демонстрирующих массовые случаи «оправдания» вновь возникающих социальных реалий, пусть даже они и лишены референции относительно более ранних ожиданий.

Наибольшую репрезентативность здесь имеют те исследования, которые охватывают исторически значительные отрезки времени, содержащие в себе самые разнообразные, в том числе и разнонаправленные социокультурные тренды. Характерным примером подобного исследования могут стать многолетние дневники Ф.Е. Достовалова (1960-1990 гг.), качественный анализ которых осуществляет О.А. Шабалина.

В качестве основных маркеров последняя выделяет такие смысловые моменты как Родина, идеология, религия, политика и экономика. Анализируя написанное автором этих дневников, не трудно заметить, что наступление каждой новой исторической эпохи сопровождается радикальным отказом от предшествующих мировоззренческих убеждений и переходом на противоположные позиции. Причем апологетика происходящих в обществе трансформаций неизменно резонировала с официальной точкой зрения на то или иное социальное явление или процесс. Так, в 1961 году записи в

¹ Гребенюк А.А., Полежаева Д.А. Мотивы возвратной миграции российских граждан, получивших высшее образование за рубежом // Социс. - №4. – 2016. – С. 39.

дневнике фиксируют следующую личностную позицию: «Я коммунист. Я хочу служить родине честно, открыто, по-хозяйски»¹.

Последующая пролонгация коммунистической идеологемы в качестве базовой, сопровождается сохранением абсолютной убежденности не просто в правильности идеалов коммунизма как абстрактной теоретической конструкции, но как оптимальной модели применительно именно к России. Так, в дневниковых текстах 1974 года заявляется буквально следующее: «Партия и Родина для меня неделимы»². Очевидно, нормативность коммунистического будущего для автора дневника бесспорна, никакой иной сценарий ему не представляется желаемым или даже просто возможным.

Но уже в конце 80-х годов автор переходит на диаметрально противоположные позиции, характеризуя советский период как «годы застоя, годы нервов, лжи и притворства, годы распушенности»³.

Однако наиболее отчетливо антиципативный лоялизм виден даже не на фоне радикальной смены социально-политических представлений, которые вполне могут меняться под воздействием обстоятельств, а на примере изменений, происходящих в наиболее глубоких структурах коллективного сознания, где, в частности, содержатся фундаментальные онтологические воззрения. Речь, в данном случае идет о переоценке взгляда на роль и место религии в обществе. Сопоставим две позиции, связанные с религиозной проблематикой, одна из которых была заявлена на пике антирелигиозных гонений в 60-е годы, а другая спустя несколько лет после официально состоявшейся реабилитации религии.

Более ранние записи содержат в себе полный набор тогдашних атеистических штампов в отношении религиозных доктрин, институтов и практик. «В два часа пошел хоронить, он оказывается боговерующий, нас

¹ Шибалина О.А. Личные дневники «советского» человека: опыт качественного исследования // Социс. - №4. – 2016. – С. 140.

² Там же. – С. 139.

³ Шибалина О.А. Личные дневники «советского» человека: опыт качественного исследования // Социс. - №4. – 2016. – С. 140.

привезли в церковь. Поп 27 лет отпевал. Молодой. Но роль исполнил на «5»...Но, что же заставило 27 летнего паренька пойти «работать» попом? Очевидно, материальные условия» (4 марта 1960 г.)¹. Соответствующая позиция, как и убежденность в безальтернативности коммунистической будущности, остается неизменной и в последующие атеистические годы. «Бог! Нет его. Он не существовал...»(5 сентября 1967 г.)².

Можно заметить, что всю свою сознательную жизнь человек имел вполне твердые атеистические взгляды, критически относился к религиозному культу и уж точно не видел для последнего никаких перспектив в обществе будущего. Но при этом атеистическая антиципация, как впрочем и коммунистическая, сохранялась ровно до того момента, пока государство от таковой не отказалось. При этом следует подчеркнуть постепенность отхода от атеизма, который происходил параллельно тому, как постепенно государство реабилитировало религию. «В дневниках 1983-1988 гг. мы встречаем слова молитвы, в повседневных делах отмечается посещение церкви. Слово «Бог» начинает писаться с заглавной буквы»³.

И если в последний период существования советской власти, когда все еще сохранялась приверженность социалистической модели, идеалы христианства и социализма автором во многом отождествлялись, то в девяностые последний воспринимается как антитеза религии, причем антитеза с отрицательным значением. «Люди возвращаются в прошлое. Детей крестят, сами крестятся. Ну что ж! Стало быть так должно! Лучше добро чем зло! Это верно! Много нагрешили коммунисты последних поколений» (15 августа 1990 г.)⁴.

Впрочем, здесь необходимо сделать некие пояснения. Говоря о внутренней готовности российского социума принять любую

¹ Там же. – С. 141.

² Там же.

³ Шибалина О.А. Личные дневники «советского» человека: опыт качественного исследования // Социс. - №4. – 2016. – С. 141.

⁴ Там же.

социокультурную перспективу, мы вкладываем в понятие готовности самое широкое значение, отнюдь не редуцируемое к тому лоялизму, о котором говорилось выше. Лоялистская версия готовности представляет лишь одно из измерений последней. Речь также может идти и о готовности ответить на любой вызов будущего, адаптироваться к нестандартной ситуации, действовать активно и наступательно.

Многомерность общественного сознания россиян, объединившего в себе диаметрально противоположные свойства и качества, позволяет первому осуществлять оперативную перенастройку своей рефлексии в необходимом направлении. Даже когда мы заявляем об этатистском менталитете отечественного социума, то подразумеваем половинчатость данного этатизма, ограничителем для которого стала так называемая «прививка», полученная со стороны европейской культуры.

Следует согласиться с Н.И. Лапиным, интерпретирующим российское общество как «социокультурно диссонирующее». По Лапину, «русский социум получил азиатский вирус авторитарной вседозволенности», в результате чего «возник своеобразный феномен – российско-азиатский этатизм»¹. Тем не менее, «в русском обществе сохранялась и продолжала развиваться культура, которая впитала византийское православие»².

Обращение к ретроспективе отечественной истории, взятой хотя бы в период последних ста лет, обнаруживает крайне высокую готовность россиян к социальному экспериментаторству, что вполне укладывается в логику теории «социокультурного диссонанса». Но при всем этом амплитуда общественных «колебаний» неизменно уравнивалась противовесом, представленным противоположными социальными и культурными установками. Высокий уровень мобильности антиципативного сознания регулярно помещает таковое в ситуацию необходимости постоянного выбора. Современность также не является исключением. «В настоящее

¹ Лапин Н.И. Гуманистический выбор населения России и центры внимания российской социологии // Социс. - №5. – 2016. – С. 24.

² Там же.

время, - отмечает, в частности, Н.И. Лапин, - Россия находится перед новым цивилизационным выбором: либо сохранение социокультурного диссонанса между культурой и социумом, либо его преодоление и движение к качественно более высокому...вектору»¹.

Рассуждая об имманентных атрибутах массового антиципативного сознания, нельзя обойти вниманием и его интерпретацию в качестве оборонного. Обилие войн, в которые была вовлечена страна, продуцировали основную нормативную модель будущего страны как ситуацию характеризующуюся отсутствием крупномасштабных боевых действий. Не случайно, длительное время в коллективном сознании россиян важнейшее требование применительно к будущему выражалось пожеланием «лишь бы войны не было». Оборонный фактор продолжает оставаться доминантой менталитета отечественного социума. Данный фактор нейтрализует и нивелирует многие иные социальные запросы и требования, в числе которых защита прав и свобод граждан, свобода средств массовой информации или материальное благополучие. Особо заметное влияние оборонное сознание, как составляющая часть сознания общества, стало приобретать в наши дни, когда растет конфронтация с Западом, отношения с которым становятся значительно хуже, чем даже в эпоху «холодной войны» и противостояния двух общественно-политических систем. Причем рост оборонного сознания, вполне явственно фиксируется социологически. Так, согласно мониторинга социокультурных задач общества, осуществленного в 2015 году, резко сократилась «поддержка современных ценностей (независимость, свобода, инициативность); опасно большим стало снижение индекса наиболее важных для населения и наиболее нарушаемых прав; равенство перед законом, безопасность и защита личности, право на труд, снизились индекс социального самочувствия, коэффициент самостоятельности граждан (в

¹ Там же. – С. 26.

сопоставлении с их зависимостью от государства) при решении жизненных вопросов»¹.

Этнокультурные и территориальные особенности России, представленные разнообразием населяющих ее этносов и культурных традиций, а также географическими масштабами, предельно актуализировали в коллективном сознании идею «общей судьбы», общего будущего для всех. В нашем обществе нет и, по-настоящему, никогда не существовало антиципативного перфекционизма, подразумевающего достижения искомой модели будущего только отдельными субъектами российского социума, будь то этнокультурное образование или конкретная социальная страта. Можно предположить сохранение феномена солидаризма и в будущем, что подтверждается многочисленными фактами российской истории, когда таковой становился эмпирически очевидным, особенно когда речь шла о необходимости противостоять общей угрозе.

Разумеется, представленными выше чертами и свойствами антиципативное сознание отечественного социума отнюдь не ограничивается. Данный перечень мог бы быть продолжен, но, на наш взгляд, и сказанного вполне достаточно, чтобы иметь общее представление, как о функционировании последнего, так и о представленных в нем общих чаяниях и фобиях в отношении будущего.

Однако необходимо сделать еще одно замечание, касающееся весьма важного принципа, на котором строится коллективный образ будущего. Данный принцип можно условно назвать «принципом негативной стимуляции», при котором позитивное целеполагание достигается через отрицательную мотивацию. Действие «принципа негативной стимуляции» особенно заметно на примере консолидации общества в его видении собственного будущего в ситуации обострения внешних или внутренних вызовов. Иными словами, максимальная общность антиципативных

¹ Лапин Н.И. Гуманистический выбор населения России и центры внимания российской социологии // Социс. - №5. – 2016. – С. 28.

воззрений достигается в рамках деструктивного сценария, когда сплоченность общества выступает условием его выживания.

Полагаем, что необходимо расширить фундамент общественного солидаризма и сделать это за счет недопущения дальнейшей социально-экономической дифференциации региональных социумов, интенсификации модернизационных процессов и стратификационных трансформаций, продуцирующих повсеместное укрепление среднего класса, а также рост гражданского самосознания современного российского социума, его культурного и образовательного уровня. Поиск широкого общественного консенсуса относительно наших общих цивилизационных перспектив должен лечь во главу угла деятельности, как власти, так и структур гражданского общества.

Глава 2. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ В РЕГУЛЯЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПРАКТИК

2.1. Антиципативные aberrации и их деструктивное социокультурное воздействие

Введение в диссертацию понятия антиципативных aberrаций требует от нас осуществления такой его интерпретации, которая коррелировала бы со смысловым контекстом настоящего исследования. Дело в том, что основное значение латинского термина *aberration* связано с заблуждением, ошибкой, отклонением от нормы, то есть с таким понятийным рядом, который прямо указывает на существование ложных взглядов относительно будущего. Однако признание таковых означало бы автоматическое существование противоположных им антиципативных воззрений, которые мы могли бы интерпретировать в качестве истинных, что само по себе невозможно. Ни про один социальный субъект нельзя сказать, что он является носителем ложных или истинных представлений в отношении будущего, поскольку будущее во всей его полноте неизвестно никому.

Таким образом, абстрагируясь от адекватности наличных представлений относительно будущего самому будущему, следует говорить о таких антиципативных моделях, деятельность на которые влечет за собой деструктивные последствия. Иными словами, любые социокультурные ожидания, продуцирующие негативный общественный сценарий, с необходимостью являются aberrированными. Тем самым, концепт антиципативной aberrации выступает как *ad hoc* понятие, а его операциональный потенциал имеет вполне конкретную когнитивную локализацию в рамках заявленной темы.

Исходя из всего сказанного выше, aberrированной можно считать любую идеализацию будущего, не говоря уже об откровенно утопических антиципативных конструктах. Рассмотрим ключевые моменты подобной идеализации.

Прежде всего, необходимо упомянуть об опасности ожиданий, представленных в различных формах социального прогрессизма. Так, в некоторых из них присутствуют интенции, допускающие радикальное изменение качества человеческой массы в сторону ее улучшения. То, что на уровне обыденного сознания формулируется как запрос социального актора на будущую коммуникацию с такой микросредой, которая будет наделена эмпатией и готовностью оказывать всестороннюю помощь и поддержку, в отличие от наличных коммуникативных реалий, в социальной теории определяется как закономерная общественная перспектива, где «альтруизм, взаимная поддержка, солидарность как базовые формы социальности являются результатом тысячелетий эволюции, которая, как известно, отбирает и закрепляет признаки, способствующие выживанию, отбраковывая не прошедшие апробацию»¹.

Не трудно заметить, что актер, надеющийся на качественное улучшение своих коммуникативных контрагентов в некоем жизненном горизонте не только осуществляет стихийный перенос решения насущных проблем в будущее, но и делегирует это решение другим, снимая, тем самым, с себя всякую ответственность за собственную судьбу. При этом очевидна тщетность подобных надежд, подтверждающаяся константностью таких свойств личности как эгоизм, конфликтогенность, стремление к социальному доминированию, корпоративность мышления и склонность к этнокультурным предрассудкам, на протяжении исторически длительного времени выступающих ее атрибутами.

Одновременно следует указать на трудности социологической фиксации темпоральной трансформации структуры личности в направлении искомой морально-нравственной нормативности. В частности, речь может идти о сложности верификации даже такого достаточно хорошо изученного феномена, каким выступает социальная солидарность, о чем и заявляют О.А.

¹ Кардамонов О.А., Ковригина Г.Д. Неочевидность солидарности: проблема эмпирического изучения трудно верифицируемых социальных состояний // Социс. - № 10. – 2018. – С. 16.

Кармадонов и Г.Д. Ковригина. «Отметим и то обстоятельство, - пишут обозначенные авторы, - что солидарность, с одной стороны, традиционный объект социальной науки, с другой же стороны, данный объект не свободен от известной противоречивости или парадоксальности. Парадоксальность заключается в том, что в социологии социальная солидарность признается необходимым и достаточным условием существования социального целого, ее наличие (даже градуированное – того или иного уровня) постулируется, так сказать, «по умолчанию». Но верификация ее крайне затруднительна в силу того, что социальная солидарность является неочевидным, а поэтому – чрезвычайно сложным для исследования феноменом»¹.

Иллюзии, связанные с чаяниями наступления идеального будущего, реализуются не только по линии эмпирически беспредпосылочных надежд на позитивную трансформацию человеческой личности в некой обозримой перспективе, но также и в направлении антиципативной идеализации государства, что продуцирует в обществе массовые патерналистские настроения, выливающиеся, в конечном итоге, в социальное иждивенчество. Не будем забывать и о том, что патернализм традиционно выступает наиболее устойчивым атрибутом как отечественной культуры, так и массового сознания россиян, причем атрибутом, укорененным в исторической ретроспективе. При всем том, что государство в настоящее время последовательно и во все большей степени отказывается от своих социальных обязательств перед согражданами, сознание последних продолжает оставаться этатистски фундированным.

В чем же могут выражаться патерналистски окрашенные иллюзии в отношении будущего? Исчерпывающий ответ, разумеется, может дать только конкретно-социологическое исследование, мы же можем пока разработать предварительную вероятностную модель.

¹ Кармадонов О.А., Ковригина Г.Д. Неочевидность солидарности: проблема эмпирического изучения трудно верифицируемых социальных состояний // Социс. - № 10. – 2018. – С. 17.

Следует предположить, что соответствующий социальный запрос связан с ожиданиями большей социальной справедливости в российском обществе и состоит, в первую очередь, в устранении имущественной поляризации. Предполагается, что именно на государстве будет лежать ответственность по обеспечению более или менее приемлемого уровня жизни для большинства населения, не получившего очевидных благ от реформирования социально-экономической системы страны.

Вместе с тем, все большую популярность в массах приобретает идея безусловного базового дохода, установление которого в крупнейшей сырьевой державе видится им вполне логичной и закономерной. В этой связи ожидаемо требование таких изменений действующего законодательства, «которые бы гарантировали каждому человеку независимо от социального статуса стабильные условия жизни и помощь государства в обеспечении социальных гарантий»¹.

Другим требованием, выдвигаемым обществом в адрес государства будущего является требование обеспечения последним стабильности всех сфер его жизнедеятельности, причем довольно часто стабильность понимается как осознанная консервация наличных социокультурных реалий. В данном случае мы имеем дело с рецидивом консервативного сознания, изначально табуирующего любой отход от того, что воспринимается как привычное и освоенное. Массовый запрос на стабильность видится нам вполне естественным, поскольку он имеет своим фундаментом глубинные структуры сознания отечественного социума, чьим содержанием выступают консервативные установки.

Сказанное объясняет тот факт, что, как правило, среднестатистический россиянин видит свое будущее как кальку настоящего. Это происходит в силу того, что настоящее, даже если оно и не отклоняется от искомым

¹ Касавина Н.А. Социальное государство: между гуманизмом и прагматизмом // Социс. - № 10. – 2018. – С. 34.

нормативных параметров, тем не менее, воспринимается как понятное, рационально освоенное и не вызывающее когнитивного диссонанса.

Обыденное сознание оказывается не в состоянии осуществить ментальный экскурс в будущее, опираясь на всеобъемлющий анализ социокультурной динамики. В осуществляемом им антиципативном конструировании оно исходит не из сущего, а из должного, не из действительного, но из желаемого. Говоря о подобном типе моделирования будущего, Р. Дарендорф говорил, что в свою основу таковой кладет внеэмпирические принципы, то есть те принципы, которые «располагаются по ту сторону системы», приводя в пример принцип удовольствия (должного).

Более того, в контент жизненного мира актора не входит понимание прагматического значения происходящих в обществе изменений, продуцирующих не только проблемы, но и позволяющих первому существенно расширить горизонт его возможностей, повысить собственную социальную эффективность, занять более высокие стратификационные ступени. Сравнение возможностей и перспектив стационарного и динамично развивающегося сообществ явно окажется не в пользу первого. Причем преимущества динамического общественного конструкта настолько велики, что они позволяют Р. Дарендорфу заключить, что «патологическим особым случаем социальной жизни являются не конфликт и изменение, а стабильность и порядок»¹.

Впрочем, нельзя сказать, что наше общество отвергает любые изменения как таковые. Оно готово их принять, но только в том случае, если это будут такие изменения, которые приведут к образованию принципиально новой общественной формации, приближающейся по своим основным характеристикам к социальной утопии. Здесь будет уместно вспомнить о традиционном утопизме отечественного коллективного сознания, состоящем в пассивном ожидании наступления той или иной разновидности «светлого будущего». Особо подчеркнем доминирование идеи автоматизма

¹ Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии. – М.: Праксис, 2002. – С. 328.

возникновения идеальной социальной модели, которая возникает спонтанно и не требует каких-либо специальных усилий.

Можно отметить три основных разновидности утопического конструкта, последовательно сменявших друг друга в российской истории:

1. Мистическая утопия (официальная и неформальная эсхатология);
2. Социально-политическая утопия (буржуазный прогрессизм, русский космизм, коммунистическая доктрина);
3. Техногенный утопизм.

В рамках последнего, в настоящее время все большее влияние на умы наших сограждан оказывает гуманистическая утопия, возникшая в рамках технократического утопизма и представляющая собой синтез классического гуманизма и техногенной утопии. Дело в том, что по представлениям значительной части населения уровень современного научно-технического развития уже в скором будущем позволит переучредить действующую социальную модель на принципиально иных основаниях, радикально отличающихся от ныне существующих. В этом смысле весь предшествующий этап цивилизационного развития рассматривается как некая предыстория, ведущая к объективации идеалов гуманизма, когда человек получит возможность в полной мере реализовать свои неотъемлемые права.

Ожидаемые позитивные изменения должны проходить по двум направлениям: техногенный ресурс и полная перестройка организационного порядка. Если научно-технический прогресс, как это ожидается, будет способствовать деятельности, в том числе и трудовой, эмансипации, то трансформация организационного момента, снизит нагрузку по линии личной ответственности за принимаемые решения.

Здесь следует подчеркнуть сближение позиций относительно возможности самоосуществления гуманистической утопии, как со стороны масс, так и со стороны экспертного сообщества. Так, например, свои мысли по вопросу изменений организационного момента высказывает Н.А.

Касавина, для которой описываемая нами антиципативная модель отнюдь не кажется чем-то невозможным. По мнению последней: «Гуманизм в практическом выражении опирается на социальное государство, которое за счет гуманистических ценностей становится не только возможным способом ликвидации выраженных социальных напряжений, но и обретает черты цивилизационного выбора и результата: гуманизм и социальное государство реализуют сочетание функциональности и человечности в методах осуществления управленческих функций государства»¹.

Здесь следует заметить, что предметом нашей критики является не позитивный футуристический социетальный сценарий как таковой, но именно его абсолютизация, восприятие последнего в качестве некой инвариантной модели общественных перспектив. Основанием для скепсиса выступает ретроспективный социокультурный анализ, наглядно демонстрирующий ошибочность соответствующих чаяний. Обращаясь к содержательно-событийной части отечественной истории, даже на ее среднесрочном уровне, не трудно заметить временную ограниченность позитивных трендов, не позволяющих строить на них долгосрочные жизненные стратегии.

В числе причин считать ошибочной однозначную идеализацию будущего находятся и трудности прогностического порядка. Все большее число специалистов говорит о его неопределенности, о постоянно усиливающейся темпоральной волатильности. Иными словами, речь идет о хаотизации будущего, об амбивалентности антиципативного сценария. Очевидно, что в подобных условиях выстраивание поведенческих моделей или социальных практик в надежде на объективацию той или иной разновидности утопии, хотя бы и ее отдельно взятых компонентов, будет ошибочным.

¹ Касавина Н.А. Социальное государство: между гуманизмом и прагматизмом // Социс. - № 10. – 2018. – С. 35.

Тем более неправильно экстраполировать личную ответственность за собственную будущность на других, кем бы эти «другие» ни были. В их число гипотетически могут входить гуманистически фундированное государство, радикально трансформировавшееся в лучшую сторону общество, чье качественное изменение связано с резким ростом его морально-нравственного самосознания, общественные структуры, занятые решением проблем конкретного человека, равно как и иные воображаемые объекты.

Впрочем, об иллюзорности такого рода чаяний заявляют даже апологеты гуманистических перспектив, вынужденные признать отсутствие конкретно-исторических оснований для таковых. Так, уже упоминаемая нами Н.А. Касавина выражает сомнение по целому ряду соответствующих позиций, среди которых констатация снижения роли ratio в обустройстве общества, девальвация гуманистических ценностей, неспособность государства соответствовать своему высшему предназначению, связанному с бескорыстным служением людям. Указанный автор говорит о преимущественной фрагментарности позитивной социальной сценарности, занимающей весьма незначительное место в историческом континууме. При этом заявляется об отсутствии взаимосвязи между научно-техническим и ценностно-социальным модусами развития общества, когда прогресс первого вовсе не означает нормативные подвижки во втором. Говорится и о том, что даже максимально эффективное социальное государство оказывается не способным сохранять свою эффективность в более или менее долгосрочной перспективе. «На фоне социальных катастроф XX в., - отмечает Н.А. Касавина, - европейский гуманизм выглядит несостоятельным явлением, а достигнутые успехи в области социального государства – потерявшимися фрагментами в буре экономических, политических, национальных противоречий. Огромные жертвы мировых войн, геноцид, межнациональные конфликты свидетельствуют скорее об отсутствии связи между прогрессом

промышленности, техники, науки и утверждением гуманистических ценностей»¹.

Обыденное сознание масс, как правило, располагает относительно близким во времени горизонтом понимания того, какие изменения общество будет претерпевать в будущем, что также является одной из причин возникновения рассматриваемой нами разновидности aberrаций. Оно не способно к аналитическим усилиям, основанным на абстрагировании от эмпирии повседневного опыта. Причиной этого выступает принципиальная невозможность для массового социального актора изменить как ракурс своего видения будущего, так и способы его освоения.

Массовое сознание существует в мире стереотипов и оперирует шаблонами. Последние оказываются либо укорененными в его глубинных структурах, либо искусственно привносятся извне, либо формируются спонтанно, как имплицитный симбиоз социокультурных запросов и ожиданий. Так, например, перестроечные массмедиа описывали результаты отказа от социалистической модели развития как торжество свободы и демократии, возвращение страны в цивилизованное сообщество и рост благосостояния народа, сформировав, тем самым, определенный антиципативный конструкт. Однако реальная трансформация существующего общественного миропорядка, обернувшаяся обрушением жизненного уровня подавляющего большинства россиян, маргинализацией всех без исключения социальных слоев и групп населения и беспрецедентным ростом преступности, наглядно продемонстрировала атрофированность в массах диалектического мышления, позволяющего рассматривать будущее не только в качестве нормативного конструкта, но и как систему вызовов.

Адекватное восприятие будущего не только ограничено для среднестатистического актора во времени, но лишено инструментальности.

¹ Касавина Н.А. Социальное государство: между гуманизмом и прагматизмом // Социс. - № 10. – 2018. – С. 36.

Он лишен возможности видеть даже в самых негативных антиципативных сценариях не только требующие ответной реакции очевидные вызовы, но и поле возможностей. В первую очередь речь идет об умении дифференцировать фатальные и стимулирующие вызовы. Н.С. Розов определяет их как «вызовы-угрозы» и «вызовы-возможности». К первым он относит те из них, которые результируются той или иной формой социокультурной деструкции, к которым консервативную реакцию, конфликтогенный или энтропийный сценарии. «Ответы на критические вызовы (для которых не работают стандартные реакции) всегда требуют мобилизации и в разных условиях приводят к разным траекториям исторической динамики. В числе возможных вариантов: возврат к стабильности с частичным изменением порядков; переход к периоду турбулентности (с кризисом и насильственными конфликтами); распад социальной и политической целостности»¹.

Серьезной проблемой современного антиципативного сознания, также определяющей его аберрированность, становится потребность такового в максимально конкретизированной картине будущего. Подобная конкретизация возможна только в том случае, если она будет представлена рефлексивно освоенным контентом, то есть не станет опираться на нечто принципиально новое или малоисследованное, на все то, что в принципе не способно образовать «несущий» каркас антиципативной модели. Очевидно, что антиципативная модель с необходимостью не только дескриптивная, но и объяснительная.

По-видимому, в данном случае, мы имеем дело не только с когнитивной функцией антиципации, но и с психической. Для обеспечения своего психического комфорта актер нуждается в таком видении социокультурной перспективы, которая не просто является позитивно фундированной, но одновременно и эксплицитной. В этом случае

¹ Розов Н.С. Козволюция трех порядков – объяснение динамики российских циклов // Социс. - № 9. – 2018. – С. 14-15.

корректность содержания антиципативного сознания приносится в жертву психологическому комфорту, а ясность картины будущего приобретает искусственный характер. Главной опасностью ретроизации антиципативной рефлексии мы видим «соблазн» использовать в предстоящих практиках только те подходы, которые хорошо зарекомендовали себя ранее, видятся достаточно апробированными и предполагающими ожидаемую результативность. Даже смелость полета антиципативной мысли достаточно контрастирует с консервативностью ее объективации в практических решениях. Как справедливо замечает Н.С. Розов: «В бурных обсуждениях, поиске, творчестве, пробах и ошибках люди возвращаются к прежним, латентным ответам...»¹.

Ретроизация будущего отнюдь не является единственной реакцией аберрированного антиципативного сознания. Спустя какое-то время социальный актер начинает понимать низкую эффективность традиционных практик и поведенческих моделей, что заставляет его осуществить пересмотр наличных деятельностных установок. Однако вместе с тем у него сохраняются опасения в отношении таких осознанно практикуемых усилий, которые бы принципиально отличались от традиционных норм, поскольку последние выводят из зоны психологического комфорта. Страх перед новым, с одной стороны, и осознание утраты действенности привычным социальным инструментарием, ведут к хаотизации видения социокультурных перспектив и спонтанности реализации антиципативных стратегий. Возникающую при этом когнитивную ситуацию мы можем охарактеризовать как кризис массового антиципативного сознания, сопровождающийся стрессами, противоречивыми моделями социального действия, которые зачастую являются взаимоисключающими, а также ошибочными темпоральными оценками, когда элементы культуры прошлого переносятся в будущее, когда

¹ Розов Н.С. Козволюция трех порядков – объяснение динамики российских циклов // Социс. - № 9. – 2018. – С. 15.

происходит традиционалистская или, напротив, футуристическая интерпретация настоящего.

Аберрации, возникающие в этом случае у носителя антиципативного сознания, могут приобретать самые разнообразные формы. В частности, он может отвергнуть континуальную парадигму темпоральности, основанную на представлениях о закономерности магистрального событийного ряда, признающую диалектическое единство прошлого, настоящего и будущего, исходящую из представлений относительно закономерности социальных событий и явлений. Ведомый эмоциями, страхами и предрассудками, социальный актер начинает абсолютизировать не непрерывность и преемственность культуры, а ее дискретность и «разорванность», стремясь при этом избавиться от того, что он считает «грузом прошлого».

Замещение темпоральных парадигм в коллективном сознании сопровождается фрустрациями и фундаментальной трансформацией глубинных основ жизнедеятельности социума, включая его социокультурную онтологию, ценностный корпус, а также параметры общественной идентичности. Реперные точки, фиксирующие исследуемые нами парадигмальные сдвиги, нашли свое описание в современной социологической литературе, равно как механизмы, под воздействием которых происходят данные изменения. «Провал ответов на вызовы ведет к рефреймингу, - полагает Н.С. Розов, - смене не только привычных практик, но и поведенческих установок, а при глубоких фрустрациях и последующих положительных подкреплениях новых практик и социальных позиций меняются также познавательные установки (картины мира, фреймы), символические установки (святыни, ценности) и даже экзистенциальные установки (идентичности)»¹.

Существенной проблемой для антиципативного сознания, с точки зрения его искаженности, является конформизм такового. Подобный тип

¹ Розов Н.С. Козволюция трех порядков – объяснение динамики российских циклов // Социс. - № 9. – 2018. – С. 16.

антиципации демонстрирует готовность принять будущее в любом его проявлении, смириться с любыми нарушениями собственных прав и свобод, материальными потерями, а также со всем тем, что противоречит интересам его носителя. Конформистски настроенный социальный актер не только лишен потенции активного сопротивления тем вызовам, которые могут ожидать его в перспективе, но и оказывается не способным к их сколь-нибудь глубокому осмыслению. Будущее не видится ему в качестве предмета критики и соответственного активного деятельностного целеполагания, как то, что должно быть исправлено в сторону улучшения. При этом следует отличать такой подход к переустройству будущей социокультурной реальности, который опирается на абстрактные положения социальных теорий, от противоположного ему подхода, исходящего из конкретики личной и общественной проблематики в их эмпирической заданности.

Закономерно допустить, что конформизм антиципативного сознания есть ни что иное как пролонгированный атрибут наличных ментальных форм, также содержащих в себе конформистские установки, как актуальная установка, присутствующая в жизненном мире. Для антиципативного конформиста будущее лишено предписанного нормативизма, поскольку последний отсутствует и в настоящем. Принимая действительность во всей его полноте, конформист не способен к ее критической оценке, не видит путей и перспектив ее переустройства, а, следовательно, не может усматривать и в будущем ту или иную нормативную модель.

Напротив, критическая мысль, осознавая недостатки настоящего, рассматривает данный модус темпоральности в качестве переходной эмпирической формы к искомому социальному бытию. Логика критической мысли весьма удачно раскрывается П. Ребугини, которая помещает эту разновидность мышления в такой атрибут социального актора, который определяется ею в качестве «критической агентности». «Но во времена, - замечает автор, - сосредоточенные на настоящем, характеризующиеся тем, что Беньямин называл «ностальгией по будущему», позиция, с которой

расширение горизонта и взгляд за его пределы, все-таки представляются необходимыми для критической агентности, как и сопротивление, саморефлексивная установка, коренящаяся в более контекстуальных действиях»¹.

Достаточно близко к антиципативному конформизму находится и радикальный агностицизм, утверждающий абсолютную непознаваемость будущего, даже в краткосрочной перспективе и на уровне самого общего понимания. Закономерно предположить, что антиципативным агником в первую очередь является тот, кто обладает изоляционистским типом сознания и не участвует с должной степенью интенсивности в коммуникативных процессах, а также ощущает собственную оторванность от реалий социокультурной действительности. Сюда же следует отнести и носителя дуалистической ментальности, чья субъектность противопоставлена конкретике социальной эмпирии, стихийно интерпретируемой в качестве ноуменального внешнего объекта.

Очевидно, что в границах этих двух типов коллективного сознания невозможна диалектически сформированная мыслительная деятельность, исходящая из признания диалектической неразрывности прошлого, настоящего и будущего. Культурный контент каждого из темпоральных отрезков воспринимается как исключенный из системы трансвременного взаимодействия и не поддающийся континуальной интерпретации в качестве отдельно взятого элемента единой социокультурной традиции. При этом из антиципативного инструментария автоматически исключаются такие методы познания будущего как моделирование, ретроспективный анализ, а также различные формы аппроксимации и рефлексия сопоставлений.

Основное заблуждение антиципативной агностики состоит в не только в недооценке роли социального актора в его способности адекватно оценивать окружающую социокультурную действительность, но и в

¹ Ребугини П.А. Критическая агентность и будущее критики // Социс. - № 11. – 2018. – С. 14.

неоправданном снижении роли субъекта в качестве силы, оказывающей детерминирующее воздействие, как на пространство настоящего, так и на территорию будущего. Тем самым, имплицитно постулируется вторичность субъекта по отношению к объекту.

Кроме того, как мы полагаем, позицию, отстаивающую непознаваемость будущего ни в какой из возможных форм, можно обвинить в антиципативном детерминизме, исключаям всякую проектность в объективации социокультурных перспектив. Последние автоматически лишаются вариативности, поскольку в жестко детерминированном пространстве будущего нет, и не может быть места никаким альтернативам. Однако, если классический детерминизм подразумевал полную ясность какой бы то ни было процессуальности, то его антиципативная разновидность напротив, сближается с агностицизмом, когда заявляет что будущее предопределено, а каким оно предстанет перед социумом – неизвестно.

Достаточно эффективное средство, позволяющее, хотя бы на теоретическом уровне, избежать крайностей антиципативного агностицизма предложено уже упоминаемой нами П. Ребугини, которая опирается на идею пролонгированности некой константности настоящего в будущее. Осознанная социальная активность, по мнению данного исследователя, возможна в «контексте, где экономические стандарты кажутся трудно изменяемыми структурно, мысль трансформирования пассивности в активность воображением и путем понимания и вовлечения человека в окружающую его среду, избегая любого возможного фронтального антагонизма, созвучна обществу...»¹. При этом Ребугини предполагает некую экстраполяцию, при которой искомое будущее выступает закономерным продуктом осознанных усилий в настоящем, когда ориентиром для последних является перспективное целеполагание. «Фокус

¹ Ребугини П.А. Критическая агентность и будущее критики // Социс. - № 11. – 2018. – С. 13.

внимания всегда возвращается к опыту, к настоящему, к трансформации, которую акторы способны произвести здесь и сейчас»¹.

Еще одной причиной возникновения заблуждений относительно будущего зачастую выступает, продуцируемый государством, антиципативный конструкт, который можно условно определить как «этатистская мифологема». Основной посыл подобной мифологемы состоит в констатации пролонгированности существующего социального миропорядка в самой отдаленной перспективе. Одновременно заявляется о том, что данный миропорядок не только одобряется современниками, но и найдет безусловную поддержку в будущем. Таким образом, от общества добиваются лояльности не только к актуально существующим властным структурам, но и к которым только предстоит появиться.

У нас есть все основания наделять этатистский антиципативный конструкт статусом мифологемы, поскольку о последнем говорит вся новейшая отечественная история, отмеченная регулярно меняющимися социокультурными, цивилизационными и ценностными установками, обусловившими многовекторность ее развития. Главная опасность для, ориентированного на этатистский миф актора состоит в том, что последний может начать ограничивать себя в определенных формах социальной мобильности, отказаться от приобретения новых компетенций, утратить критичность антиципативного мышления.

Типичным примером этатистского антиципативного творчества может служить статья В.Ю. Суркова «Долгое государство Путина», ставящая своей целью доказать безальтернативность существующей властной модели, представить ее в качестве уникального цивилизационного инварианта. Ее автор говорит об иллюзорности какого-либо иного выбора в будущем, чем тот, который является предписанным. «Иллюзия выбора, - полагает В.Ю. Сурков, - является важнейшей из иллюзий, коронным трюком западного

¹ Ребугини П.А. Критическая агентность и будущее критики // Социс. - № 11. – 2018. – С. 13.

образа жизни вообще и западной демократии в частности, давно уже приверженной идеям скорее Барнума, чем Крисфена. Отказ от этой иллюзии в пользу реализма predeterminedности привел наше общество вначале к размышлениям о своем, особом, суверенном варианте демократического развития, а затем и к полной утрате интереса к дискуссиям на тему, какой должна быть демократия и должна ли она в принципе быть»¹.

В настоящем параграфе большое внимание было уделено анализу деструктивности необоснованно завышенных антициптивных ожиданий, порождающих иллюзию самозарождения в будущем тех параметров социокультурного бытия, которые видятся нормативными. При этом подчеркивалось, что подобные ожидания, вне зависимости от перспектив их объективации, провоцируют пассивное социальное поведение, снижают конкурентоспособность актора, мифологизируют его жизненный мир.

Однако не менее опасным является и чрезмерно пессимистический взгляд на общественные перспективы, выражающийся в настроениях алармизма, деморализующий субъект социального действия, ослабляющий его волевые усилия. Как правило, «фактор страха» в антиципативном сознании действует двояким образом, вызывая у социального актора одну из двух основных типов реакций. Первый тип такого рода реакции активизирует мобилизационное сознание, что само по себе может явиться и позитивным моментом, но только в том случае, если прогноз окажется верным.

Однозначно негативной, вне зависимости от качественных характеристик социокультурных перспектив, будет другой тип реакции, который правильно было бы назвать «невротической». Ее возникновение, как правило, обусловлено одномоментным крушением привычных форм мировосприятия и сопровождается резким ростом страха не только перед настоящим, но и перед будущим. Разумеется, основной контингент, демонстрирующий подобную реактивность, относится к числу носителей особого социального психотипа, обладающего предрасположенностью к

¹ Сурков В.Ю. Долгое государство Путина // Новая газета. – 11.02.2019.

алармизму, однако панические настроения, возникающие перед лицом неопределенного будущего, могут приобретать и более массовые масштабы.

«Невротическая» разновидность реакции на предполагаемый антиципативный конструкт, будучи чрезвычайно болезненной, ухудшает общественное самочувствие, снижает социальный иммунитет. Она сопровождается сокращением аналитического потенциала общественной мысли по отношению к будущему, а также ростом иррационально окрашенных антиципативных интуиций. Для нас не существует никаких сомнений относительно того, что «фактор страха», в его радикальной форме, должен быть эмансипирован от базовой совокупности допущений, касающихся наиболее вероятностного перспективного событийного ряда.

Антитезой радикального антиципативного пессимизма может стать альтернативистский взгляд на будущее, исходящий из признания многовекторности развития перспективного социетального сценария и отказа от представлений о его фаталистичности. Соответственно, любая проблема будущего не может иметь только один ракурс собственного позиционирования, а именно, пониматься в качестве сложной системы, требующей комплексного подхода и скоординированных солидарных усилий со стороны всего социума.

Впрочем, чрезмерная артикуляция альтернативистского подхода имеет и очевидные издержки, связанные с релятивизацией социокультурных перспектив, с вымыванием из антиципативного конструкта двух его компонентов: определенности и нормативности. Угроза релятивизации картины будущего в коллективном сознании более чем реалистична. Ее реалистичность продуцируется так называемым феноменом «Big Data», заключающимся во взрывном, неконтролируемом росте объемов информации, а также интенсификации информационных потоков. К традиционным источникам формирования представлений о будущем добавился цифровой контент, лишенный каких-либо пространственно-временных ограничений для своего распространения. Радикальная

мультипликация антиципативно ориентированной информации продемонстрировала способность спровоцировать кризис общественного сознания, связанный с его способностью эффективно распоряжаться локализованными в цифровом пространстве данными.

Одним из аспектов данной разновидности кризисного сценария является перманентная деактуализация поступающей информации, имеющей отношение к формированию антиципативного конструкта. Утрата актуальности соответствующего контента происходит за счет его постоянного вытеснения из поля внимания социального актора. Более того, сложность поиска необходимых информационных ориентиров усиливается за счет дисфункциональности селективных механизмов, когда отбор фактов производится, не исходя из принципа объективности, а в силу их высоких медийных рейтингов, популярности у виртуальной аудитории социальных сетей. Очевидно, что вопросам достоверности такого рода информации значения чаще всего не придается.

Неочевидность «Big Data» делает входящий в нее антиципативный контент содержательно неопределенным, допускающим множество интерпретаций, зачастую являющихся взаимоисключающими. Мы видим, что даже профессиональные эксперты, оперирующие одним и тем же материалом, нередко приходят к диаметрально противоположным выводам, лежащим в едином поле социокультурного прогнозирования.

Нет сомнений, что причиной последнего может являться не только разница в исследовательских подходах, но и недостаточная глубина анализа, а также соображения конъюнктурного порядка. Об этом, в частности, говорит И.Ф. Девятко, отмечая в качественных социологических разработках «не основанное на каких-то теоретических предсказаниях «прочесывание» баз неэкспериментальных данных (чаще всего речь идет о вторичном анализе опросных исследований, но это вполне может быть отнесено и к «майнингу» цифровых следов) с добавлением все новых ковариат в модели до получения желаемых уровней значимости на все тех же данных, порождающее

множественные статистические артефакты, и некорректная интерпретация частотной статистики как прямой оценки правдоподобия гипотез»¹.

Разумеется, ограниченные рамки параграфа не позволяют нам достичь исчерпывающего понимания действия механизмов, продуцирующих контрпродуктивную, с точки зрения последствий социального действия, картину будущего. Однако дело здесь не только в ограничителях, предписанных законами жанра, но и в недостаточной разработанности вопроса как такового.

Думается, что наиболее перспективной здесь будет область междисциплинарных изысканий, обращение к которой позволит значительно увеличить потенциал собственно социологической науки. Речь может идти о более активном привлечении инструментария социальной психологии, а также таких новейших направлений научного знания как нейросоциология и близкая ей по духу эволюционная социология. К сожалению, несмотря на то, что история последних двух дисциплин насчитывает уже несколько десятилетий, они все еще не получили должного признания со стороны профессионального сообщества. Вместе с тем, нет никаких сомнений в том, что полноценная аналитика предельно усложнившегося социума невозможна при опоре исключительно на традиционные подходы к изучению общества.

Не будет преувеличением сказать, что таковые во многом уже достигли своих пределов и нуждаются в том, что бы быть существенно дополненными когнитивной инноватикой. Разумеется, первый шаг к соответствующему сотрудничеству должен быть сделан самими социологами. «Во многом по вине самих социологов, - справедливо полагает Ю.С. Шкурко, - социология неинтересна представителям этих (инновационных – прим. авт.) дисциплин; социологи оказались неспособны подключиться на равных к междисциплинарной дискуссии о биологической природе человека и ее

¹ Девятко И.Ф. Новые данные, новая статистика: от кризиса воспроизводимости к новым требованиям к анализу и предоставлению данных в социальных науках // Социс. - № 12. – 2018. – С. 35.

влиянии на социальное поведение. Этот пробел – одна из угроз для научного статуса дисциплины, определяемого, в том числе по способности демонстрировать релевантность текущим проблемам современного общества»¹.

Итак, все вышесказанное позволяет нам прийти к некоторым обобщающим выводам. Так, под аберрированным восприятием будущего следует понимать любые представления о социокультурной перспективе, вне зависимости от их прогностической релевантности, которые оказывают на актора демотивирующее воздействие, препятствуют построению эффективных жизненных стратегий, приводят к социальной пассивности или, напротив, стимулируют деструктивную активность. В современном обществе существует сложная система детерминант, продуцирующая ту или форму социокультурных аберраций, каждая из которых оказывает на его субъекты дезориентирующее воздействие. Атрибутом любого деструктивного антиципативного конструкта является его радикализм, представленный набором крайностей, таких как крайности утопически фундированного оптимизма или, напротив, безосновательного алармизма.

2.2. Эмпирические параметры коллективного образа будущего

Приступая к непосредственному рассмотрению конкретики социальной эмпирии, имеющей прямое отношение к содержанию антиципативного сознания современного российского социума, необходимо задержаться на анализе теоретического фундамента прикладного социологического исследования. Подобный анализ позволит нам осуществить более релевантную интерпретацию первичной социологической информации, которая, как это неоднократно доказано, не является в полной мере самоочевидной, но всегда содержит в себе широкие возможности для ее произвольного толкования.

¹ Шкурко Ю.С. Социология эпистемологий и нейронаука // Социс. - № 12. – 2018. – С. 50.

Прежде всего, встает вопрос о том месте, которое занимает образ будущего в коллективном сознании представителей различных культур и традиций, а, следовательно, о степени его воздействия на жизненные стратегии, социальные практики и поведенческие модели. Справедливо предположить, что для носителя традиционного сознания, для которого социокультурная перспектива во много является предписанной, будущее в большей степени фаталистично, чем для обитателя современного мегаполиса, рассматривающего себя в качестве творца собственного будущего. То же самое можно сказать и о тех, на чью социализацию оказали влияние те или иные религиозные традиции, также содержащие в себе диаметрально противоположные антиципативные артикуляции. Примером сказанного может быть разница в отношении к будущему в исламе с его идеей абсолютного предопределения, а также в христианстве, постулирующем свободные волевые акты. При этом важно понимать, что в условиях преимущественно секуляризованного и глобализирующегося массового сознания, этнокультурные и религиозные детерминанты могут и не являться факторами прямого действия, но, тем не менее, оказывать имплицитное влияние.

Не менее важно эмпирическим путем определить характер локализации будущего в сознании массового социального актора. Здесь уместен вопрос о степени эксплицитности антиципативного конструкта, параметров его детализации, а также перспектив объективации в конкретном социокультурном пространстве. Суть вопроса чем-то напоминает дилемму, выдвинутую еще схоластическими спорами об универсалиях: являются ли представления о будущем сугубо субъективной умозрительной моделью, присутствующей исключительно в индивидуальном сознании, или они суть отражение потенциальной объективной эмпирической реальности, существующей вне и помимо отдельно взятого социального актора и фиксируемой сознанием общества?

Мы уже располагаем определенным опытом перенесения классической дилеммы реализма и номинализма в когнитивное пространство современной социологии. Подобный опыт, в частности, нам предлагает И. Шубрт, размышляющий о глубинной природе общественного мнения, его онтологических основаниях. При этом свои рассуждения он строит на аллюзиях, связанных с антитезой соотношения мира реальности и мира понятий, актуализируя, тем самым, реалистский и номиналистический подходы. «Согласно первому, - заявляет указанный автор, - общественное мнение представляет собой реально существующую сущность, которая не сводится полностью к мнению индивида. Напротив, сторонники номиналистского подхода признают реально существующим только индивидуальное мнение (мнение индивида), общественное мнение предстает в из интерпретации всего лишь классификационным термином»¹.

Кроме того, небезынтересно установить степень консолидированности антиципативных представлений, представленных в сознании общества. Иными словами предстоит выяснить: существует ли общая доминантная картина будущего или соответствующие воззрения располагают преимущественно фрагментированным характером и лишены монистической атрибутивности. Тот факт, что любой социум в первую очередь идентифицируется в качестве некоего единства, не дает достаточно оснований для априорного постулирования монизма его антиципативного сознания.

Нельзя исключить, что последнее окажется дифференцированным, помещенным в ту или иную плюралистическую схему. Так, это может быть сосуществование или конкурентное противостояние нескольких относительно крупных образов будущего, а также множество изолированных друг от друга антиципативных ожиданий. Более того, обладателями собственных моделей антиципации могут выступать социальные группы,

¹ Шубрт И. Действительно ли опросы общественного мнения изучают общественное мнение? // Социс. - № 12. - 2018. - С. 58.

этнокультурные и региональные сообщества. Речь также может идти о содержательных различиях стихийного и организованного антиципативного процесса.

В силу того, что исследуемая нами проблематика имеет очевидную привязку к сфере имплицитного, глубинного, лишенного ясной репрезентации, особое внимание следует уделить формированию того инструментария, который имеет отношение к количественным методам социологического исследования. В первую очередь респонденту необходимо предложить максимально дифференцированную шкалу ответов, обеспечивающую предельную свободу его репрезентативного самовыражения, с тем, чтобы избежать ситуации при которой «исследование, направленное на выявление и изучение общественного мнения, может стать его же источником, инструментом его создания»¹.

Одновременно целесообразно максимально минимизировать интерпретационный «зазор» дескрипции полученных социологических данных, обеспечить, по мере возможностей, аксиоматику таковых. Поставленная цель достигается путем балансировки количественного и качественного подходов, недопущения доминирования каждого из них в отдельности. Только сбалансированное комплексное исследование будет в состоянии показать конструктор будущего в качестве продукта жизненного мира, а не продукта субъективности социолога и осуществляемых им разработок. Иными словами, необходимо полномасштабное привлечение всей совокупности социологического инструментария при одновременном критическом анализе его эвристического потенциала, ясно осознавая сильные и слабые стороны каждого отдельно взятого инструмента познания общества.

Не следует забывать и о факте отставания того арсенала социального познания, который имеется в наличии у современной социологии культуры,

¹ Шубрт И. Действительно ли опросы общественного мнения изучают общественное мнение? // Социс. - № 12. - 2018. - С. 60.

от предельно усложнившейся социокультурной реальности, чей динамизм приобретает беспрецедентные масштабы. Все чаще смыслоопределяющий статус приобретает не то, что ясно заявлено и осознанно сформулировано, но то, что представлено умолчанием, приобретающим все большее контекстуально-информационное значение. Первые попытки социологического осмысления невысказанного представлены в концепции «Спирали молчания» (Э. Ноэль-Нойман), в работе В.Л. Шульца и Т.М. Любимовой «Молчание как конструкт дискурса в социолингвистике» (2018) и других исследованиях. Сказанное здесь также призвано внести соответствующую корректуру в нашу работу на эмпирическом уровне.

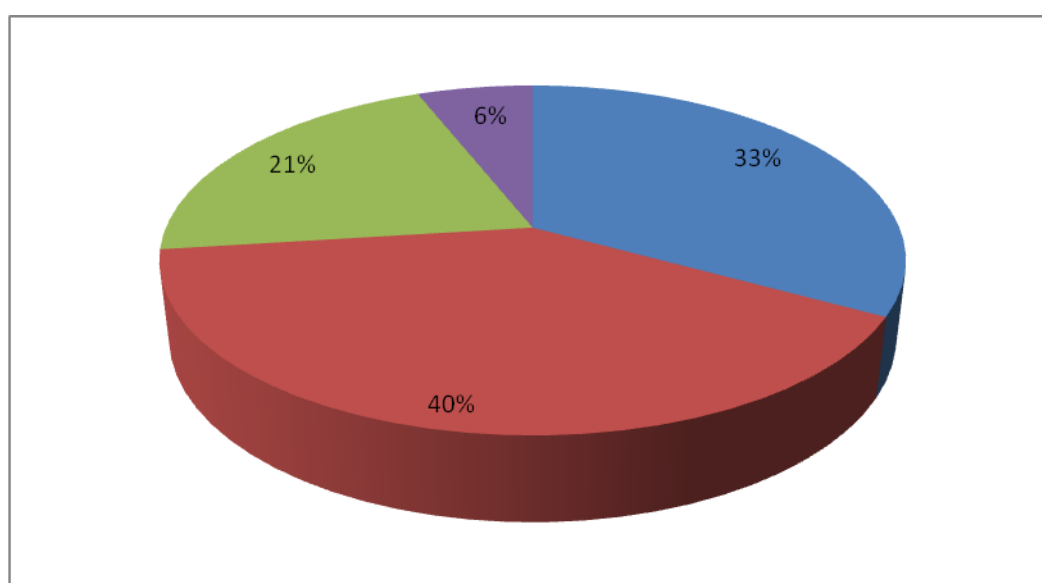
Когда мы говорим об ограниченности возможностей социологического инструментария, то в первую очередь подразумеваем необходимость исследовать социального актора, помещенного в уникальный информационный мир, получивший название «пост-правды». Антиципативные запрос, как и любой иной социальный запрос в данной ситуации, определяется не столько реальными перспективными потребностями, сколько той информационной дисстиляцией, которая сочетает в себе правду и ложь, подлинное и мнимое. Существование «общества пост-правды» продуцируется современным коммуникативным ресурсом и поддерживается авторитетом последнего. «Характерной особенностью «пост-правды», - отмечает И.С. Шушпанова, - стал аспект ее распространения с использованием информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) путем формирования в СМИ новостной информации, которая может содержать разные пропорции правды и лжи, достоверной и недостоверной информации, манипулируя общественным мнением»¹.

Сбор первичной социологической информации в виде анкетного опроса проводился в течение августа-сентября 2018 года в Ставропольском и Краснодарском краях, а также Ростовской области в соответствии с

¹ Шушпанова И.С. «Постправда» в социальной реальности: риски и угрозы // Социс. - № 12. – 2018. – С. 96.

репрезентативной квотной выборкой (N=1621). В этот же период был осуществлен сбор экспертной информации. Представителями экспертного сообщества выступили специалисты различных областей перспективного планирования, в число которых вошли сотрудники управленческих и аналитических структур, работники финансовой сферы, преподаватели учебных заведений разного уровня, а также журналисты региональных СМИ (31 эксперт). При этом выборочная совокупность коррелировала с генеральной совокупностью общероссийского уровня. Формализованные методы сбора первичной социологической информации были дополнены глубинным интервьюированием.

Итак, краеугольным камнем эмпирической части настоящего исследования мы видим определение характера локализации фактора будущего в общественной рефлексии, установление степени футуроцентричности коллективного сознания. Соответственно респондентам был задан закрытый вопрос, предусматривающий максимальную формализацию ответов по трем базовым позициям: высокая, средняя и низкая футуроцентричность. Данный вопрос был сформулирован в следующей редакции: **Задумываетесь ли Вы о своем будущем?** Распределение ответов представлено в приведенной ниже диаграмме:

- постоянно думаю (33 %);

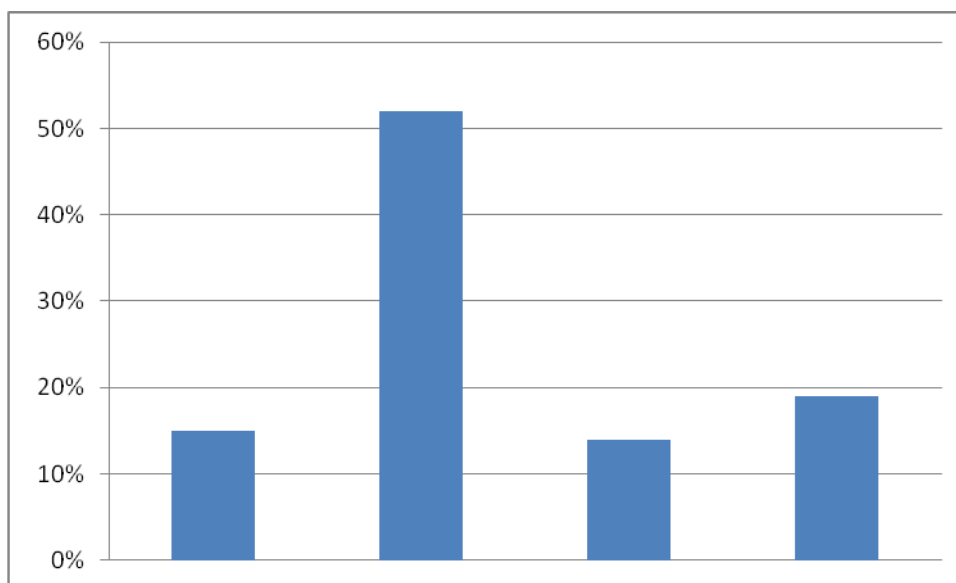
- задумываюсь время от времени (40%);
- вообще не думаю, меня больше интересует настоящее (21 %);
- затрудняюсь ответить (6 %).

Приведенные данные свидетельствуют о достаточно высоком уровне футуроцентричности населения России, поскольку в той или иной мере, будущее выступает центром притяжения внимания для двух третей участников опроса. При этом одна треть россиян не проявляет сколь-нибудь заметного интереса к тому, что их может ожидать в дальнейшем. Последняя группа респондентов представлена преимущественно учащейся и работающей молодежью в возрасте от 17 до 25 лет, слабая ориентированность которых на собственные социальные перспективы объясняется исключительно ее возрастными и психологическими особенностями. С высокой долей вероятности можно предположить, что в дальнейшем представители данной референтной группы будут демонстрировать гораздо большее внимание к собственному будущему.

При разработке нашего инструментария мы исходили из того, что одним из существенных условий деятельностной ориентации на представления о будущем выступает их эксплицитность. Очевидно, чем конкретнее видятся социальному актору его собственные перспективы, а также перспективы того общества, к которому он принадлежит, тем больше он станет учитывать последние в своих повседневных практиках и жизненных стратегиях. Таким образом, респондентам было задано два вопроса, один из которых касался рецепции личного будущего, а второй – перспектив российского общества в целом. Ответы на первый вопрос распределились следующим образом:

- у меня полное понимание собственного будущего (12%);
- я только частично представляю, что меня ждет в будущем (27%);
- мое будущее мне абсолютно неизвестно (34%);

- затрудняюсь ответить (27%).

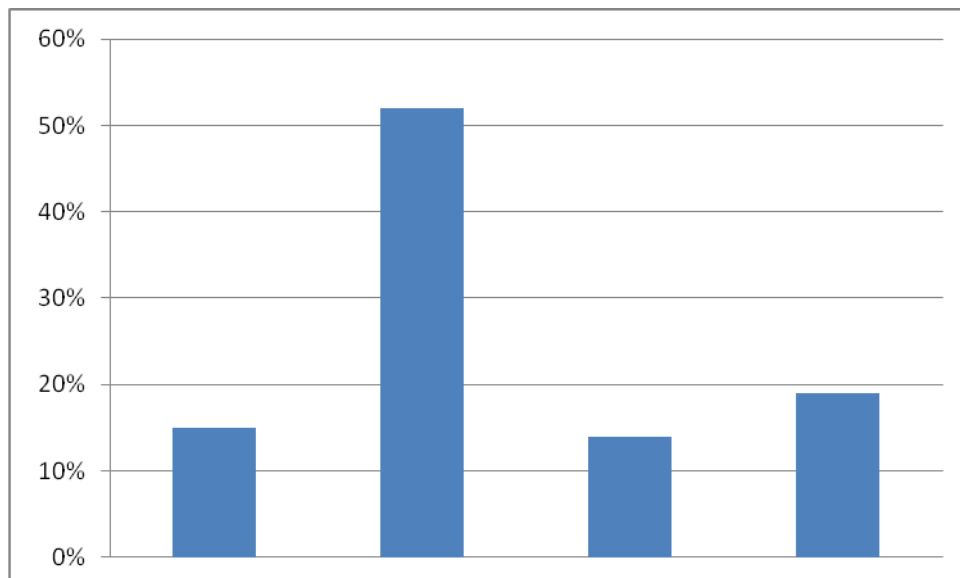

Не трудно заметить, что почти 40 процентов участников опроса демонстрируют предрасположенность учитывать фактор будущего в своих поведенческих моделях. Данный показатель обнаруживает тенденцию к увеличению за счет тех респондентов, которые испытывают трудности с собственным антиципативным самоопределением (27 процентов). Ответы последних мы склонны интерпретировать не как полное отсутствие понимания собственных перспектив, но как особую разновидность антиципативной импликации, которая также осуществляет определенную регуляцию социального поведения. Таким образом, не трудно заметить, что деятельность только трети респондентов оказывается эмансипированной от той или иной разновидности антиципативной детерминации.

Еще большей ясности картина будущего достигает на социетальном уровне, а, следовательно, речь может идти и об одновременном усилении антиципативного воздействия на социального актора. В рамках вопроса относительно перспектив российского общества в целом мы продублировали уже использованную выше шкалу ответов, получив следующий порядок распределения ответов:

- у меня полное понимание будущего России (15%);

- я только частично представляю, что ждет Россию в будущем (52%);
- будущее российского общества мне абсолютно неизвестно (14%);
- затрудняюсь ответить (19%).

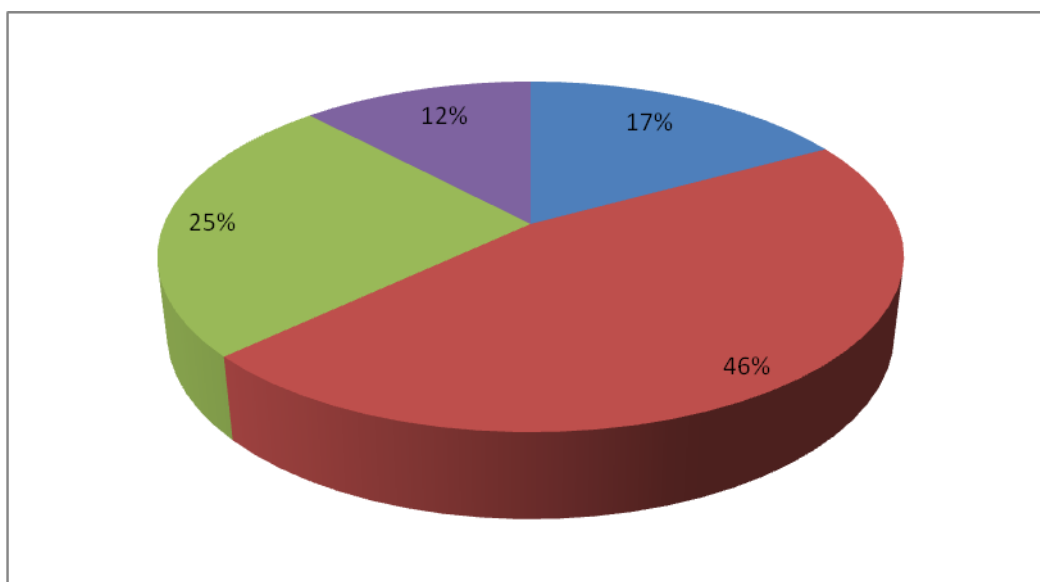

Большая ясность в понимании общественных перспектив имеет, на наш взгляд, два основных объяснения. Первое связано с повышенной, по сравнению с личностным, стабильностью социетального уровня, что естественным образом усиливает его прогностическую достоверность. А второе лежит в плоскости социальных, политико-экономических и культурных параметров развития современной России, обеспечивающих более глубокое понимание заданных трендов, эксплицитность общественных перспектив и стратегического целеполагания. Достижению подобного уровня коллективного антиципативного сознания бесспорно способствует и хорошо отлаженная система «обратной связи», позволяющая оперативно и с высокой степенью эффективности доносить до общества посылаемые ему властными элитами месседжи, в том числе и те, которые имеют отношение к будущему. Приведенные данные позволяют, как нам кажется, выдвинуть обоснованное предположение, согласно которому доминантное представление относительно общественных перспектив имеет очевидную институциональную обусловленность, при которой глобальные образы

будущего выступают продуктом совместных усилий властных структур, экспертного сообщества и отечественных масс-медиа.

Особое значение для настоящего исследования имеет определение степени потенциальной готовности социума адекватно реагировать на те вызовы, которые могут ожидать его представителей в будущем. Решение соответствующего вопроса видится в плоскости прояснения того, каким образом происходит интерпретация социокультурных перспектив и как понимается участие актора в их формировании. Последний, соответственно, может видеть в будущем некую фатальную обусловленность или, напротив, артикулировать в нем инструментальный момент.

Предложенный респондентам вопрос имел подчеркнута персоналистскую направленность и предполагал получение ответа на уровне личностной антиципации. Таким образом, участникам опроса было предложено определить степени зависимости их будущего от предпринимаемых ими усилий, что позволило выявить следующие позиции:

- мое личное будущее зависит только от меня (17%);

- мое будущее будет определяться моими усилиями и стечением обстоятельств (46%);

- человек, что бы он ни предпринимал, не в силах повлиять на свое будущее(25%);

- затрудняюсь ответить (12%).

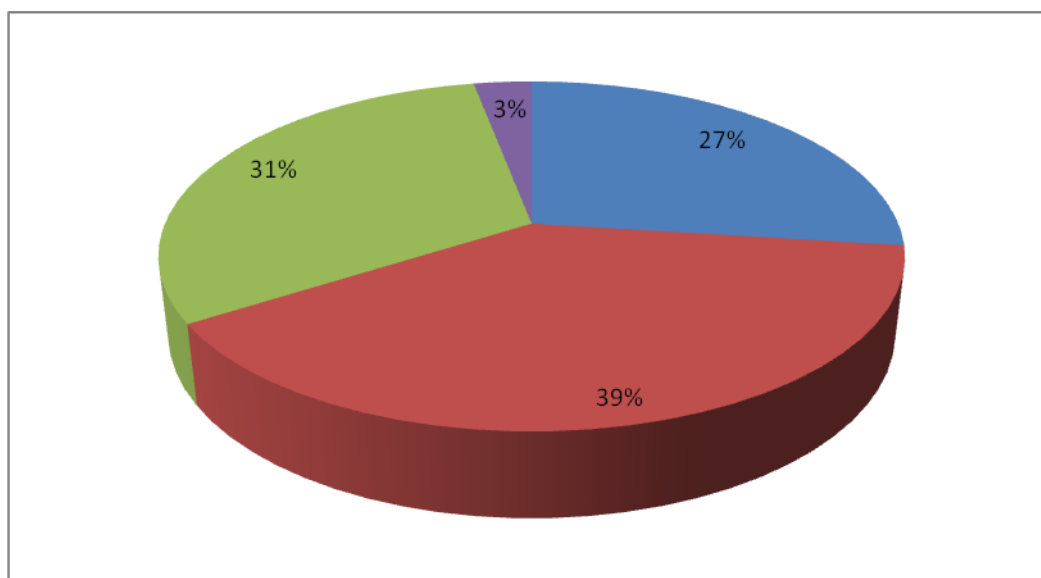
Анализ приведенных данных демонстрирует достаточно высокую долю фаталистических настроений, царящих в обществе. На позициях радикального фатализма находится каждый четвертый из тех, кто высказался по соответствующему вопросу. В непосредственной близости к этой группе локализованы и затруднившиеся с ответом (12 процентов), поскольку ими продемонстрировано отсутствие готовности самоопределения в качестве самодостаточных и полноценных социальных акторов.

Казалось бы, столь значительная численность «футуроскептиков» контрастирует с теми результатами опроса, которые приведены несколько ранее и которые показывают высокий уровень осведомленности общества относительно его перспектив. На самом деле, никакого противоречия здесь нет, поскольку присутствующая в общественном сознании картина будущего является предписанной, а ее объективация не зависит от конкретного актора.

Напротив, мы можем предположить, что имеем дело с рецидивом патерналистского менталитета, стремящегося к осознанному самоограничению в своем жизненном «творчестве». Не внушает оптимизма и качественное состояние основного массива респондентов (46 процентов), которые хоть и признают роль личностного социального активизма в реализации жизненных стратегий, тем не менее, допускают существенное вмешательство посторонних факторов, выступающих в их понимании независимыми параметрами. И только 17 процентов, то есть, менее чем каждый пятый готовы выступить творцами собственной судьбы и нести всемерную ответственность за то, какой окажется их будущность.

Кроме того, в своей работе мы исходили из понимания необходимости определения антиципативного самочувствия исследуемой аудитории,

выявления того ее эмоционального состояния, которое вызвано ожидаемыми социокультурными перспективами. Важность получения подобной социологической информации объясняется тем, что антиципативное самочувствие, являющееся неотъемлемой частью социального самочувствия как такового, во многом определяет психологический климат в социуме. Реализация этой задачи виделась нам как предложение респондентам осуществить аксиологическую идентификацию предполагаемой модели будущего, наделить ее положительным, нейтральным или отрицательным ценностным знаком. Закрытый вопрос относительно ценностного значения будущего предусматривал получение максимально обобщенных оценочных суждений, распределенных по четырем позициям:

- я смотрю на свое будущее исключительно оптимистично (27%);
- в моем будущем возможно все, как хорошее, так и плохое (39 %);
- в будущем меня ничего хорошего не ждет (31%);
- затрудняюсь ответить (3).

Анализируя полученные данные, прежде всего, необходимо отметить высокую степень самоопределения респондентов в их оценке собственных жизненных перспектив, что подтверждается крайне незначительным, на

уровне статистической погрешности, числом затруднившихся с ответом (3 процента). Можно также констатировать наличие позитивного эмоционального фона, доминирующего в обществе в связи с его антиципативными ожиданиями. Последний характеризует не только однозначно оптимистический взгляд на жизненные перспективы (27 процентов), но и их объективная оценка (39 процентов), засвидетельствованная «трезвым» пониманием амбивалентности перспективного событийного ряда.

Вместе с тем, не может не вызывать тревоги тот факт, что каждый третий участник опроса крайне пессимистично оценил собственное будущее, заявив об отсутствии у последнего желаемых параметров. Таким образом, нормативный сценарий повышения ценностного статуса будущего должен, на наш взгляд, реализовываться за счет увеличения численности тех, кто придерживается умеренно оптимистических ожиданий, с последующим превращением данной референтной группы в устойчивое большинство, составляющее критическую массу по отношению к населению в целом.

Исходя из того, что любая антиципация представляет собой очевидную или не явную систему допущений, где должное доминирует над сущим, нам представлялось целесообразным конкретизировать уровень и характер мифологизированности представлений о будущем, рассмотреть последнее в качестве социокультурной общественной потребности. Маркерами, на основании которых мы строили соответствующий инструментарий, стали: идея цивилизационной уникальности (превосходства), патерналистские установки, социально-экономический эгалитаризм, общинная психология, императивы этатизма, сохранение традиционного ценностного корпуса, изоляционизм, фобия глобализма. Приводимая ниже таблица позволяет увидеть, каким образом маркирован нормативный образ будущего в сознании респондентов, с тем, чтобы в последующем осуществить экстраполяцию полученных данных на коллективное сознание россиян.

Хотели бы Вы жить в России будущего, для которого справедливы следующие утверждения?	ДА	НЕТ	ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ
Россияне осознают превосходство своей культуры над культурными традициями других народов	21%	64%	15%
Власть возьмет на себя полную ответственность за решение проблем простых людей	81%	6%	13%
В обществе не будет разделения на богатых и бедных, все люди будут равны между собой	63%	27%	10%
Меньшинство не противопоставляет себя большинству, не требует для себя особых прав и свобод	77%	18%	5%
Интересы государства выше, чем интересы отдельного человека	46%	35%	19%
России удастся избежать влияния процессов глобализации и тем самым сохранить свою историческую и культурную уникальность	54%	42%	4%

Общий анализ полученных в этом блоке ответов выявил закономерность, согласно которой наиболее широкий общественный консенсус достигается в тех вопросах, которые имеют практическую ориентированность и связаны с конкретикой. Так, россиян слабо интересует перспектива доминирования отечественной культуры над иными культурными традициями. Сторонниками подобного доминирования проявил себя только каждый пятый респондент (21 процент). Мы склонны интерпретировать данный показатель в качестве примера своеобразной защитной реакции части социума перед лицом инокультурного экспансионизма.

Подтверждение этому выводу обнаруживается и в другом, близком по своему смысловому содержанию вопросу, который, впрочем, сформулирован с большей определенностью. Это вопрос о сохранении обществом собственной социокультурной идентичности, угрозой чему выступает глобализация, обезличивающая национальные культуры. Несмотря на то, что данный вопрос, как и предыдущий, лежит вне поля прагматики, он демонстрирует заметно большую ясность в самоопределении общества,

стремящегося к сохранению в будущем своей исторической и культурной уникальности (54 процента). Показательно и минимальное число затруднившихся с ответом (4 процента), что также говорит об однозначности заявленных позиций. Впрочем, как уже отмечалось, приоритеты наших соотечественников локализованы в плоскости материального и 42 процентами опрошенных не высказаны предпочтения, касающиеся контуров культуры России будущего.

Абсолютное большинство хотело бы жить в социальном государстве, атрибутивной составляющей которого станут императивы патернализма. Только 6 процентов, представленных в выборочной совокупности, отказались бы переложить на государство решение своих потенциальных проблем. Им противостоит 81 процент тех, кто выражает диаметрально противоположную точку зрения. Это максимальный показатель консолидированной позиции респондентов, представленный в приведенной выше таблице.

Немногим меньше (63 процента) мыслят будущее без деления общества на богатых и бедных. Очевидно, что 20-ти процентный разрыв с предшествующей позицией указывает на значительно меньшую распространенность эгалитаристских настроений по сравнению с патерналистскими. В той или иной степени, каждый третий осознает неизбежность социальной дифференциации и не видит здесь большой проблемы.

77 процентов респондентов выразили пожелание существовать в государстве, где были бы гарантированы культурные права большинства и где меньшинство не могло бы рассчитывать ни на какие преимущества. Тем не менее, почти каждый пятый заявил о праве меньшинства на свое собственное социокультурное самоопределение, чья реализация должна осуществляться без диктата со стороны основной массы населения. Эти две

позиции обозначены достаточно четко, что подтверждается весьма малым числом тех, кто не смог сформулировать свою точку зрения (5 процентов).

Экстраполируя патерналистский месседж в будущее, российский социум демонстрирует свою готовность обеспечить государству максимальную свободу действий, пусть бы они и ущемляли права и интересы отдельно взятой личности. Так, о приоритете интересов институтов власти перед иными интересами высказались 46 процентов респондентов. Несмотря на то, что таковых оказалось менее половины от всей массы респондентов, данная категория далеко обогнала как своих прямых оппонентов (35 процентов), так и «колеблющихся» (19 процентов).

Ранее мы отмечали сложность и противоречивость духовно-религиозной ситуации, существующей в современном российском социуме, возникшей по окончании эпохи государственного атеизма. Религиозное возрождение, пришедшее на смену последнему, проходило по двум основным линиям: рост традиционного конфессионального сознания и замещение материалистического мировоззрения внеконфессиональными образцами мышления. Не ставя перед собой задачи выявления влияния каждой из этих линий на антиципативные ожидания, мы, тем не менее, посчитали необходимым прояснить роль и место сверхэмпирического, как в формировании образов будущего, так и при выборе поведенческих стратегий. Для этого респондентам было предложено определить правильность высказываний, содержащихся в приведенной ниже таблице.

Согласны ли Вы со следующими утверждениями?	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Душа человека бессмертна	83%	8%	9%
Человек должен не столько заботиться о своей земной жизни, сколько о посмертной участи	37%	24%	39%

Соблюдение религиозных заповедей и ритуалов необходимо для жизни вечной	49%	41%	10%
Верующий превосходит неверующего по своим нравственным качествам и своей порядочности	18%	66%	16%
Духовные истины служат надежным ориентиром в повседневной жизни	53%	34%	13%

Абсолютное большинство опрошенных (83 процента) высказались в пользу идеи бессмертия человеческой души, что позволяет нам предположить наличие определенной системы сверхэмпирических регулятивов, оказывающих воздействие на формирование моделей социального поведения, включая и те из них, которые содержат в себе антиципативную направленность. И только 8 процентов респондентов ограничили горизонт собственной будущности исключительно конкретно-эмпирическим пространством и временем своего биологического существования. Такое же число участников опроса (9 процентов) затруднились дать однозначный ответ на поставленный вопрос.

Впрочем, как это продемонстрировано последующими результатами, полученными в данной части исследования, высказанная точка зрения присутствует в общественном сознании скорее как некое абстрактное знание, не оказывающее определяющего воздействия на массовые поведенческие практики, реализуемые на уровне повседневности. Так, из 83 процентов, завивших о бессмертии души, только 37 процентов продемонстрировали готовность соотносить свою жизнедеятельность с имеющимися у них соответствующими представлениями. Противоположный полюс составили 24 процента. Однако на самом деле, в количественном отношении он видится гораздо более значительным, поскольку сюда со всем основанием могут быть присоединены и затруднившиеся сформулировать собственную позицию в этом вопросе (39 процентов).

Общий анализ ответов в этом блоке указывает на известный формализм религиозного сознания, состоящий как в абстрактном восприятии доктрин, о чем уже было сказано, так и в механистической интерпретации объективации содержащихся в них обетований. Та же масса участников опроса, которая заявила о приоритетах земной жизни, высказалась в поддержку участия человека в религиозных обрядах и ритуалах. Необходимость включения в религиозные практики отметили 49 процентов. Столько же заявили о своем следовании религиозным заповедям. Контраст между 83 процентами верующими в бессмертие души, и 41 процентом отказывающихся от участия в религиозно окрашенных действиях мы объясняем подсознательной убежденностью социума в автоматическом наступлении искомой сверхэмпирической перспективы.

Полученные данные свидетельствуют и об отсутствии этической дифференцированности сознания общества с точки зрения его разделения на светскую и религиозную этику. С одной стороны, половиной респондентов признается практикоориентированный смысл этических ориентиров религиозных учений, и они призывают к следованию таковым, а, с другой, 66 процентов не видят в последних гарантов этической полноценности социального актора. Тем самым, мы можем говорить о тождественности для социума общечеловеческой и религиозной морали, то есть о ситуации, при которой последняя лишается своей трансцендентной тональности и переносится в плоскость абстрактного гуманизма.

Центральной смысловой точкой конкретно-социологического раздела исследования стало собственно выявление коррелятов между социокультурными ожиданиями и актуально существующими поведенческими практиками, то есть получение ответа на концептуальный вопрос диссертационного исследования: каково влияние антиципативных представлений на жизнедеятельность социального актора?

Мыслительно-оценочная рефлексия респондентов представлялась нам как двухтактный когнитивный акт, когда на первом этапе ими осуществляется анализ моделируемой ситуации будущего, а также устанавливается степень вероятности ее возникновения, а на втором происходит репрезентация соответствующей реакции. При этом нами предлагались сценарии, содержащие в себе определенный момент проблемности, что предполагало получение знания не только о реакции как таковой, но и о степени социально-мобилизационной готовности общества. Распределение полученных на него ответов представлено в таблице, где предполагаемая модель будущего результируется определенным типом реакции.

Сценарий будущего	Ваша личная позиция			
	Я всесторонне готов к такому сценарию, учитываю его в своих личных планах и повседневных действиях	Живу исключительно настоящим, а там будь, что будет	Данное развитие событий видится маловероятным	Затрудняюсь ответить
Отказ государства от своих социальных обязательств	14%	37%	18%	31%
Проблемы с работой, материальные трудности, отсутствие поддержки родных и знакомых	8%	44%	15%	33%
Девальвация национальной валюты, потеря сбережений	10%	47%	12%	31%
Утрата привычной	53%	9%	25%	13%

среды общения (переезд, приток мигрантов, смена поколений)				
Социальные и природные катаклизмы, делающие невозможным прежний образ жизни (война, распад государства, утрата жилья, экологическая катастрофа)	6%	8%	74%	12%
Запрет Интернета, цензура в СМИ и сфере культуры	19%	14%	62%	5%
Преследования по религиозному, национальному и культурному признакам	2%	7%	85%	6%
Проблемы с освоением информации, утрата ориентиров (рост объемов новой информации, дезинформации)	29%	10%	31%	30%

Прежде всего, нас интересовало осознание обществом происходящей в последние десятилетия смены социокультурных парадигм, при которой модель государственнического патернализма социалистического типа замещается моделью личной ответственности этатистски эмансипированного социального актора. Предполагалось, что отказ государства от имеющихся у него социальных обязательств, зачастую приобретающий демонстративный характер, настолько очевиден, что он должен выступить мобилизационным

фактором, корректирующим как общественное поведение, так и жизненные стратегии россиян. Однако в действительности наличие у них мобилизационного сознания по отношению к данному вызову показали только 14 процентов респондентов. Что касается оставшегося контингента опрошенных, то в его повестке будущего данной проблемы, в силу разных причин, вообще не существует. Так, 37 процентов продемонстрировали неразвитость антиципативного сознания, заявив о концентрации своего внимания исключительно на настоящем. В свою очередь каждый пятый (18 процентов) обнаружил отсутствие должных навыков аналитического мышления, заявив о незначительной вероятности предложенного сценария, несмотря на существование многочисленных фактов, указывающих на его реализацию. К этому большинству могут быть отнесены и те, кто затруднился оценить свою готовность к подобному ходу событий, а это как минимум каждый третий из числа участников опроса (31 процент).

Еще меньше наши сограждане задумываются о перспективах потери работы, утраты поддержки со стороны родных и знакомых, возникновения проблем материального порядка. Свою готовность учитывать эти моменты в своих планах на будущее обозначили только 8 процентов респондентов. Еще большее их число, по сравнению с предыдущим вопросом, не видят необходимости «страховаться» от такого рода проблем. Таковых насчитывается почти половина (44 процента). И это при том, что только каждый седьмой (15 процентов) исключает для себя подобную возможность. Число затруднившихся ответить на данный вопрос почти полностью совпало с предыдущими показателями в этой позиции (33 и 31 процент).

Следующий вопрос имел отношение к экономической культуре современного российского общества и ставил своей целью идентифицировать поведение его граждан перед лицом вероятностных трудностей в соответствующей сфере. Полученные при этом результаты позволяют отнести к носителям экономической культуры только каждого

десятого. Действительно, только 10 процентов участников опроса исходят, при разработке своих личных жизненных стратегий, из возможности обесценивания национальной валюты, ведущей к потере сбережений. Это число представляется нам аномально малым не только само по себе, но и парадоксальным, исходя из опыта новейшей отечественной истории, в которой жертвой девальвации рубля неоднократно становились десятки миллионов наших сограждан. Полученный показатель мы рассматриваем в качестве рецидива патерналистского сознания, что находит свое подтверждение в распределении ответов на первый вопрос таблицы. Вместе с тем, 47 процентов опрошенных сознательно вообще не проявляют никакой заботы относительно экономического аспекта своего будущего, что является абсолютным максимумом антиципативного индифферентизма, выявленного нашим исследованием. И это все происходит на фоне крайне низкого уровня доверия к устойчивости рублевых сбережений, надежность которых отмечена только 12 процентами опрошенных.

Надо полагать, что в наименьшей степени россиян беспокоит перспектива такой трансформации социокультурного пространства, которая приведет к радикальным изменениям ее содержательного наполнения. Более половины из них (53 процента) обозначили свою готовность столкнуться в будущем с утратой привычной среды общения, вызванной переездом, притоком мигрантов или изменениями поколенческого характера. Думается, что речь здесь не идет о каких-то специальных усилиях по развитию коммуникативных навыков или иных формах самовоспитания, но исключительно о достаточно высокой самооценке социальными акторами самих себя и своих адаптивных способностей.

Практически не присутствует в личном стратегическом планировании и тема глобальных природных или социальных катаклизмов, вероятность которых отвергается 74 процентами респондентов. Данная позиция имеет консолидированный характер, что подтверждается минимальным числом

затруднившихся с ответом (12 процентов). И только 6 процентов готовы рассматривать возможность столь драматического развития событийного ряда.

Примерно аналогичными масштабами располагает и скептицизм, связанный с введением цензуры в отношении культурного продукта и запретом Интернета. В том, что этого не случится убеждены 62 процента респондентов. Последнее, как это можно предположить, и порождает иллюзию готовности к такого рода сценарию будущего (19 процентов).

Как выяснилось в процессе исследования, общество абсолютно не готово к возможности преследования по религиозному и этнокультурному признаку (98 процентов). Впрочем, почти столько же не видят и реальных оснований для подобных гонений (85 процентов). Численность тех, кто все-таки в разной мере допускает вероятность последних, колеблется в пределах 7-13 процентов.

При этом нас интересовала не просто готовность социума эффективно реагировать на возможные вызовы будущего, но и проблема информационного обеспечения этих реакций. Ставя перед респондентами вопрос об инструментальности поступающей к ним информации, мы руководствовались пониманием современной информационной ситуации в мире как ситуации «постправды», где социальные заблуждения мимикрируют под объективную истину, а ничем и никем не контролируемая интенсификация информационных потоков существенно затрудняет их селекцию и аналитику. Соответственно, нам не удалось увидеть в восприятии участниками опроса «феномена информации» некоего вызова, который мог бы оказаться осознаваемым в качестве потенциальной проблемы, не имеющей своего решения или же вообще обладать атрибутом проблемности.

На что же указывает полученный материал? Суммарный анализ всех заявленных позиций говорит о весьма ограниченном потенциале

мобилизационной готовности общества противостоять вызовам будущего. Абсолютное большинство «маркеров готовности», относящихся не к гипотетическим, но к вполне реальным проблемам, которые с большой долей вероятности заявят о себе в будущем, колеблется в пределах 8-10 процентов. В остальных случаях речь может идти либо о завышенных самооценках, либо об игнорировании потенциальной опасности.

Впрочем, ранее мы говорили о том, что любой уровень социокультурной перспективы представлен, не столько конкретно-предметным, а значит ожидаемым, сколько ноуменальным, тем, чьим атрибутом выступает неизвестность. Соответственно, приоритетным здесь становится не только прогностический «талант» социального актора, но и его личностные качества, позволяющие последнему одинаково успешно действовать применительно к любому сценарию будущего. Иными словами, речь может идти о совершенно особом типе человеческой личности, успешно ориентирующейся в ситуации неопределенности, наделенной креативным сознанием и ориентированной на активное освоение трансформирующегося мира. Насколько же отвечает среднестатистический россиянин подобным требованиям? Ответ на этот вопрос мы находим в материалах социологического исследования Л.П. Тарасовой, проведенном в Северо-Кавказском и Южном федеральных округах в марте-июне 2017 года. Одна из позиций анкеты содержала в себе обращение к респонденту с просьбой осуществить самооценку на предмет обнаружения тех или иных личностных свойств. На вопрос «Свойственны ли вам следующие качества?», были получены следующие ответы¹:

Свойственны ли вам следующие качества?	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Стремление самосовершенствоваться	13%	31%	56%
Умение быстро принимать решения в обстановке	11%	18%	71%

¹ Тарасова Л.П. Адаптивные возможности социума в условиях ускорения социокультурной динамики. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. – Майкоп, 2018. – С. 108-109.

неизвестности			
Независимость от чужого мнения	38%	26%	36%
Рациональное использование времени	18%	56%	26%
Умение легко находить общий язык с разными людьми	19%	22%	59%
Ведение здорового образа жизни	29%	16%	55%
Готовность сменить свою профессиональную деятельность во имя вновь открывающихся, хотя и не гарантированных перспектив	9%	45%	46%
Представление о том, что общество и государство мне ничего не должны	6%	67%	27%
Нежелание останавливаться на достигнутом	11%	41%	48%
Высокий уровень интуиции	13%	34%	53%
Способность не сожалеть о допущенных ошибках	10%	62%	28%
Концентрация внимания не на прошлом, а на будущем	15%	27%	58%
Развитое воображение	17%	46%	37%

Приведенные в таблице данные в полной мере коррелируют с полученным нами первичным социологическим материалом, чем подтверждается сделанный ранее вывод о весьма ограниченной численности референтной группы (10-15 процентов), объединяющей в себе тех, кто готов к эффективному социальному поведению в условиях неопределенности будущего.

Обобщая сформировавшийся в результате исследования первичный социологический материал, мы можем получить исчерпывающее представление относительно состояния антиципативного сознания общества и его влияния на практики социального поведения. Очевидно, что в той или иной форме проблематика будущего присутствует в повестке дня

подавляющего большинства россиян (73 процента) россиян. Однако данное присутствие имеет преимущественно имплицитный характер и представлено самыми общими параметрами. Доминантный образ будущего представляет собой амбивалентный конструкт, в равной мере объединивший в себе как оптимистические, так и пессимистические ожидания. Нормативное будущее видится подавляющему числу россиян как эгалитарно-патерналистский и антиглобалистский проект, в рамках которого им гарантируется сохранение своей социокультурной идентичности, высокий уровень социальной защиты и отсутствие крайностей имущественного неравенства. Поверхностное присутствие в коллективном сознании религиозно-мистического компонента, исключает его из числа сколь-нибудь серьезных регулятивов социального поведения. Установлен достаточно низкий мобилизационный уровень антиципативного сознания, что определяется его неготовностью ответить на вероятностные вызовы будущего, а также неразвитость креативного мышления, его инерционность и зависимость от стереотипов.

2.3. Пути и перспективы развития антиципативной культуры в современном российском обществе

Одним из важнейших аспектов, получивших свое освещение в настоящей работе, стала тема недостаточного развития сознания общества в той его части, которая связана с продуцированием представлений о будущем, что, в свою очередь, объективно препятствует формированию успешных жизненных стратегий, снижает эффективность социокультурных практик и результативность поведенческих моделей. Диалектической взаимосвязи аберрированного видения личных и общественных перспектив и продуцируемой им социокультурной деструкции полностью посвящен один из параграфов второй главы настоящей диссертации. Одновременно определены эмпирические параметры того, что можно рассматривать в качестве антиципативного негатива.

Очередной шаг, как нам представляется, должен быть сделан в сторону построения теоретической модели нормативного будущего, а также в направлении поиска путей создания полноценной антиципативной культуры в качестве атрибута современного культурного пространства России, чьим носителем должен стать эффективный социальный актор. Причем речь здесь идет не просто о коррекции социальной «орбиты» на микросоциальном уровне, но и об открытии «окна возможностей» для прорывного развития общества в целом.

В первую очередь, необходимо преодолеть то, что в нашей диссертации получило название «антиципативного индифферентизма», под которым следует понимать массовое стихийное исключение фактора будущего из числа приоритетных жизненных ориентиров. В российском обществе до сих пор не укоренился навык стратегического мышления, позволяющий разрабатывать долгосрочное целеполагание и осуществлять его реализацию.

Во многом функционирование антиципативного сознания продолжает строиться на принципах механицизма, предполагающих воспроизводство рутинизированных конструктов будущего, доминантным контентом которых выступают психологически комфортные образцы уже освоенного прошлого. Введение в общественный антиципативный конструкт элементов новаторства произвела бы такую стимуляцию социокультурного креатива, которая не только оптимизировала практики повседневности, но и оказалась бы в состоянии повлиять на становление культуры отношения к будущему в целом, а в конечном итоге и совершить скачок в модернизационном развитии общества.

Одновременно нам представляется крайне важным существенно расширить поколенческие рамки тех, кто опирается на антиципативные образцы мышления и ориентирован на участие в долгосрочных проектах. Ни для кого не секрет, что в России переход в новые возрастные группы

зачастую связан с антиципативным изоляционизмом, с исключением себя из числа потенциальных акторов будущего. О сказанном свидетельствуют и данные, приводимые В.В. Карачаровским и О.И. Шкаратан, согласно которым существует лишь «небольшая часть общества (1-1,5%), представители которой, даже перейдя рубеж зрелого возраста, продолжают видеть и ставить цели, причем цели социально значимые, такие как воспитание и передача знаний следующим поколениям»¹.

Социокультурная сегрегация, осуществляемая по возрастному признаку и получившая в нашей стране широкое распространение, является ни чем иным как предельно острой формой эйджизма. Пятидесятишестидесятилетние, как это показывают исследования, представляют собой объекты тотальной стигматизации, имеющей место на семейно-бытовом и профессиональном и иных коммуникативных уровнях. Мы видим, что понятия пожилого человека и инвалида во многих дискурсивных практиках выступают синонимичными. Первые не оказываются лишенными не только будущего, но и настоящего. «Статус геронтогруппы, - справедливо отмечает Т.С. Киенко, - теряет позиции по всем составляющим: экономической (уходит в прошлое исключительное право собственности), трудовой (механизм пенсионного обеспечения необходим, но усиливает трудовую дискриминацию геронтогруппы, маркером старости становится достижение пенсионного возраста), политической (уходит в прошлое геронтократия), семейной (многопоколенческая семья уступает место нуклеарной), визуальной (выглядеть «старым», носить «старческое» не модно, не престижно), психологической и социальной (включенность, авторитет, главенство в процессах коммуникации сменяются социальным вакуумом, барьерами, изоляцией, одиночеством)»².

¹ Карачаровский В.В., Шкаратан О.И. Разные цели одного общества // Социс. - № 1. – 2019. – С. 15.

² Киенко Т.С. Статус и проблемы геронтогруппы (по материалам опросов жителей Ростовской области) // Социс. - № 3. – 2019. – С. 34.

В свете сказанного, видится целесообразным расширить доминантный общественный дискурс, редуцируемый в настоящее время к формуле «молодым быть модно», дополнив его содержание апелляцией к субъектам старших возрастных групп. Реализация подобных усилий не видится нам чем-то утопичным, тем более на фоне успешного аналогичного опыта развитых стран, активно продвигающих тему активного долголетия.

Ревизия антиципативного дискурса предполагает и одновременную перестройку в структуре долгосрочных жизненных приоритетов молодежных страт, их переориентацию на гуманистические и альтруистические идеалы. Речь при этом не идет об отказе от разумного утилитаризма или так называемой «здоровой» прагматике, но исключительно об их интеграции в общечеловеческий ценностный корпус, локализованный в долгосрочных жизненных стратегиях. Подобный интегративизм безусловно окажется полезным и самой молодежи, при пересечении ею более высоких возрастных барьеров. Принципиально важно, что решение дилеммы ценностного и рационального, в представленном нами кейсе, не происходит за счет ущемления одной из ее составляющих. Молодое поколение, расширившее систему своих долгосрочных ориентиров за счет гуманистических идеалов, не только сохраняет возможность быть социально эффективным в условиях актуальной повседневности, но и «хеджирует» себя в старости, рассчитывая на аналогичное отношение к себе в отдаленном будущем. Соответствующая уверенность достигается наглядностью деятельности гуманистически фундированных механизмов социализации, выступающих гарантом прав старших возрастных групп в социокультурной перспективе.

Нашему обществу следует возродить то межпоколенческое доверие, которое консолидировало народ на протяжении многих десятилетий и которое в недавнее время оказалось существенно подорванным. В первую очередь мы имеем в виду недавнюю пенсионную реформу, состоящую в отказе от принципа межпоколенческой солидарности. Причем следует

отметить, что данная реформа, о чем свидетельствуют соответствующие замеры общественного мнения, получила явное одобрение у значительной части молодых людей, чья социализация пришлась на перестроечные и постперестроечные годы, связанные с абсолютизацией идеи личного эгоизма.

Заметим, что речь идет не о критике прагматических установок, но исключительно о недопустимости фетишизации последних. Признавая объективную трудность избавления от такого рода массовых социальных настроений, мы, тем не менее, констатируем их безальтернативность. Заметим, что мы не одиноки в подобном понимании. «Возникает дискуссионный в чем-то вопрос, - указывают уже упоминаемые нами В.В. Карачаровский и О.И. Шкаратан, - с чего начать возрождение страны – с достижения целей, связанных с наращиванием потребления для себя и своей семьи, или целей, связанных с творческим, профессиональным и духовным ростом? Понимая, что перекося в пользу целей первого типа есть отражение объективных и нерешенных социально-бытовых проблем граждан, нельзя не понимать, что чистое потребление как доминирующая жизненная цель ведет общество по пути, у которого нет будущего»¹.

Очевидно, что успешное решение задачи развития антиципативного сознания не может быть ограничено, как уже подчеркивалось, исключительно микросоциальным уровнем, поскольку таковая видится нам исключительно как многоуровневая, требующая вовлеченности не только конкретного социального актора или референтной группы, но и обязательного участия государственных институтов. Следует отметить, что в настоящее время российское общество не располагает ни позитивной, ни конкретизированной картиной будущего, которую ему могло бы предложить государство. Не будет преувеличением сказать, что назрел вопрос о воссоздании осознанной государственной «антиципативной» политики,

¹ Карачаровский В.В., Шкаратан О.И. Разные цели одного общества // Социс. - № 1. – 2019. – С. 15.

прообразы которой всегда присутствовали в отечественной истории. Так, в дореволюционный период речь шла о некой сакральной перспективе, чья дескрипция была локализована в религиозной доктрине, а в советскую эпоху заявлялось о неизбежности коммунистического будущего. Несмотря на тот факт, что как первая, так и вторая антиципативные модели, содержали в себе значительный объем трудно верифицируемого контента, все они успешно выполняли свою основную социальную функцию – обеспечивали граждан той социальной энергией, которая необходима для их созидательной деятельности и позитивного мировосприятия.

В настоящее время россияне остались наедине с собой в вопросе толкования, как будущего страны, так и собственной будущности. Они не получают от государства ответы относительно антиципативного смысла урезания социальных программ, отказа власти от ее традиционных обязательств перед населением, непропорционального общественного расслоения и проч. Как правило представители социального топ-менеджмента говорят о неизбежности такого рода «жертв» со стороны общества, но не дополняют свой дискурс компенсаторной тематикой, эксплицирующей вопрос благ, ожидаемых в будущем как закономерного последствия самоограничения в настоящем.

При этом становится ясно, что компенсаторный, в материальном плане, образ будущего является необходимым, но явно недостаточным. Ретроспективный анализ российского менталитета и отечественной культуры со всей очевидностью удостоверяет, что для последних принципиально важны не только прагматически фундированная эмпирика, но также смыслы и символы, вводящие социум в особый модус экзистирования. С этой точки зрения, государству следовало бы проявлять большую активность в тематизации континуальности отечественной истории, представляемой как неразрывное диалектическое единство прошлого, настоящего и будущего. Пора отказаться от дискретного подхода к интерпретации исторического

процесса, перестать оценивать его отдельные периоды как деструктивные и случайные, выпадающие из общей логики цивилизационного развития. Общество ждет от правящих элит демонстрации их собственной убежденности в том, что каждая новая веха на пути отечественной истории обусловила собой новые достижения и победы. Нерешительность, колебания и половинчатость в суждениях относительно прошлого нации деморализуют ее, способствуют появлению своеобразного комплекса «социокультурной неполноценности».

Не случайно возник повсеместный запрос на пересмотр доминантных воззрений на социалистический период российской истории. Без такого рода ревизии, неизбежны общественные интуиции, связанные со страхом перед подобными цивилизационными «ошибками» в будущем. «Главный вопрос, который волнует каждого, кто всерьез задумывается о будущем страны, имеющей социалистическое прошлое, - замечает В.В. Лапаева, - это вопрос о том, был ли социализм, выстроенный ценой колоссальных жертв и усилий, ошибкой, которая завела страну в исторический тупик, или при всех своих издержках, социализм создал предпосылки для прорыва к какому-то новому будущему»¹.

Более того, социалистический эксперимент наглядно продемонстрировал реальность построения прагматического и одновременно привлекательного конструкта будущего. Последний не только содержал в себе баланс материального и духовного, но и постулировал приоритеты культуры, науки и образования. Данный факт вселяет уверенность в возможности воспроизводства аналогичной антиципативной модели в качестве общественного идеала. Это признается и профессиональным сообществом. Так, В.В. Карачаровский и О.И. Шкаратан прямо подчеркивают важность того, «чтобы предоставленное самому себе

¹ Лапаева В.В. Постсоциалистическое будущее как предмет исследований социологии (с позиций теории цивилизма В.С. Нерсисянца) // Социс. - № 3. - 2019. - С. 4.

общество не перешло черту, за которой образ будущего в виде достигнутой совокупности движимого и недвижимого имущества начнет вытеснять образ будущего как более глубокого жизненного мира, строение и содержание которого делает глобальным интерес к такому обществу»¹.

Вместе с тем, институциональные усилия по разработке нового конструкта будущего должны учесть предшествующий опыт и обеспечить конкурентоспособность такового. Подобное требование никак нельзя назвать случайным, особенно если вспомнить, что все предшествующие цивилизационные перспективы потерпели символическое «поражение» от конкурирующих с ними антиципативных программ. К настоящему времени борьба за привлекательность картин будущего беспрецедентно обострилась и ведется на межгосударственном уровне с привлечением всех сил и средств, имеющихся в распоряжении участвующих в этой борьбе стран. Как правило, образ будущего, рисуемый одной из сторон глобального конфликта, интерпретируется ее конкурентами как утопический, противоречащий народным интересам или этическим нормам. При этом происходит апелляция не только к общественному «рацио», но и к коллективному бессознательному. Зачастую «антиципативные битвы» заменили собой традиционное военное противостояние. «Мишени современных глобальных противостояний, - замечает Т.З. Адамьянц, - не обязательно материальный мир и даже не люди как физические объекты, как это было в прошлых «горячих» войнах. Разрушительный результат могут иметь и внедренные в сознание людей смыслы, которые значимо влияют на содержательно-эмоциональные особенности «картин мира» (представлений об окружающем мире и о своем месте в нем) миллионов людей. Именно на уровне смыслов и происходят главные сражения современных глобальных противостояний.

¹ Карачаровский В.В., Шкаратан О.И. Разные цели одного общества // Социс. - № 1. – 2019. – С. 15.

Ставкой в них оказываются судьбы, репутация, имидж стран, народов, содружеств, организаций, религий и культур»¹.

Весьма перспективными видятся нам и усилия по продвижению концепции антиципативного регионализма, заключающейся в конструировании модели локального будущего. Дело в том, что нарастающим трендом новейшего времени становится рост гражданской активности региональных сообществ, стремящихся к обустройству собственного жизненного пространства на местном уровне. При этом последние располагают, как вполне эксплицитными представлениями, связанными с их видением соответствующей нормативной перспективы, так и энергией для достижения искомого целеполагания. Примером сказанного могут служить многочисленные выступления населения за экологически безопасное будущее мест их проживания.

Одновременно растет интерес к повышению качественных характеристик локальной социокультурной среды в обозримой временной перспективе. Такого рода интерес находит свое проявление в выступлениях за сохранение регионального культурного наследия, памятников архитектуры, этнокультурной идентичности, традиционных форм социальности. Особое значение при этом придается вопросам эффективности функционирования механизмов интеграции мигрантов в местный социум, а также проблемам социальной инклюзии образовательной среды. Гражданское общество как никогда близко подошло к пониманию того, что от успеха решения такого рода проблематики напрямую зависит его безопасность, социально-экономическое процветание и общая привлекательность занимаемой им территории. Речь в данном случае идет о необходимости посредством комплексного развития региональной культуры, и в первую очередь образования, перезапустить социальные лифты для тех,

¹ Адамьянц Т.З. Коммуникативные механизмы современных смысловых противостояний // Социс. - № 3. – 2019. – С. 99.

кого социологическая наука рассматривает в качестве аутсайдеров, поскольку «юные выходцы из семей с низким статусом или семей мигрантов сильнее, чем выходцы из семей с более высоким статусом, зависят в образовательном выборе от возможностей, которые предлагаются местным контекстом»¹.

Региональная локализация антиципативной модели ставит своей целью сохранение наличного человеческого материала, недопущение его вымывания за пределы конкретного географического пространства, закрепление за территорией проживания. Одним из принципов популяризации идеи сохранения единства места и времени в реализации жизненной стратегии может стать разрушение той мифологемы массового сознания, которая связана с идеализацией социальной мобильности. Данный миф строится на некоем имплицитном допущении, согласно которому более перспективным является не фактическое местожительство, а некое иное жизненное пространство, обладающее большим потенциалом возможностей для самореализации социального актора.

Описываемая нами модель с необходимостью артикулирует ряд проблемных тем, которые призваны осуществить коррекцию антиципативной рефлексии актора. К подобным темам следует отнести тему потери поддержки социального окружения, что неизбежно для субъекта горизонтальной мобильности. Значительной проблемой может стать также и включение в неравную конкурентную борьбу с местным населением, располагающим необходимыми компетенциями относительно норм и правил социокультурной коммуникации, объединенных представлениями о региональной солидарности, маркирующих вновь прибывающих исходя из принципа «свой - чужой», что существенно затрудняет интеграцию последних в локальное сообщество.

¹ Епихина Ю.Е. Стратификационные исследования: между прошлым и будущим // Социс. - № 2. – 2019. – С. 21.

Одновременно проблематизируется и вопрос вектора социальной мобильности, который может оказаться не только восходящим, но и нисходящим. Очевидно, что любая миграция содержит в себе не только потенциал приобретения, но и риск потери. Участник миграционного проекта сталкивается с вызовом утраты существующего у него социального статуса, что неоднократно демонстрировалось феноменом эмиграции. Уже давно выведена закономерность, согласно которой эмигрант из менее развитой страны при переезде в более развитую, неизбежно девальвирует свой социальный капитал.

В пользу регионального антиципативного проекта говорит и неопределенность перспектив конвертации последнего в новых социокультурных реалиях. О том же говорят и специалисты в области социальной мобильности. Так, например, Ю.Б. Епихина проблематизирует эквивалентность профессионального капитала в разных сообществах. Она же указывает на разницу в традиционном и современном понимании собственно социальной мобильности и ее последствий. По мнению последней, «если классические исследования мобильности изучали степень открытости общества (проницаемость межклассовых границ, независимость социального перемещения от социального происхождения), то современники исследуют, насколько открытыми и проницаемыми оказываются межгосударственные границы. Как выясняется, легкость преодоления географических границ нивелируется возникающими институциональными барьерами»¹.

Не менее важна и демонстрация ошибочности универсалистского характера тех жизненных стратегий, которые ориентированы на трансрегиональную инфильтрацию субъекта социального действия. Заявляя об этом, мы апеллируем к авторитету концепции многофакторности, постулирующей зависимость будущего социального успеха не только от

¹ Епихина Ю.Е. Стратификационные исследования: между прошлым и будущим // Социс. - № 2. – 2019. – С. 22.

целерационального действия, но и от суммы труднопрогнозируемых случайностей. Основным достоинством данной концепции выступает ее отказ от догматизации тех или иных жизненных стратегий, преодоление существующих здесь стереотипов. С ее помощью можно осуществить анализ предпочтительности различных, ориентированных на перспективу, социальных практик, учитывая при этом индивидуальные особенности и социально-психологические характеристики актора. Краеугольным положением концепции многофакторности является вывод, согласно которому «индивид, имеющий опыт восходящей мобильности, обладает недостаточным человеческим или социальным капиталом, неподходящим габитусом, то среда, в которую он попадает, может обернуться эксклюзией»¹.

Тем самым, мы приходим к необходимости расширенного толкования понятия нормативного будущего, введенного нами в начале параграфа. Становится понятным, что нормативное будущее не должно представлять собой некую абсолютизированную рациональность, содержащую в себе чрезмерную деятельностно-временную детализацию. Невозможно до конца прочесть как ход и результат сложных, нелинейных процессов, так и определить в них оптимальное положение социального актора. Любому социальному действию, осуществляемому в этой ситуации, должно предшествовать построение баланса потерь и приобретений, позволяющее уравновесить гипотетические блага и эмпирические издержки.

С.А. Кравченко совершенно справедливо указывает на побочные эффекты, сопровождающие участие в жизненном «марафоне», и связанные с культом рационализма и эффективности. Концентрация издержек социокультурного и гуманистического порядка столь велика, что позволяет говорить ни много, ни мало, как о «нашей войне с самими собой»². В этой

¹ Епихина Ю.Е. Стратификационные исследования: между прошлым и будущим // Социс. - № 2. – 2019. – С. 22.

² Кравченко С.А. Многоликость метаморфоз: о новациях двух канадских социологов // Социс. - № 2. – 2019. – С. 27.

связи необходимо достижение понимания амбивалентности всех жизненных достижений, равно как и компенсаторности наших неудач. Каждый, кто выступил аутсайдером в карьерном продвижении, может компенсировать это саморазвитием в сфере культуры и духовной жизни. Одномерная стратегия достижения материального благополучия в будущем есть ни что иное как ошибочное восприятие полноты человеческого бытия как состоящего из «разрозненных, отдельных сфер»¹.

Отрицая в принципе любые фаталистические представления в интерпретации будущего, нельзя впадать и в другую крайность, связанную с волюнтаризацией социокультурной перспективы. Волюнтаристское восприятие будущего создает питательную среду для возникновения утопических ожиданий или бесплодных усилий по реализации заведомо нереализуемых проектов. Мы видим, что зачастую вместо того чтобы объективно и всесторонне оценить социокультурные тренды современности, значительная часть наших соотечественников пытается противодействовать таковым, или, как минимум, не замечать их.

В частности, нередки факты игнорирования или активного сопротивления процессам «цифровизации» современного социума, что мы рассматриваем как проявление одномерности мыслительной деятельности отдельных референтных групп, лишенных способности диалектически воспринимать происходящее вокруг себя, видеть в нем не только вызов, но и своеобразное «окно возможностей». Следует отметить, что палитра критических высказываний в адрес перспектив цифрового общества является достаточно широкой и поляризованной. Субъектами критики выступают околорелигиозные круги, видящие в таковом исполнении апокалетических предсказаний, консервативные интеллектуалы, заявляющие об угрозе

¹ Кравченко С.А. Многоликость метаморфоз: о новациях двух канадских социологов // Социс. - № 2. – 2019. – С. 27.

«расчеловечивания» общества, часть традиционалистски мыслящего преподавательского корпуса, видящего в «цифровизации» образовательного процесса отход от принципа лично ориентированной педагогики, а также представители старших возрастных групп, испытывающие затруднения в овладении инновационными технологиями.

Очевидно, что невозможно не только построить успешную жизненную стратегию без учета перспектив дальнейшего расширения цифрового контекста, но и даже просто представить образ будущего, лишенный цифровой фундированности. Социальный актер, причем не только находящийся на пике инновационного развития, но и просто пребывающий в соответствующем тренде, обладает бесспорными преимуществами для самореализации по отношению к своим традиционалистски рассуждающим социальными конкурентам. Иное дело, что государство должно заботиться как о массовом «цифровом» просвещении своих сограждан, так и о собственной информационной безопасности. И одним из значимых шагов в этом направлении будет достижение того его состояния, которое можно назвать «цифровым суверенитетом». «Соответственно, - замечает С.А. Кравченко, - нам также нужны цифровые структуры, способные конкурировать с доминированием нынешних мировых цифровых монополий»¹.

В массовое сознание должно быть внедрено понимание той очевидной данности, что нормативная модель будущего не может самореализоваться автоматически, стать следствием спонтанного стечения обстоятельств или быть детерминированной законами общественного развития. Единственно релевантным представлением о будущем является видение такового в качестве следствия осознанных и целенаправленных усилий индивида и общества, с привлечением всего наличного арсенала инструментов

¹ Кравченко С.А. Многоликость метаморфоз: о новациях двух канадских социологов // Социс. - № 2. – 2019. – С. 28.

социальной деятельности. В состав последнего входят личностные качества, сформировавшиеся в процессе социализации, практические навыки продвижения к намеченной цели, лояльность по отношению к коммуникативным контрагентам, глубокая интегрированность в локальное сообщество с выходом на те или иные сферы социетального уровня.

Нахождение социального актора в условиях информационного общества потребует от него особого подхода к работе с информацией, призванного оптимизировать процесс перспективного социального ориентирования. В основу данного подхода должно быть положено глубокое понимание специфической природы современного информационного пространства, сочетающего в себе атрибуты инструментальности и проблемности. В своей предельно концентрированной форме информационный массив сформировал в себе то, что специалисты обозначили как Big Data, подразумевая под этим термином крайне эффективный прикладной ресурс, состоящий в неограниченном доступе к любой информации с целью ее последующего анализа и практического использования, в том числе и в целях реализации долгосрочных жизненных стратегий.

И как мы уже заметили, работа с информационными потоками в ситуации современности сопряжена с известными трудностями. К последним относятся содержательно-смысловая разнонаправленность информационного контента, быстрая утрата им своей актуальности, ярко выраженный манипулятивный уклон. Преодоление всех тех трудностей, которые связаны с освоением информационного поля современности видится нам в синтезе обыденного, научного и профессионального знания, в экстраполяции «книжных истин» на эмпирию повседневности. Очевидно, что ни одна из сфер современного человеческого знания не может претендовать на монопольное право называться таковым. Тем не менее, мы вынуждены констатировать продолжающуюся острую конкуренцию между ними,

взаимный отказ в признании за каждой из этих сфер статуса подлинного знания. В результате подобного противостояния «по отношению к повседневному знанию научное знание является антизнанием, в то время как по отношению к научному знанию повседневное знание предстает как антизнание»¹.

Наиболее перспективным типом социального актора будущего мы видим носителя креативного сознания, который обладает максимальной степенью автономии в выстраивании собственной жизненной траектории, творчески и свободно мыслящего, умеющего гибко реагировать на формируемые обществом запросы, отличающегося высокой мобильностью и неприемлющего любые проявления патернализма. В любую разновидность социальной практики данный тип актора способен привнести элемент креативности. Человеческий капитал будущего с высокой долей вероятности утратит свою зависимость от конкретики места работы или профессии. Социальный успех придет к не только к новатору в области художественного творчества или предугадавшему модные тенденции дизайнеру, но также и к нестандартно организовавшему учебный процесс преподавателю или применяющему новейшие производственные технологии рабочему. Логика цивилизационного развития со всей очевидностью указывает на ускоренное расширение сферы социокультурного креатива уже в ближайшем будущем и возникновение новых разделительных линий в обществе, дифференцирующих последнее на тех, кто располагает приемлемой перспективой и тех, кто будет отнесен к числу лишенных будущности социальных аутсайдеров.

По мнению ряда исследователей, в настоящее время мы все стоим перед лицом «креативной революции, то есть той модели смены общественных формаций, которая пришла на смену классическим

¹ Кравченко С.А. Многоликость метаморфоз: о новациях двух канадских социологов // Социс. - № 2. – 2019. – С. 33.

социальным революциям. В частности, как отмечают А.В. Бузгалин и А.И. Колганов: «Императивом рождающегося сегодня будущего становится свободный труд креативного работника, т.е. труд человека, который сам свободно выбирает сферу своей деятельности и самореализации и свободен (не подчинен ни вещным факторам производства, ни внешнему управлению со стороны капитала и бюрократии) в процессе труда»¹.

Полагаем, что мы в основном справились с задачей, сформулированной нами в начале параграфа, а именно, обозначили те основные направления, следование которым способно привести социального актора к искомым жизненным перспективам, а также указали на необходимые для этого личностные качества и поведенческие модели. Тем самым, получена возможность сделать некоторые обобщающие выводы, резюмирующие все сказанное выше.

Как нам представляется, нормативная модель будущего должна перестать быть стихийно создаваемым продуктом, представляющим собой набор случайных антиципативных представлений и спонтанных решений социального актора. Ей следует радикально изменить свою локализацию, переместившись с периферии общественного и личностного сознания в их центральную точку. Актуализация проблематики будущего в коллективном сознании и социальных практиках достигается как посредством институциональных усилий, так и в результате трансформации социокультурных установок, обуславливающих функционирование базовых поведенческих моделей. Основное требование к построению долгосрочных жизненных стратегий апеллирует к двум фундаментальным принципам: принципу объективности, предполагающему реалистичный анализ открывающихся перспектив, и принципу перфекционизма, заключающемуся в отказе от самоограничения при разработке долгосрочных планов, что

¹ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трансформация социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социс. - № 2. – 2019. – С. 24.

диктуется предписанными факторами и ограниченностью наличного социального ресурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе ставилась цель определить ценностный статус будущего в сознании современного российского общества, его ориентиродержащий потенциал по отношению к повседневным практикам и долгосрочным жизненным стратегиям. Однако уже на первой стадии разработки обозначенной проблематики стали очевидны ее недостаточно выраженное присутствие в пространстве современной отечественной и зарубежной социологической мысли, слабая степень освоенности профессиональным сообществом, ограниченность наличного концептуально-понятийного аппарата. Не будет преувеличением отметить полное отсутствие работ в области социологии культуры, содержащих в себе не косвенное, а прямое обращение к теме влияния представлений о будущем, присутствующих у социального актора, на его поведенческие и деятельностные практики.

Инновационность исследования состояла в том, что конструкт будущего был представлен в ней в качестве объекта жизненного мира, составляющего неотъемлемую часть социальной онтологии в целом. Двухуровневая локализация данного конструкта, расположенного как в горизонте социетальности, так и в плоскости индивидуального сознания, потребовала особой социологической эвристики, сочетающей в себе как опору на микросоциологический инструментарий, так и средства научного познания, относящиеся к макроуровню. Данный подход позволил установить диалектическую связь между каждым из антиципативных конструктов в единстве их влияния на построение индивидуальных жизненных стратегий и образцы социального поведения.

Следует особо подчеркнуть, что жизненный мир россиян рассматривался не в качестве статичного образования, но как динамическое пространство, чья трансформация происходит параллельно тем изменениям, которые имеют место в области социальной эмпирии. Одним из наиболее значимых трендов в эволюции жизненного мира стал тренд на его

усложнение, с одновременным усложнением присутствующих в нем антиципативных представлений.

Одновременно была установлена эклектизация жизненного мира, что также отразилось на характере антиципации. Автором артикулирован эклектизм современной версии антиципативного конструкта, объединившей в себе множество противоречивых моментов, таких как глобальное и национальное, оптимистическое и пессимистическое, пассионарное и фаталистическое и т.п. Подчеркивается, что объединение в одной и той же модели будущего взаимоисключающих элементов, лишает последнюю той нормативности, которую требует осознанное целеполагание в достижении искомых перспектив.

В целом, проблематичность обнаружения долгосрочных жизненных ориентиров подтолкнула автора к подробному рассмотрению вопроса, связанного с причинностью искаженного восприятия будущего, равно как и невозможностью использования соответствующих представлений в практической плоскости. Характеру и детерминации антиципативных aberrаций посвящен отдельный раздел диссертационного исследования, имеющий пропедевтическое значение для коррекции вероятностных, ориентированных на будущее решений.

Автор указывает на принципиальную разницу, существующую между заблуждением как отклонением от истины и антиципативной aberrацией, не имеющей прямых коррелятов с истинной картиной будущего. Точное знание последнего не дано никому, поэтому aberrированными предложено считать такое видение социокультурной перспективы, которое, будучи экстраполированным в настоящее, продуцирует деструктивные действия социального актора. Тем самым, концепт антиципативной aberrации предлагается рассматривать в качестве *ad hoc* понятия, успешно интерпретирующего природу и смысл социальных заблуждений в отношении будущего.

Неразвитость антиципативного сознания российского общества в работе связывается с фобией последнего в отношении любых перемен, что можно интерпретировать как последствия моральных травм, полученных в результате реформ 90-х годов. По отношению к будущему социум выстраивает своего рода «защитный барьер», интерпретируя его в качестве пролонгированного настоящего.

Помимо опасения стать объектом социального экспериментаторства, россияне в принципе не склонны к выходу из зоны психологического комфорта, рассматривая стабильность и освоенность социокультурной реальности в качестве своих высших приоритетов. Соответственно любой образ будущего автоматически предстает перед ними как более или менее точная копия настоящего.

Традиционная склонность к социальному мифотворчеству, выступающая атрибутом российского массового сознания, конституирует такую модель будущего, которая имеет своей содержательной доминантой не столько сущее, сколько должное, которая является не результатом объективного анализа действительности, но продуктом общественных требований и запросов. Автор обосновывает свою позицию отсылкой к Р. Дарендорфу, утверждающему приоритетность внеэмпирических принципов в конструировании будущего. Отмечается ограниченность антиципативных способностей социального актора, видящего во вновь формирующихся реалиях не поле новых возможностей и перспектив, но исключительно некую разновидность вызова, требующего от первого дополнительных усилий в нахождении адекватного ответа.

Доказывая существование полноценной системы воспроизводства антиципативных заблуждений, автор отрицает случайность их возникновения. Данная система охватывает все уровни сознания, социальной структуры и институциональной системы. Подчеркивается двойственность «генетической» природы иллюзорных социокультурных ожиданий,

объединяющей в себе как момент спонтанности, так и результат целенаправленной деятельности.

Эмпирический анализ антиципативного сознания выявил достаточно высокий уровень футуроцентричности, присутствующий в современном российском обществе. Концентрированность на будущем выявлена более чем у двух третей россиян. Однако ясным видением своих жизненных перспектив обладает только каждый десятый россиянин, а для остальных будущее состоит из набора размытых образов и имплицитных ощущений. При этом будущность станы в целом очевидна большей половине наших соотечественников, что объясняется масштабами объекта прогностики, его повышенной, по сравнению с микроуровнем, стабильностью и предопределенностью.

Удалось установить и масштабы фаталистических настроений в обществе, которые отсутствуют только у каждого пятого. Напротив, социальный оптимизм в отношении собственных жизненных перспектив продемонстрирован двумя третями участников опроса. Характерно, что массовый отказ от материалистических воззрений не привел наше общество к доминированию в нем религиозных ценностей в качестве сколь-нибудь значимого регулятива социального поведения и стратегического целеполагания. Следует говорить о религиозном формализме основной массы наших соотечественников, равно как и о низкой вовлеченности последних в соответствующие практики. Речь, как нам представляется, может идти об ожидании автоматического исполнения сакральных обетований, не требующих непосредственного участия человека.

Впрочем, центральное значение принадлежит итоговой части работы, чье содержание ориентировано на поиск возможностей усиления мобилизационного потенциала антиципативной рефлексии, обнаружение в ней стимулов для дальнейшей успешной самореализации субъекта современного общества. Именно в заключительном параграфе работы

содержится описание эффективного социального актора, являющегося носителем развитого креативного сознания, сделавшего предметом своей рефлексии не только наличную ситуацию, но и горизонты отдаленного будущего.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абрамова П.А., Зборовский Г.Е. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей как социологическая проблема // Социс. - № 5. – 2015. – С. 61-71.
2. Автономов А.С., Гаврилова И.Н. Социальная политика: на чьей стороне ее новации? // Социс. - № 5. – 2011. – С. 35-39.
3. Александров Д.В. Понятие «интерес» в современной западной социологии // Социс. - № 8. – 2014. – С. 57-66.
4. Александров Ю.И., Кирдина С.Г. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социс. - № 8. – 2012. – С. 3-13.
5. Анайбан З.В., Балакина Г.Ф. Динамика межэтнических отношений и этнических стереотипов в Республике Тыва // Социс. - № 8. – 2015. – С. 93-99.
6. Анисимов Р.И. Социально-экономические реалии жизненного мира россиян в условиях либеральных реформ (опыт сравнительного анализа данных 1990 и 2012 гг.) // Социс. - № 8. – 2015. – С. 42-49.
7. Ахромеева Т.С., Малинецкий Г.Г., Посашков С.А. Новый взгляд а самоорганизацию в некоторых социальных системах // Социс. - № 5. – 2014. – С. 3-15.
8. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс – Традиция, 2000. – 384 с.
9. Бек У. Что такое глобализация? – М.: Прогресс – Традиция, 2004. – 304 с.
10. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. - М.: Academia, 1999. – 788 с.
11. Беляева Л.А. Динамика отношения россиян к социально-экономическим и политическим изменениям // Социс. - № 10. – 2011. - С. 11-26.

12. Беляева Л.А. Образование в России и модернизация экономики (по результатам Европейского социального исследования) // Социс. - № 12. – 2011. – С. 13-25.
13. Бестужев-Лада И.В. Что мы знаем о XXI веке? И каким образом? // Мир нашего завтра. Антология современной классической прогностики. – М.: Эксмо, 2003. – 512 с.
14. Бергер Б., Бергер П., Коллинз Р. Личностно – ориентированная социология. – М.: Академический проспект, 2004. - 608 с.
15. Бондаренко В.М. Новый взгляд на будущее России // Социс. - № 12. – 2010. – С. 122-127.
16. Бондарев В.П., Рулева С.Н. Структура и динамика надорганизационных научных сообществ // Социс. - № 5. – 2018. – С. 132-144.
17. Борануков А.В. Экономическая культура и финансовая грамотность населения (на примере южно-российских регионов). Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Майкоп, 2014. – 156 с.
18. Бороздина А.Е. Забота и социальное гражданство // Социс. - № 10. – 2015. – С. 84-93.
19. Буравой М. Социология и неравенство// Социс. - № 7. – 2015. – С. 5-14.
20. Вдовиченко Л.Н. Социология на службе общества // Социс. - № 2. – 2014. – С. 134-140.
21. Вдовиченко Л.Н. Переформатирование Европы: социологический ракурс // Социс. - № 2. – 2018. – С. 9-17.
22. Волков Ю.Г. Креативное общество как цель российской модернизации // Социс. - № 11. – 2011. – С. 25-33.
23. Волков Ю.Г. Социология будущего: социологическое знание и социальный проект. – М.: Кнорус, 2017. – 178 с.

24. Возьмитель А.А., Осадчая Г.И. Образ жизни: теоретико-методологические основы анализа // Социс. - № 8. – 2010. – С. 58-65.
25. Владимиров Д.Г. Пожилые граждане на рынке труда: зарубежный опыт // Социс. - № 6. – 2013. – С. 57-62.
26. Гарпушкин В.Е. Социальный универсализм: новый взгляд // Социс. - № 9. – 2010. – С. 17-25.
27. Гемпель К. Функции общих законов в истории // Логика объяснения. – М.: Дом Интеллектуальной Книги, 1998. – 237 с.
28. Гидденс Э. Устроение общества. – М.: Академический проспект, 2003. – 528 с.
29. Гребенюк А.А., Полежаева Д.А. Мотивы возвратной миграции российских граждан, получивших высшее образование за рубежом // Социс. - №4. – 2016. – С. 37-41.
30. Громов И.А., Лукьянов В.Г. Методология научного познания и теория ценности Э. Дюркгейма // Социс. - № 8. – 2010. – С. 123-132.
31. Горшков М.К. Российский менталитет в социологическом измерении // Социс. - № 6. – 2008. С. 100-114.
32. Горшков М.К., Седова Н.Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социс. - № 22. – 2015. – С. 4-16.
33. Гуссерль Э. Картезианские размышления. – СПб, Ювента, 1998. – 315 с.
34. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. – СПб: Владимир Даль, 2004. – 400 с.
35. Данилова Е.Н. Дискурс выигравших и проигравших в российских трансформациях // Социс. - № 5. – 2014. – С. 16-26.
36. Дарендорф Р. После 1989. Размышления о революции в Европе. – М.: Ad Marginem, 1989. – 271 с.
37. Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии. – М.: Праксис, 2002. – 536 с.

38. Деметрадзе М.Р. Ядро традиционных ценностей как феномен постсоветских обществ // Социс. - № 3. – 2012. – С. 120-128.
39. Ефременко Д.В., Мелешкина Е.Ю. Теория модернизации о путях социально-экономического развития // Социс. - № 6. – 2014. – С. 3-12.
40. Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. – М.: Дело, 2004. - 400 с.
41. Зафировский М. Вне рационального выбора: элементы «теории рационального выбора» // Социс. - № 3. – 2014. – С. 19-28.
42. Зарубина Н.Н. Доверие к науке в современной России в контекстах множественности форм знаний // Социс. - №5. – 2018. – С. 110-120.
43. Зарубина Н.Н. Упрощенные социальные практики как способ адаптации к сложному социуму // Социс. - № 5. – 2014. – С. 37-46.
44. Иванов Д.В. Новые конфигурации неравенства и потоковые структуры глэм-капитализма // Социс. - № 6. – 2016. – С. 13-23.
45. Иванов О.И. Человеческий потенциал: вопросы теории и методологии исследования // Социс. - № 6. -2014. – С. 89-95.
46. Ильин В. В. Мир глобо: вариант России.- Калуга: Полиграф-Информ, 2007.- 251 с.
47. Каргина И.Г. Ключевые тренды в изучении современных проявлений религиозности // Социс. - № 6. – 2013. – С. 108-115.
48. Кармадонов О.А. Неформальное социальное оппонирование: универсальная суть и российская специфика // Социс. - № 8. – 2014. – С.11-20.
49. Кирдина С.Г. О некоторых проблемах социологического дискурса // Социс. - № 3. – 2016. – С. 148-153.
50. Кляйн Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. – М.: Добрая книга, 2009. – 256 с.
51. Козер Л. Функции социального конфликта. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 205 с.
52. Козловски П. Культура постмодерна. – М.: Республика, 1997. – 240 с.

53. Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Счастье и его детерминанты // Социс. - № 1. – 2016. – С. 120-132.
54. Козырева П.М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социс. - № 1. – 2009. – С. 43-54.
55. Козырева П.Н., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Счастье и его детерминанты (статья 2) // Социс. - № 1. – 2016. – С. 66-76.
56. Личностно-ориентированная социология. – М.: Академический Проект, 2004. – 608 с.
57. Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Российское среднее профессиональное образование: востребованность и специфика выбора // Социс. - № 3. – 2018. – С. 34-44.
58. Кравченко С.А. Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы. – Социс. - № 10. – 2010. – С. 14-25.
59. Кравченко С.А. Мосты, соединяющие всевозможные расколы социологии ради более равного мира // Социс. - № 2. – 2015. – С. 29-38.
60. Кравченко С.А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социс. - № 8. – 2014. – С. 3-10.
61. Кравченко С. А. К итогам конференции Европейской социологической ассоциации // Социс. - № 4. – 2016. – С. 147-154.
62. Кузнецов А.М. Глобализация или космополитизация: об одном дискурсе современной западноевропейской социологии // Социс. - № 12. – 2014. – С. 12-20.
63. Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок. – М.: Идея – Пресс, 2000. – 320 с.
64. Кученкова А.В. Межличностное доверие в российском обществе // Социс. - № 1. – 2016. – С. 26-36.
65. Лапин Н.И. Антропологический эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социс. - № 3. – 2018. – С. 3-14.
66. Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социс. - № 9. – 2011. – С. 3-18.

67. Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии. – М.: Алетейя, 2001. – 410 с.
68. Луман Н. Власть. – М.: Праксис, 2001. – 256 с.
69. Луман Н. Общество как социальная система. – М.: Логос, 2004. – 232 с.
70. Луман Н. Эволюция. – М.: Логос, 2005. – 256 с.
71. Луков В.А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы // Социс. - № 1. – 2012. – С. 5-17.
72. Луков В.А. Российская молодежь о биологических проектах «улучшения» человека // Социс. - № 4. – 2018. – С. 73-81.
73. Ляшова С.А. Влияние модернизации общества на институт семьи // Вестник Агу. - № 2.- 2010. – С. 105-110.
74. Мальцева ДВ. Сетевой подход как феномен социологической теории // Социс. - № 4. – 2018. – С. 3-14.
75. Мальцева Д.В., Романовский Н.В. О современных сетевых теориях в социологии // Социс. - № 8. – 2011. – С. 28-38.
76. Мареева С.В. Динамика норм и ценностей россиян // Социс. - № 7. – 2013. – С. 120-130.
77. Медоуз Донелла Х., Медоуз Деннис Л., Рэндерс Й., Беренс В. Пределы роста. — М.: Изд-во МГУ, 1991. 208 с.
78. Моизи Д. Геополитика эмоций. Как культуры страха. Унижения и надежды трансформируют мир. – М.: Московская школа политических исследований, 2010. – 214 с.
79. Морев М.В., Каминский В.С. О государственном управлении на современном этапе развития российского общества // Социс. - № 10. – 2015. – С. 39-48.
80. Мягков.Ю. А Студенты технического вуза: профессиональные компетенции и ожидания на рынке труда // Социс. - № 6. – 2016. – С. 102-109.

81. Нойштадт Р., Мэй Э. Современные размышления о пользе истории для тех, кто принимает решения. – М.: Ad Marginem, 1999. – 384 с.
82. Осипов Г.В. Социология и социальное мифотворчество. – М.: Норма, 2002. – 615 с.
83. Осипов А.М. Учительство в контексте социологии образования: теоретические подходы и приоритеты исследований // Социс. - № 3. – 2018. – С. 45-52.
84. Павлов М.Ю. Креативная экономика: как остановить утрату знаний // Социс. - № 3. – 2018. – С. 144- 148.
85. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проспект, 2000. – 880 .
86. Американская социологическая мысль: Тексты. - М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. – 496 с.
87. Патнэм Х. Разум, истина и история. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 296 с.
88. Патнэм Х. Философия сознания. - М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 240 с.
89. Петухов В.В. Гражданское участие в контексте политической модернизации России // Социс. - № 1. – 2012. – С. 48-61.
90. Пестель Э. За пределами роста. – М.: Прогресс, 1988. – 272 с.
91. Печчеи А. Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1980. – 215 с.
92. Подвойский Д.Г. Язык социологии: многословие или какофония? // Социс. - № 5. – 2011. – С. 3-10.
93. Попов Е.А. Что изучает социология культуры? // Социс. - № 1. – 2011. – С. 89-96.
94. Попов Е.А. Современная социология в перекрестье междисциплинарности // Социс. - № 8. – 2013. – С. 23-29.
95. Пригожин А.И. Качество целей // Общественные науки и современность. – 2010. № 2. – С. 126-139.

96. Пржиленская И. Б. Эволюция жизненного мира россиян: поиск современности.-Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2007. – 288 с.
97. Пронина Т.С., Федотов Ю.С., Федотова Е.Ю. Типологизация новых религиозных движений на основе ценностей и потребностей // Социс. - № 1. – 2018. – С. 73-82.
98. Райл Г. Понятие сознания. - М.: Идея-пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 408 с.
99. Рикёр П. Память, история, забвение. – М.: Идея-Пресс, 2004. – 728 с.
100. Рогозин Д.М. Биографический метод: обзор литературы // Социс. - № 10. – 2015. - С. 120-129.
101. Романовский Н.В. Будущее как проблема современной социологии // Социс. - № 11. – 2015. – С. 13-22.
102. Романовский Н.В. Дискурс кризиса (в) современной социологии // Социс. - № 4. – 2016. – С. 3-12.
103. Ротман Д.Г. Новые подходы к сбору и анализу информации (из опыта полевых исследований) // Социс. - № 5. – 2015. – С. 145-149.
104. Савельева И.М., Полетаев А. В. В поисках утраченного. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 800 с.
105. Санина А.Г. Генезис идеи идентичности в социологии и смежных науках // Социс. - № 12. – 2014. – С. 3-11.
106. Селиванов А.И. Познание будущего развивающихся социальных объектов // Социс. - № 4. – 2015. – С. 3-11.
107. Семенова В.В. Субъективная социальная мобильность: возможности качественного подхода // Социс. - № 6. – 2016. – С. 84-93.
108. Сомов В.А. Феномен советскости: историко-культурный аспект // Социс. - № 2. – 2015. – С. 12-20.
109. Сорокина М.В. Смена приоритетов? Трудовые ожидания работников ритейла в зеркале интернет-коммуникаций // Социс. - № 5. – 2018. - С. 99-109.

110. Тангалычева Р.К. Межкультурная коммуникация и аккультурация (опыт зарубежных исследований) // Социс. - № 7. – 2015. – С. 89-98.
111. Тард Г. Социальная логика. - С.-Петербург: Социально-психологический центр, 1996. – 548 с.
112. Тихонова Н.Е. Явные и неявные последствия экономических кризисов для россиян // // Социс. - № 12. – 2015. – С. 16-27.
113. Тоффлер Э. Третья волна. — М.: АСТ, 2010. – 784 с.
114. Тоффлер А. Футурошок. - С.-Петербург: Лань, 1997. – 464 с.
115. Тощенко Ж.Т. Антиномия – новая характеристика общественного сознания в современной России // Социс. - № 12. – 2010. – С. 3-18.
116. Тощенко Ж.Т. Жизненный мир и его смыслы // Социс. - №18. – 2016. – С. 6-17.
117. Тощенко Ж.Т. Теоретические и прикладные проблемы исследования новых явлений в общественном сознании и социальной практике // Социс. - № 7. – 2010. – С. 3-7.
118. Трубицын Д.В. Макроистория: критика социологии большой длительности // Социс. - № 2. – 2018. – С. 35-44.
119. Трубицын Д.В. Социологические ключи к секретам ресурсного проклятия // Социс. - № 5. – 2016. – С. 3-12.
120. Трубицын Д.В. Ресурсные и территориальные факторы модернизации восточных сообществ: сравнительно-исторический характер // Социс. - № 6. – 2014. – С. 21-32.
121. Убайдуллаева Р.Т. О социальной рациональности и ее типах // Социс. - № 11. – 2013. – С.10-17.
122. Урри Дж. Мобильность и близость // Социс. - №. 2. – 2013. – С. 3-15.
123. Уэбстер Ф. Теории информационного общества.- М.: Аспект Пресс, 2004.- 400 с.
124. Федоровский А.П. Десекуляризация общественного сознания как социокультурный тренд современности // Философия права. - № 6. – 2013. – С. 87-90.

125. Федоровский А.П. Историческая память и диалог культур // Ставрополь – город межэтнического согласия и межконфессионального диалога. Материалы ежегодной городской научно-практической конференции. – Ставрополь: Изд-во СКСИ, 2015. – С. 295-298.
126. Федотова В.Г. С.И. Новые идеи в социальной теории // Социс. - № 11. – 2011. – С. 14-25.
127. Фролов С.С. Возникновение и развитие правил в практике управления социальными системами // Социс. - № 3. – 2015. – С. 120-127.
128. Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хамермаса. – Минск: Эконопресс, 2000. – 224 с.
129. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. – М.: Академия, 1995. – 225 с.
130. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – С.-Петербург: Наука, 2000. – 382 с.
131. Хавенсон Т.Е., Миголь Е.В. Социально-профессиональный статус и политические ценности России, Германии, США (сравнительный анализ) // Социс. - № 9. – 2011. – С. 61-72.
132. Ханаху Р.А., Цветков О.М. Отношение к соотечественникам и проблемам толерантности в общественном сознании // Работы разных лет отдела философии и социологии (2014-2019. – Майкоп: Изд-во Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева), 2019. – С. 6-17.
133. Харрисон Л. Кто процветает? – М.: Новое издательство, 2008. – 300 с.
134. Хаттон П. История как искусство памяти. – СПб.: Владимир Даль, 2003. – 424 с.
135. Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. - 1994. - № 10. – С. 112-123.
136. Храмцов А.Ф. Социальное государство: факторы изменчивости // Социс. - № 9. – 2012. – С. 74-81.

137. Хоскинг Дж. Доверие, деньги, рынки и общество. М.: Московская школа политических исследований, 2012. – 80 с.
138. Хунагов Р.Д. Личность и цивилизация в мире аутентичности и идентичности. М.: Антей. 2012. – 270 с.
139. Шестопал Е.Б. Элиты и общество как политические акторы в постсоветской России // Социс. - № 5. – 2016. – С. 35-43.
140. Шибалина О.А. Личные дневники «советского» человека: опыт качественного исследования // Социс. - №4. – 2016. – С. 138-141.
141. Шубарт В. Европа и душа Востока. – М.: Русская идея, 2000. – 448 с.
142. Шубрт И. Концепция социального времени в социологии – перспективный подход или теоретический тупик? // Социс. - № 4. – 2015. – С. 3-11.
143. Широкалова Г.С. Коммуникативная память: опыт изучения семейных историй (по материалам социологического практикума в вузе) // Социс. - № 5. – 2018. – С. 145-153.
144. Черныш М.Ф. Трансмиссия культурного капитала и социальная мобильность // Социс. - № 8. – 2013.- С. 42-53.
145. Черныш М.Ф. Современный марксизм в мировом и российском контекстах // Социс. - № 5. – 2018. – С. 15-26.
146. Щюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. – М.: РОСПЭН, 2004. – 1056 с.
147. Элиас Н. Общество индивидов. – М.: Праксис, 2001. – 416 с.
148. Юревич А.В. Экономика эзотерических знаний // В защиту науки. - №8. 2011. – С. 90-92.
149. Яковлева Н.Г. Образование в России: общественное благо или коммерческая услуга? // Социс. - № 3. – 2018. – С. 149-153.
150. Яницкий О.Н. Социальные ограничения модернизации России // Социс. - № 7. – 2010. – С. 17-28.
151. Янч Э. Прогнозирование научно-технического прогресса. – М.: Прогресс, 1970. – 568 с.

152. Galbraith, J. K. The New Industrial State. Джон Гэлбрейт. Новое индустриальное общество. Перевод на русский язык: Л. Я. Розовский, Ю. Б. Кочеврин, Б. П. Лихачев, С. Л. Батасов. — М.: 2004. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5021>.
153. Giarini O., Stahel W. The Limits to Certainty. – Boston, London: Springer Science and Business Media: 1993. – 270 p.
154. Gunatilleke G. The Ethics of Order and Change // Technology as a Human Affair / Ed. L. Hickman. - N. Y., 1990.- 151 p.
155. Lingis A. Death drive // The Journal of Value Inquiry. - 1995. - Vol.29.- № 2. – P. 217-229.
156. Turner S. American Sociology: From Pre-Disciplinary to Post-Normal. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. – 136 p.